

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

М.В. Кирчанов

ЛАТВИЯ И СТРАНЫ БАЛТИИ

*проблемы дипломатической
и политической истории*

Воронеж

2007

УДК 94
ББК 63.3
К 436

Рецензенты:

В.И. Ф е д о с о в

*к.и.н., профессор кафедры региональной и внешнеполитической
деятельности ВФ Российской Академии
государственной службы при Президенте РФ*

И.В. К о м о в

*к. геогр. н., преподаватель кафедры международной
экономики и внешнеэкономической деятельности
Воронежского государственного университета*

Кирчанов М.В. Латвия и страны Балтии: проблемы дипломатической и политической истории / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, Факультет международных отношений, 2007. – 153 с.

© Кирчанов М.В., 2007

© Центр изучения Центральной и Восточной Европы, 2007

© Факультет международных отношений, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Введение	4
II. Проблемы истории немецко-латышских контактов в XVI – XIX вв.	6
III. Латышско-русские контакты в XIX веке	19
IV. Проблемы славяно-балтийских контактов в Латвии	29
V. Международные отношения в Прибалтике в 1917 – 1920 гг. и возникновение Латвийской Республики	44
VI. Проблемы немецко-латышских отношений в XX столетии	57
VII. Латышско-британские и латышско-германские отношения между двумя мировыми войнами	75
VIII. Политический кризис 1939 – 1940 гг. и проблемы международного статуса стран Балтии	92
IX. Балтийские диаспоры - фактор международных отношений во второй половине XX века	104
X. Европейская идея в политической истории стран Балтии во второй половине XX века	116

I. Введение

Эта небольшая книга посвящена нескольким аспектам дипломатической, политической и интеллектуальной истории Балтийского региона. В центре авторского внимания пребывает преимущественно Латвия, но в ряде случаев анализируется литовская и эстонская проблематика. Это - сложная книга потому, что она рассказывает о том, о чем сложно в настоящее время писать спокойно и объективно. Эта книга о Прибалтике.

Латвия, Литва и Эстония стали своеобразными «местами памяти» для нескольких поколений русских. Распад Советского Союза и появление независимых балтийских государств стали тяжелой травмой для массового сознания, породив русский национализм. Одним из объектов критики русского национализма стали новые балтийские государства. С другой стороны, в современной России ощущается объективная нехватка научных публикаций, далеких от публицистической полемики, которые затрагивали бы проблемы балтийской истории.

Ситуация усугбляется тем, что в России почти отсутствует система подготовки специалистов по истории Латвии, Литвы и Эстонии, которые по окончании университета владели бы не только базовыми знаниями о регионе, но и местными языками. На таком фоне в самих странах Балтии традиции изучения и преподавания русского языка как иностранного не потеряны. Такая ситуация сыграла плохую службу для российских гуманитарных исследований.

Начиная с 1990-х годов, в российском обществе нередко доминирует националистический дискурс восприятия стран Балтии, который сформировали не специалисты, а журналисты, не знающие ни языка, ни истории того региона, о котором они вынуждены писать. Профессиональная (академическая) международная журналистика открывала для себя Прибалтику долго и мучительно. Поэтому, в российском обществе в отношении Прибалтики установился целый ряд устойчивых стереотипов о том, что местные жители – националисты, неонацисты, русофобы...

Подобные политические настроения присутствуют и в Латвии, и в Литве, и в Эстонии, но крайний этнический национализм – удел политических маргиналов. В России историю Балтии нередко сводят к антирус-

скому национализму и сотрудничеству с немецкой армией в период второй мировой войны. Да, такие факты имели место, но местные исторические науки их и не отрицают. Например, в 1990-е годы академические сообщества Латвии и Литвы сделали много для изучения участия латышей и литовцев в холокосте еврейского населения в период второй мировой войны. Вероятно, это было непросто, но латышские и литовские интеллектуалы смогли интегрировать это в историческую память латышей и литовцев.

Признание того, что на части нации лежит такая ответственность свидетельствует о многом. Это – и проявление европейской культуры толерантности и ответственности. Именно о некоторых аспектах европейской истории Латвии пойдет речь в этой книге.

Частично фрагменты настоящей работы были опубликованы автором в различных сборниках и журналах, обсуждались на конференциях и круглых столах. Эта книга не является историей внешней политики Латвии. Это – собрание текстов, касающихся различных аспектов дипломатической и политической истории. Вероятно, это – сборник статей, каждая из которых представляет законченное исследование. Поэтому, автор сознательно не писал для этой книги заключения.

Надеюсь, что она будет понята верно и принята спокойно. Любая критика (кроме критики, состоящей в навешивании ярлыка «буржуазного национализма») всегда приятна для автора, который искренне работал над книгой. Я далек от иллюзии, что эта работа идеальна и охватывает проблему в полном объеме. Автор готов к дальнейшему обсуждению и дискуссии, но желательно, чтобы это проходило в режиме диалога.

И последнее, может быть – самое важное, надеюсь, что эта книга вызовет не только интерес, но и желание заняться балтийскими исследованиями. Российской гуманистике не дастся работ, посвященных нашим ближайшим соседям. Не переоценивая значения этой книги, надеюсь, что в ближайшие годы балтийские исследования в России пополнятся новыми работами, посвященными странам Балтии.

II. Проблемы истории немецко-латышских контактов в XVI – XIX вв.

В исторической литературе отношения между латышами и немцами сводят к противостоянию между латышским и немецким национализмом. Первыми отцами латышского национализма, как ни странно это звучит, были именно немцы, в особенности, лютеранские пасторы, которых, используя терминологию историка Т. Завалани, можно определить как «иностранный интеллектуальный стимул», или же в соответствии с советскими концепциями «распространителей религиозного мировоззрения среди крестьян». Состояние немцев в Латвии балтийский немецкий автор М. Хатцель описывал так: «немецкие патриции управляли прибалтийскими городами на манер средневековья, они господствовали экономически и юридически в муниципалитетах и гильдиях, от членства в которых все другие национальности были отстранены, официальным языком в крае считался немецкий, на нем велись судебные и административные дела, преподавание в школах». Иными словами, немцы были иноземным правящим классом, который доминировал над чуждыми им этническими группами, которые занимали компактные территории, не обладая при этом собственной этнической элитой¹.

Активность пасторов можно объяснить тем, что «в латышском языковом ареале господствовало немецкое культурное влияние»². Преемственность между представителями более ранней немецкой культурной и более поздней местной национальной элиты неоднократно отмечалась и констатировалась еще в советской историографии – при этом данная особенность рассматривалась как общая для большинства национальных

¹ Svēlpis A. Evangeliski-luteriskā baznīca sabiedriskā attiecību sistēmā Latvijā XV-gs. – XIX gs. I pusē / A. Svēlpis. - R., 1978; Zavalani T. Albanian Nationalism / T. Zavalani // Nationalism in Eastern Europe. - L., 1994. - P. 56; Svēlpis A. Jautājums par Jaunā Stendera pārvācāšanas propagandu. - lpp. 52; Haltzel M. Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Rußlands. Ein Beispiel zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855 – 1905 / M. Haltzel // Marburger Ostforschungen. - Bd. 37. - 1977. - S. 1; Хрох М. От национальных движений к сформировавшейся нации / М. Хрох // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 123.

² Дини П.У. Балтийские языки. - С. 318.

движений в Средней Европе в XIX веке³. Будучи в состоянии германизировать землю через координальное изменение ее облика и ландшафта, но не в силах онемечить ее обитателей через прививание им немецкого языка и культуры, немцы уже к концу XVIII столетия начинают проявлять интерес к тому, что в 1864 году пастор Вальтер назовет «исчезающими расами», а сам немецкий интерес – «сожалением». Объектом этого интереса, отмеченного пастором Вальтером и ставшего результатом провала всех попыток германизации, были латыши и латышский язык, значение которого постепенно начинало меняться – он перестает быть только кладезем народной культуры, а становится сферой политического, экономического, юридического и образовательного интереса. Осветим основные моменты этого немецкого интереса к латышам и латышскому языку, которые Р. Виппер (Виперс) свел к тому, что для крестьян кто-то «сочинял песни, придумывал игры и праздники»⁴.

Первые проявления этого интереса можно обнаружить в XVI веке. Интересу способствовало то, что немцы и латыши не жили изолированно, так как на территории Латвии существовал такой тип проживания властвующего и угнетенного населения, при котором господа не изолированы от крестьян, а живут в крестьянской массе, выполняя над ними свои властные функции. Первыми, кто стал писать по-латышски, были немцы. Одна из первых латышских записей датируется 1522 годам и представляет собой список членов гильдии латышских ремесленников. В 30-е годы XVI века появились три сборника песен на латышском языке – их авторами были Иоганн Экс и Николав Рамм. В 1585 году Петер Канизий в Вильнюсе издал на латышском языке Католический катехизис. В 1586 году появился аналогичный текст, изданный протестантами. Скорее всего, П. Канизий не был первым, кто писал по-латышски: он был первым, чьи работы дошли до нас.

Известно, что первая латышская книга была написана в Германии еще в 1525 году либо балтийскими немцами, либо латышами. Ее текст до нас не дошел. Это, скорее всего, была религиозная книга для нужд богослужения. Она была, по всей вероятности, уничтожена католиками, за-

³ См. напр.: Моторный В.А., Трофимович К.К. Серболужицкая литература. История. Современность. Взаимосвязи / В.А. Моторный, К.К. Трофимович. - Львов, 1987. - С. 28 – 29.

⁴ Бройи Д. Подходы к исследованию национализма / Д. Бройи // Нации и национализм. - М., 2002. - С.209; Vipers R. Vēstures lielās problēmas / R. Vipers. - R., 1940. - lpp. 126.

хватившими судно с ними по пути в Ригу. Известно, что С. Мюнстер в одну своих книг включил текст молитвы на латышском языке. Протестантский проповедник Николав Рамм выполнил перевод некоторых религиозных текстов на латышский язык. Но до XVII века использование латышского языка имело эпизодический характер. С XVII века немецкие пасторы начинают более часто использовать латышский язык, что советская историография объясняла их стремлением укрепить авторитет церкви как одной из основ немецкого господства в Прибалтике. Систематический интерес к нему возник лишь в XVII – XVIII веках. Он связан с деятельностью немцев, главным образом, пасторов. Наиболее важными фигурами среди балтийского германства были Георг Манцель, К.Г. Эльверфельдт, Г. Меркель, Э. Глюк, Х. Фюрикер, И. Вишманн, Г.Ф. Стендер, А.И. Стендер⁵.

Георг Манцель (1593 – 1654) был немецким пастором, который написал несколько работ на латышском языке и по проблемам грамматики латышского языка. Это подтверждает предположение итальянского балтиста Пьетро У. Дини о том, что первые немецкие авторы, писавшие на латышском языке были билингвалами и трилингвалами. Примечательно то, что работы пастора не были адресованы латышам, они предназначались для немецких пасторов, «которые пожелают остаться в Курземе, Земгале и в латышской части Лифляндии, чтобы здесь честным образом зарабатывать свой хлеб». При этом латышский язык Г. Манцеля еще не совсем точен и содержит много ошибок. В процессе своих переводческих усилий немцы должны были преодолеть столь большое количество трудностей, что грамматика для них была нередко неважна, будучи делом второстепенным. Тексты Манцеля свидетельствуют о том, что он относительно хорошо овладел структурой латышского языка⁶.

⁵ Wolf E.R. Peasants. - P.10; Зейле П.Я. Очерк истории эстетической мысли Латвии. - С. 59 – 60; История Латвийской ССР. Краткий курс. - Рига, 1971. - С. 173 - 174; Grabis R. Pārskats par 17. gadsimta latviešu valodas gramatikām / R. Grabis // LPSR ZA Valodas un literatūras institūta raksti. - No 5. - 1965. - lpp. 260; Hilner G. Ernsts Glücks: latviešu bībels tulks, miera darbos un kara briesmās / G. Hilner. - R., 1918; Zemzaris T. Ernesta Glūcka ziņojumi Vidzemes virskonsistorijai / T. Zemzaris // LVĪŽ. - 1940. - No 1; Kallmeyer Th. Die evangelischen Kirchen und Prediger Kurlands / Th. Kallmeyer. - R., 1910.

⁶ Дини П.У. Балтийские языки. - С. 315; История Латвийской ССР. Краткий курс. - Рига, 1971. - С. 176; Зейле П.Я. Очерк истории эстетической мысли Латвии. - С. 62.

Манцель, в отличие от других немцев, латышским языком интересовался и к записи разных латышских слов подходил более тщательно. Именно он упорядочил написание латышских слов, заложив, тем самым, основы «старой орфографии». В 1638 году Г. Манцель издал словарь «Lettus», кроме этого перу Манцеля принадлежит сборник упражнений по латышскому языку («Phraseologia Lettica») и образцы речи на латышском языке – «Zehen Gesprache». В 1654 году вышла, пожалуй, самая интересная работа Манцеля – «Долгожданный латышский сборник проповедей» («Langegewunschete lettische Postill»). В латышской историографии Манцель рассматривается почти как латышский автор. В. Сталтмане, например, называет его Манцелисом, подчеркивая, тем самым, его латышскость. Итальянский балтист П.У. Дини считал, что в основе латышского языка первых немецких работ лежит латышский язык Риги и ее окрестностей. В латышском языке данного этапа итальянский исследователь отмечает влияние средненемецкого и земгальского латышского диалекта⁷.

Христоф Фюрикер, или Фирикер (1615 – 1685), перевел на латышский около 180 псалмов Лютера и других немецких авторов, впервые введя рифму в латышский язык⁸. Латышский язык Х. Фюрикера выглядит по сравнению с языком Г. Манцеля более латышским. Это следует объяснять тем, что он лучше знал язык и, скорее всего, использовал его в быту, так как был женат на латышке. Иоганн Вишманн (умерший в 1705 году) в 1697 году написал книгу «Der untteutsche Opitz» («Ненемецкий Опитц»), которая представляла собой руководство к сочинению и переводу песен. Эрнст Глюк (1652 – 1705) в 1685 году перевел на латышский язык Новый Завет – «Jauns Testaments». Латышский историк П. Зейле отмечал, что перевод, составленный Э. Глюком, имеет большое культурно-историческое значение⁹. Религиозные переводы сыграли очень значительную роль в становлении латышского языка и национального чувства среди латышей, пусть и пока среди их незначительной части. Это подтверждает предположение Б. Андерсон о том, что многие нации стали результатом воображения связанного со священными текстами, в особенности – с их языком¹⁰.

⁷ Сталтмане В.Э. Латышская антропонимия. Фамилии / В.Э. Сталтмане. - М., 1981. - С. 4; Дини П.У. Балтийские языки. - С. 319.

⁸ Bērziņš L. Kristofors Fīrekērs / L. Bērziņš. - Rīga, 1928.

⁹ Зейле П.Я. Очерк истории эстетической мысли Латвии. - С. 61.

¹⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. - С. 36.

Среди немецких авторов особое место занимают пасторы – отец и сын Стендеры. Готхардт Фридрих Стендер (1714 – 1796)¹¹, известный в историографии как Старый Стендер (по-латышски – Vecais Stenders)¹² оставил несколько работ по грамматике латышского языка - «Новая, более полная латышская грамматика» («Neue vollstandigere lettische Grammatik», 1761), «Латышская грамматика» («Lettische Grammatik», 1783), «Латышский лексикон» («Lettische Lexikon», 1789). Ему принадлежат и сборники художественных произведений на латышском языке («Zingu lustes», «Прелестные басни и рассказы» 1766 года, «Басни и рассказы» 1789 года) и первый латышский труд по естествознанию («Книга высокой мудрости» - «Augstas Gudrihbas Grahmata no Pasaules un Dabas» 1774 года)¹³. В латышской историографии признавались определенные заслуги немецкого автора в исследовании и изучении латышского языка¹⁴, в советской латвийской историографии Старый Стендер рассматривался как деятель реакционного плана, которые вел борьбу против «свободомыслия, атеизма и вольтерьянства»¹⁵.

Его сын, Александр Иоганн Стендер (1744 – 1819), так же известен как автор ряда работ на латышском языке. Важнейшие в их ряду – «Песни, волшебные песни, сказки» (1805, «Dziesmas, stahstu dziesmas, pasakas»), «Веселье крестьянина, в помещика обращенного» (1790, «Lustesspehle no zemneeka, kas par muizhneeku tapa pahrvehrsts»)¹⁶. В 1804 году вышла книга сентиментальной поэзии на латышском языке, автором

¹¹ О Старом Стендере см.: Страдынь Я. Стендер и его «Книга премудростей мира и природы» / Я. Страдынь // Даугава. - 1984. - № 11. - С. 119 – 125.

¹² О Старом Стендере, равно как и о его сыне, русскоязычной научной литературы практически нет. По данной причине актуальная работа К. Кундзиньша «Старый Стендерс, его жизнь и деятельность», вышедшая в Елгаве в 1879 году на латышском языке – см.: Kundziņš K. Vecais Stenders savah dzihvee un darbaa / K. Kundziņš. - Jelgawa, 1879.

¹³ См. работы Старого Стендера: Stender G.F. Lettisches Lexikon / G.F. Stender. - Jelgawa, 1789; Stender G. Zingu luhstes / G.F. Stender. - Jelgawa, Vol. 1. – 2., 1785, 1789.; Stender G. Jaukas pasakas un stahsti / G.F. Stender. - Jelgawa, 1766; Stender G. Grahmata augstas gudrihbas no pasaules un dabas / G.F. Stender. - Jelgawa, 1776.

¹⁴ Endzelīns J. Vecā Stendera latviešu gramatika un vādnīca / J. Endzelīns // Druva. - 1914. - IX. - lpp. 907. – 911.

¹⁵ Зейле П.Я. Очерк истории эстетической мысли Латвии. - С. 68.

¹⁶ О Юном Стендере специальная литература на русском языке практически отсутствует. См.: Svēlpis A. Jutājumā par Jaunā Stendera pārvācošanas propagandu / A. Svēlpis // Pēteris Stučka LVU Zinātniskie Raksti. - Vol. 159. - 1972. - lpp. 49 – 72.

которой так же был немец. Это была «Книга утех» или «Lihsmihbas grahmata», которая содержит переводы с немецкого на латышский, выполненные Карлом Готхардтом Эльверфельдтом (1756 – 1819) и его пьеса «Vertulis un MaĶa». Заслуга Юного Стендера, как его нередко называют в латвийской историографии, состоит в переводе на латышский язык ряда стихотворных текстов, что способствовало его обогащению и делало возможным дальнейшее развитие языка уже по инициативе национальных деятелей свободных от немецкого влияния. Например, Юный Стендер для перевода использовал следующий немецкий текст: «Die Erde trinkt Wasser. Die Meer trinkt die Sonne. Die Sonne trinkt das Meer. Alles, was auf der Welt ist, trinkt. Warum soll ich auch nicht trinken nach aller Gebrauch?» На латышский он перевел этот текст таким образом: «Zeme dzer ūdeni, Jūra dzer sauli. Saule dzer jūru, Visi dzer pasaulē, Kādēļ es lai nedzeru, Sakiet jel man?» («Земля пьет воду, море пьет солнце, солнце пьет море, все пьют мир, почему же я ничего не пью?»)¹⁷.

Очень много для роста интереса немцев к латышам (и тем самым для развития предпосылок для зарождения латышского национализма) сделал Гарлиб Меркель (1769 – 1850), по определению литовской националистической газеты «Vienybe lietuvninkus», «апостол единства латышей», «активный, темпераментный и страстный публицист». В латышской историографии он традиционно рассматривался как носитель прогрессивных идей и один из предшественников латышского общественного мнения, латышской политической мысли. Меркель (получивший в немецкой историографии не самую лестную оценку, но идеализируемый в советской исторической литературе)¹⁸ написал ряд книг на немецком языке, а именно – «Die Letten vorzuglich in Liefland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts», которая позднее была переведена на русский и латышский

¹⁷ Svēlpis A. Jautājumā par Jaunā Stendera pārvācašanas propagandu. - lpp. 57. – 58.

¹⁸ Vaita H. Garlība Merķēļa rokraksti Latvijas PSR Zinātņu akadēmijā / H. Vaita. - R., 1968; Vienybe lietuvninkus. - 1892. - No 17; Янkelович Л. Иоганн Готфрид Гердер и Гарлиб Меркель / Л. Янkelович // Германия и Прибалтика. - Вып. 3, Рига, 1974. - С. 86 – 106; Анспак Я. И. Марксистско-ленинская педагогическая мысль в Латвии 1893 – 1917 / Я. И. Анспак. - Рига, 1981. - С. 28 – 29; Daniševskis J. Prūšu junkuri Latvijā. 1812. – 1914 / J. Daniševskis. - R., [b.g.] - lpp. 58; Stritzky K.Ch. Garlieb Merkel und “Die Letten am Ende des philosophischen Jahrhunderts” / K. Stritzky. - R., 1939; Миллер В.О., Мелькисис Э.А. Политико-правовые взгляды Гарлиба Меркеля / В.О. Миллер, Э.А. Мелькисис. - М., 1977.

языки, «Wannen Ymanta» и «Die Vorzeit Lieflands». Кроме этого он - автор нескольких статей по латышской проблематике¹⁹.

«Wannen Ymanta» представляет собой размышления Меркеля о латышской донемецкой истории, которую он, по сути, и придумал. В его книге фигурируют вождь Видевутс, священная роща Ромова, боги Перконс, Потримпс и Пиколс. Книга «Ваннен Иманта» посвящена борьбе латышей с немцами – вождю Иманте, погибшему в бою с предателем Каупо²⁰. Наличие подобных идей в книге Гарлиба Меркеля позволяет найти в его творчестве идеи романтизма. По данной причине, Г. Меркеля можно рассматривать как «романтиком внутри просветительства».

Гарлиб Меркель был одним из первых немецких авторов, кто констатировал элементы национального самосознания у латышей, направленного, в первую очередь, против немцев. Он считал, что единственное чувство, которое латыши в состоянии испытывать в отношении немцев, это ненависть «в соединении с горьким отвращением». Немецкий автор считал, что латышский крестьянин самому понятию «немец» предаст особое значения, понимая под ним все исключительно самое плохое и опасное для него. В связи с этим он приводит пример суда над латышскими крестьянами, которые убили проходившего мимо них охотника только из-за того, что он был неместным и к тому же немцем. Подводя итог антинемецким настроениям латышей, Гарлиб Меркель заключает, что в случае «общего восстания ни одна немецкая нога не уйдет отсюда», предвидя, видимо, полное истребление немцев восставшими латышами. Советская латвийская историография, рассматривая творчество Г. Меркеля, указывала неоднократно на прогрессивное значение его взглядов для развития латышского крестьянства. Однако в вину ему ставили то, что он

¹⁹ Merkel G. Die Letten, vorzüglich in Liefland, an Ende des philosophischen Jahrhunderts / G. Merkel. - Leipzig, 1797; Меркель Г. Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия / Г. Меркель // Чтения в обществе истории и древностей российских. - М., 1870. - Кн. 1. - Отд. IV; Merķelis G. Latvieši, sevišķi Vidzeme, filozofiskā gadsimtena beigēs / G. Merķelis. - R., 1953; Merkel G. Wanen Ymanta, eine Lettische Sage / G. Merkel. - Leipzig, 1802; Merkel G. Die Vorzeit Lieflands / G. Merkel. - Bd. 1 - 2. Berlin, 1807; Merkel G. Über Dichtergeist und Dichtung unter den Letten / G. Merkel // Der Neue Deutsche Merkur. - 1797. - St. 5. - S. 29 - 49; Merkel G. Sitten Liefland in der ersten Hälfte 16. Jahrhunderts / G. Merkel // Der Neue Deutsche Merkur. - 1798. - St. 11. - S. 223 - 240; Merkel G. Supplement zu den Letten / G. Merkel. - Weimar, 1798.

²⁰ Merkel G. Darstellung und Charakteristiken aus meinen Leben / G. Merkel. - Leipzig, 1839.

не понимал классовой сущности существовавшего порядка, не призывал крестьян к революционной борьбе. В целом же характер его работ оценивался как «ограниченный»²¹.

Фигура Г. Меркеля – исключение среди всех балтийских немецких деятелей в рамках немецкой историографии. Если другие немецкие деятели в своем большинстве оценивались негативно, то Меркель идеализировался, рассматривался как первый латышский национальный деятель. Еще в XIX веке о нем писали: «нетленный памятник он воздвиг себе в сердцах латышей: пока латышский народ будет существовать и вкушать плоды свободы, он с благодарностью будет вспоминать борца за свободу – Гарлиба Меркеля»²². Гарлиб Меркель рассматривался латышским историком К. Ландерсом как «один из самых лучших и искренних друзей латышей», который «в очень определенных и ярких красках отобразил жизнь и страдания латышских и эстонских рабов под варварским игом немецких баронов, выступал за человеческие права этих угнетенных народов, за облегчение их судьбы». При этом К. Ландерс в некоторой степени идеализировал Г. Меркеля: «память этого первого страстного борца за свободу латышей останется дорогой каждому развитому латышскому гражданину – народ не забудет того, кто в те страшные времена так последовательно и смело выступил в защиту его, в грязи затоптанных, прав»²³.

По инициативе немцев, этих, по словам современного эстонского историка Н. Басселя, просвещенных интеллигентов, переживавших «брожение в умах», были созданы и первые культурные организации – «Латышское литературное общество» и «Рижское общество для изучения истории и древностей». Первое было широко известно как Общество друзей латышей. Это общество было призвано изучать латышский язык. Его участники стремились остановить развитие независимой латышской литерату-

²¹ О роли Г. Меркеля см.: Zeids T. *Garlībs Merķelis un viņa "Latvieši"* / T. Zeids // *LPSR ZA Vēstis*. - 1977. - No 9; Strods H. *Garlieb Merkel und die lettische Ethnographie* / H. Strods // *Gesellschaft und Kultur Russlands in der 2. Hälfte der 18. Jahrhunderts*. - Halle, 1982. - S. 251 – 274; Меркель Г. *Латыши, особенно в Ливонии, в исходе философского столетия* / Г. Меркель // *Чтения в обществе истории и древностей российских*. - М., 1870. - Кн. 1.- Отд. IV. - С. 16; *История Латвийской ССР* / ред. К.Я. Страздинь, Я.Я. Зутис, Я.П. Крастынь, А.А. Дризул. Т. 1. - Рига, 1952. - С. 412.

²² *Garlībs Merķelis latvju brīvības apustulis* // *Austrums*. - 1890. - No 1. - lpp. 187. – 200.

²³ *Landers K. Latvijas vēsture. Otra daļa* / K. Landers. - Peterburga, 1908. - lpp. 189.

ры. В Обществе наряду с немцами было и несколько латышей – Ансис Ливенталс и Юрис Барс – сын латышского кузнеца, врач, автор незаконченного немецко-латышского словаря и один из первых переводчиков Крылова на латышский язык. Немцы стояли у истоков и первых латышских газет. В 1768 году увидели свет 25 «номеров» (точнее – «листов») «Латышского целителя или истинного поучения о болезнях». В 1822 году немцы начали издание «Латышской газеты» («Latweeschu Avihzes»). Подобная издательская активность немецких пасторов встретила одобрение части образованных латышей, которые считали, что развитие латышской культуры возможно при помощи немцев. При этом не все латыши относились к данной немецкой деятельности позитивно. Например, позднее часть латышских авторов отзывалась о немецких изданиях на латышском языке крайне негативно²⁴.

В этой газете печатались и работы, авторами которых были латыши, отличительной чертой которых была маргинальность²⁵, так как ранние латышские авторы еще не имели четко выраженного национального самосознания и политической программы. Общие идеи первых латышских авторов можно свести к религиозности и романтизму. В западной историографии таких ранних национальных деятелей рассматривают как «первое романтическое поколение»²⁶. Одним из первых таких латышских авторов был К. Крауклинг²⁷. Он был сыном зажиточного латышского торговца, смог получить образование. Много лет он жил в Германии, где стал директором Саксонской королевской библиотеки и редактором «Дрезденской газеты». Крауклинг печатал свои работы в газете под именем «Kurzemes dēls». Обращение в подписи к Курземе говорит о постепенном формировании национального латышского самосознания. Использование

²⁴ Бассель Н. История культуры Эстонии / Н. Бассель. - Таллинн, 2000. - С. 23; История Латвийской ССР. Т. 1. - С. 592; Berziņš L. Latviešu rakstniecība svešu aizbildniecībā / L. Berziņš // Latvieši. - R., 1930; Lejnieks K. Latviešu draugi pagātnē / K. Lejnieks. - R., 1937; Birkerts A. Latviešu intelligence savās cīņās un gaitās / A. Birkerts. - R., 1927; Записки православного латыша Индрика Страумите // Самарин Ю.Ф. Соч. Том 8. - М., 1890. - С. 261.

²⁵ О маргинальности в национальных движениях см.: Богданова И.А. Введение в проблематику становления словацкой национальной культуры / И.А. Богданова // Культура и общество в эпоху становления наций (Центральная и Юго-Восточная Европ в конце XVIII – 70-х годах XIX века). - М., 1974. - С. 71.

²⁶ Ravbar M. Pregled hrvatske, srbske in makedonske književnosti. - S. 120.

²⁷ Фамилия Крауклинг или Kraukling представляет собой германизированный вариант латышской фамилии Крауклиньш или Kraukliņš.

слова Kurzemes было шагом к понятию Latvijas. Вместе с Крауклингом в газете «Latweeschu Avihzes» печатались Пурмалс, который был садовником, и Матисс Витиньш, бывший ключником²⁸.

Деятельность немецких просветителей в Российской Прибалтике имела важные результаты для балтийских наций, в том числе и для латышей. Наиболее активный период деятельности просветителей в общеевропейских рамках направленной на развитие культур угнетенных народов датируется 1780 – 1810 годами. После этого угнетенные нации смогли обрести уже своих национальных деятелей. Современный эстонский историк Н. Бассель комментирует это иностранное влияние как введение балтийских наций в мир европейской культуры. «Вхождение в немецкоязычную языково-культурную общность при всех плюсах и минусах этого вхождения является неоспоримым историко-культурным фактом духовной родословной народа и его культуры. Принадлежность к этой общности способствует формированию европейскости культуры», - пишет он. Н. Бассель считает, что балтийские народы прошли культурное развитие до XIX века так же в рамках немецкой европейской культурной школы. Эстонский немецкий историк Аксель де Фриз считал, что благодаря деятельности немецких просветителей «прибалтийские народы, эстонцы и латышами, тесными узами судьбы оказались связанными с западом»²⁹.

Другие историки, напротив, несклонны преувеличивать значение зарубежного влияния на процесс национальной активизации. Они склонны искать ее причины и истоки исключительно в проблемах внутренней истории той или иной территории. Впервые в историографии данная теория в европейской перспективе вообще была детально представлена и теоретически разработана хорватским историком Ф. Фанцевым. Хорватский историк Я. Шидак отмечал, что основы большинства национальных движений европейских народов были заложены именно в период после Великой французской буржуазной революции, датируя эти события 1790 – 1827 годами и были связаны с особенностями именно местного, культурного, политического и экономического, развития. В пользу незначительной роли немецкого влияния на возникновение национального движения

²⁸ История Латвийской ССР. Т. 1. - С. 587 – 588.

²⁹ Ārons M. Latviešu literāriskā biedrība sava simts gadu darba / M. Ārons. - R., 1929; Ravbar M. Pregled hrvatske, srbske in makedonske književnosti. - S. 105; Бассель Н. История культуры Эстонии. - С. 27; Vries A. de Die Westorientierung der baltischen Völker / A. de Vries // Jahrbuch der baltischen Deutschtums. - Bd X. - 1963. - S. 114 – 115.

на латышской территории говорят и свидетельства некоторых немецких деятелей XIX века, которые под сомнение ставили факт позитивного влияния угнетателей на угнетенных. Например, Иоганн Готфрид Зейме писал: «предки нынешних родовитых дворян под знаменем религии принесли свободолюбивому народу нищету и рабство»³⁰.

Как видим, на раннем этапе развития латышского национального движения число его носителей и сторонников было невелико. Скорее всего, оно было минимально и незначительно. К 1850-м годам число национально сознательных и активных в обществе латышей едва превышало десять – двадцать человек. Эти ранние латышские националисты не имели никакого политического института для выражения своих идей. Ни один институт в Латвии того времени не мог официально предоставлять их интересы. Поэтому, высшие слои латышского общества того времени отвернулись от современности и нередко обращались к миру фантазий и мечтаний. Этот мир был исключительно созданием ранних латышских литераторов³¹. По данной причине, актуально замечание французского историка Р. Шартье о том, что при изучении идеологии общественных движений исследователь особое внимание должен уделять проблеме распространения новых идей и степени их проникновения в широкие народные массы³². Видимо, на раннем этапе развития латышского национального движения степень проникновения национальных идей в массы была крайне незначительной.

Немцы в Прибалтике сделали много для начального изучения латышского языка и начала его литературного оформления. Итальянский исследователь П.У. Дини комментировал это так: «в ареале латышского языка было два общих момента важных для нивелирования разных диалектов и способствовавших определенной языковой унификации». Таким фактором он считает немецкое лютеранское богослужение³³. В латышском случае мы можем говорить об определенном немецком «цивилиза-

³⁰ Fancev F. Dokumenti za naše podrijetlo hrvarskega preporoda (1790 – 1832) / F. Fancev. - Zagreb, 1933; Šidak J. Hrvatske zemlje u razdoblju nastajanja preporodnog pokreta (1790 – 1827) / J. Šidak // Historijaki zbornik 1980 – 1981. - Zagreb, 1982; Seine J. Mein Sommer 1805 / J. Seine. - Berlin, 1968. - P. 69.

³¹ Шартье Р. Культурные истоки французской революции / Р. Шартье. - М., 2001. - С. 21.

³² Шартье Р. Культурные истоки французской революции. - С. 16.

³³ Дини П.У. Балтийские языки. - С. 325.

ционном влиянии»³⁴ немцев на латышей. Этим самым они подготовили почву для дальнейшей активизации латышского национального движения, для возникновения латышского национализма – на появление первых латышских авторов, в том числе и Индрикиса Страумитса (Яниса Лициса), творчество которого будет подробно рассмотрено ниже. Развитие латышской национальной литературы началось в первой четверти XIX века, когда появились писатели, имена которых нам известны. Македонские историки определяют этот общий для многих европейских наций феномен как «возрождение после глубокой вековой анонимности»³⁵. При этом роль германского элемента на данном этапе еще была очень значительной. Немцы были идейными отцами латышского национализма. Они стали первопроходцами в изучении латышского языка и латышских народных традиций. При этом именно немцы были представителями не просто правящей элиты, а элиты чуждой как культурно, так и в языковом отношении³⁶.

Деятельность немцев, заинтересованных в изучении латышского языка и истории, имела свои результаты, особенно в использовании языка в религиозной службе. Итальянский исследователь П.У. Дини по этому поводу пишет: «литургические гимны не отражали какого-либо определенного диалекта и более всего другого способствовали выработке литературного стандарта; кроме того, слушая проповеди, латышские крестьяне имели возможность совершенствовать собственный повседневный стиль»³⁷. При этом немцы вовсе не предполагали, что результаты, а тем более последствия их деятельности будут такими. По началу, интересуясь латышским языком, немцы полагали, что это будет лишь способствовать германизации. Именно поэтому, немцы не возражали против ограниченного преподавания в церковных школах пасторами латышского языка, так как считали, что латышский язык со временем умрет собственной смертью³⁸.

³⁴ О данном процессе см.: Костяшов Ю.В. О немецком цивилизационном влиянии на сербов в Австрии в XVIII веке / Ю.В. Костяшов // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Сборник научных трудов. - Вып. 1. Воронеж, 2002. - С. 53.

³⁵ История македонского народа / ред. М. Апостолски. - Скопье, 1975. - С. 118.

³⁶ Хобсбаум Э. Век капитала / Э. Хобсбаум. - РнД., 1999. - С. 121.

³⁷ Дини П.У. Балтийские языки. - С. 325.

³⁸ Лаптева Л.П. Борьба лужицких сербов за национальную самобытность в первой половине XIX века / Л.П. Лаптева // Проблемы этнической истории Цен-

При рассмотрении немецкой активности следует упомянуть Матисса Стобе начавшего в 1797 году издание первого журнала “*Latviska gada grahmata*”. Издание, правда, продолжалось недолго и после двух лет в 1798 году прекратилось из-за недостатка читателей. Однако подобная деятельность имела свои результаты. Латышские историки языка и литературы считают, что это привело к возникновению старого правописания и выработки первых литературных норм. Язык, культивируемый немцам, латышские исследователи обозначают как *veclatviešu rakstu valoda* (язык старых латышских письменных текстов), который в историографии нередко противопоставляется *latviešu literātura valoda* (латышский литературный язык).

Таким образом, немецкое отношение к латышам было достаточно противоречивым. С одной стороны, немецкие авторы видели в латышском крестьянстве необразованную массу, которую следовало германизировать. С другой стороны, понимая, что уровень социального развития латышей традиционен и не создает объективных условий для их быстрой германизации, немецкие авторы в Латвии были вынуждены обратить свое внимание на латышей. Так началось изучение латышского языка и культуры, у истоков чего стояли именно немецкие балтийские деятели.

Несколько веков немецкой просветительской деятельности в регионе дали свои результаты. Были созданы первые обобщаю исследования посвященные языку и культуре латышей. Именно немецкие ученые и просветители предприняли первые попытки кодификации латышского языка. Более того, оно привлекали в сферу культурной активности и отдельных латышей, что создавало объективные предпосылки для развития собственно латышской культуры.

III. Латышско–русские контакты в XIX веке

Отличительной чертой младолатышского национализма и их политических действия младолатышей был ориентир на Россию. В многонациональной Российской Империи молодое латышское националистическое движение хотело опереться на Россию и использовать ее ради борьбы с немцами. Такое отношение к России следует объяснять, с одной стороны, тем, что русификаторская политика в Латвии тогда еще не дала о себе знать. С другой, следует принимать во внимание и определенный опыт приобщения латышей к русской культуре для борьбы с немцами, что имело форму перехода в православие в 1840-е годы. Поэтому национализм младолатышей во многих отношениях можно рассматривать одновременно, как и пророссийский и антинемецкий.

Пророссийское содержание националистических концепций младолатышей можно объяснить тем, что многие из них получили образование в Дерптском университете (К. Валдемарс; Ю. Аллунанс, изучавший экономику; Биезбардис), а Кришьянис Валдемарс долго жил в Санкт-Петербурге. Пророссийская тенденция в национализме выливалась и в призыве использовать все лучшее, что имело место в современной им Российской империи. Например, Каспарс Биезбардис стремился к широкому использованию достижений русской науки и культуры³⁹, а Спагис, как отмечал Кр. Бахманис⁴⁰, стремился ознакомить русскую общественность с положением в Латвии. В рамках этой деятельности он занимался учительством, управлениями имений, руководил фабриками, отстаивал необходимость правительственной реформы суда и администрации.

Кроме этого младолатыши установили контактов и с общественным движением в собственно России. Именно поэтому Валдемарс считал необходимым для латышей овладение русским языком⁴¹, но без потери своей латышской национальной неповторимости. В связи с этим советский латышский историк К. Страздинь отмечал то, что К. Валдемарс «ориен-

³⁹ Об этом см.: Сочнев М. Теория познания Каспара Биезбардиса / М. Сочнев // LPSR ZA Vēstis. - 1958. - No 10. - lpp. 39 - 44.

⁴⁰ Bahmanis Kr. Andreja Spāga laikmeta liecinieki / Kr. Bahmanis // IMM. - 1929. - No 4.

⁴¹ Valdemārs K. Raksti / K. Valdemārsю - Vol. 2. - R., 1937. - lpp. 266.

тировал нарождающуюся латышскую буржуазию на Россию»⁴². Показателем наличия устойчивых связей между ними было то, что они пользовались помощью национально мыслящей части общества, например славянофилов. Этот аспект в идеологии латышского национализма получал, как правило, негативную оценку в историографии. В своей статье, вышедшей в 1907 году, «Борьба национальностей или борьба классов» Петерис Стучка писал о том, что младолатыши всецело шли и следовали «за своими реакционными славянофильскими учителями», были способны лишь «на бунт на коленях», на подачу правительству бесчисленных петиций⁴³.

По данной причине младолатыши стремились использовать и те русские газеты, которые в самой России рассматривались как традиционные и охранительные. К числу таких относились и «Московские ведомости». Один из латышских авторов, младолатыш, Ф. Трейландс-Бривземниекс подчеркивал ее влияние, указывал и на то, что именно эту газету «охотно читает» российский император, а ее редакторы, Катков и Леонтьев, действуют «против интересов и стремлений привилегированных немцев» - именно по данной причине Ф. Трейландс-Бривземниекс указывал и на то, что «Московские ведомости» можно использовать ради улучшения положения латышей, использовать, по его словам, «на благо народа» дабы постепенно «проломить стены балтийского угнетения и добиться для латышей более легкой жизни»⁴⁴.

Вот почему в работах младолатышей немало откровенно пророссийских монархических настроений. Подобные мотивы, например, широко представлены в письмах Юриса Аллунанса, который, с одной стороны, положительно отзывался об Александре II, а, с другой, уверял, что народ, в том числе, и латышский предан монархии и в случае покушения на царя он отомстит, что выльется во «всеобщее истребление помещиков». В данном случае Аллунанс имел в виду, скорее всего, немецких помещиков⁴⁵. Пророссийская политическая ориентация дорого стоила этим первым латышским националистам. Именно она стала причиной того, что они превратились в объект для критики, как самих немцев, так и более поздних латышских националистов.

⁴² Страздинь К. О классовой сущности младолатышского движения / К. Страздинь // Против идеализации младолатышского движения. - Рига, 1960. - С. 35.

⁴³ Stučka P. Tautību vai šķiru cīņa / P. Stučka // Atvases. - 1907. - No 1.

⁴⁴ Цит. по: Libermanis G. Jaunlatvieši. - Ipp. 132.

⁴⁵ Цит. по: Козин М.И. Латышская деревня в 50-70 годы XIX века. - С. 16.

При этом все-таки не стоит преувеличивать политических симпатий латышских деятелей к России. Российская Империя была необходима для них лишь тогда, когда они вели борьбу против немецкого влияния. Параллельно они не были заинтересованы в распространении на Латвию основных принципов внутренней политики правительства, так как это было чревато для латышей не менее опасными последствиями, чем перспектива германизации. Излишнее заигрывание с русскими националистами и антинемецкими кругами могло привести к началу русификации. В последнем, разумеется, латышские националисты заинтересованы не были. Вот почему, младолатыши предпочитали лавировать между балтийскими германством и Российской Империей, используя последнюю ради достижения своих собственных политических целей. В данном случае младолатышские идеологи проявили себя как тонкие и расчетливые политики: не дав себя ассимилировать балтийским немцам, они были и противниками, в отличие от своих предшественников 1840-х годов, полного слияния с Россией.

Гораздо более последовательными латышские националисты были в использовании русского опыта, когда тот был связан с культурой и мог в перспективе принести результаты и оказаться полезным в борьбе против немецкой культурной гегемонии за создание подлинно латышской независимой национальной культуры. Младолатышские националисты действовали в тот период истории Латвии, когда та входила в состав Российской Империи, являясь ее органичной частью. Поэтому русское влияние на латышских националистов было неизбежно и оно стало совершенно естественным явлением. Влияние это проявилось и в области культуры, которая стала, своего рода, «коммуникативным пространством» между народами, которые не обладали значительной языковой и культурной близостью⁴⁶.

Одним из направлений этой деятельности стали переводы произведений русской классической литературы на латышский язык. Подобную политику объяснить достаточно просто: ко времени активности младолатышских националистов русская литература была явлением во многом уже сложившимся, которое имело ярко выраженный национальный характер, показывая неповторимость русского народа, его место в семье европейских народов. По данной причине, русскую классику можно назвать учебником для латышских националистов Российской Империи. На необ-

⁴⁶ Мыльников А.С. Народы Центральной Европы... - С. 125, 162.

ходимость перевода русских писателей на латышский язык указывали виднейшие теоретики латышского национализма. Это в полной мере относится к таким латышским деятелям как Юрис Аллунанс, Кришьянис Валдемарс, Атис Кронвалдс. Понимали необходимость подобной деятельности и их наследники – к числу таковых относился, например, Аусеклис.

Юрис Аллунанс указывал на то, что «в родном краю всегда меньше людей, умов и искусства, чем во всем остальном мире – вот поэтому люди, стремившиеся к мудрости, с давних времен желали отправиться в свет». «Тот, кто вышел за ворота хотя бы для того, чтобы только взглянуть на мир, станет гораздо мудрее», - отмечал младолатышский классик Ю. Аллунанс⁴⁷. Кришьянис Валдемарс, в свою очередь, призывал латышей к активному взаимодействию с культурами нелатышей. Особое внимание в связи с этим он уделял, разумеется, русской культуре. Валдемарс считал, что из русской культуры латыши должны взять все самое лучшее. «Любой латыш может взять столько, сколько ему нужно»⁴⁸, - писал он. При этом следует помнить о том, что Кришьянис Валдемарс был националистом и, по данной причине, не следует преувеличивать его пророссийские симпатии и прорусские настроения. Этим он выгодно отличался от более ранних националистов, например того же Яниса Лициса. В работах К. Валдемарса было немало от латышского националиста. Поэтому, в его трудах можно найти и откровенно антирусские элементы.

К.Валдемарс писал, что «русский отнюдь не Вельзевул, он медведь. Я больше боюсь “Preusenseuche”, чем медведя. Медведя, как известно, легко свалить, если смело наступать ему на задние лапы. В будущем его могут изжалить даже маленькие пчёлки, если он станет слишком падок на мёд»⁴⁹. Известно, что один из сподвижников К.Валдемарса рассказывал об одной из его стычек с критиками, что на укор в содействии русификации К.Валдемарс ответил примерно следующее: «можете ли вы, упрекающие меня, сделать что-либо на пользу народу, если помещики будут сопротивляться? Отодвиньте с дороги эту власть, это единственное непреодолимое препятствие, и народ сразу воспрянет. Единственным радикальным средством, как сломать власть баронов, я нахожу “русифика-

⁴⁷ Allunans J. Kur labi klahjas tur ir manas mahjas / J. Allunans // Mahjas Weesis. - 1859. - No 19.

⁴⁸ Valdemārs K. Raksti / K. Valdemārs. - Vol.2. - R., 1937. - lpp.442.

⁴⁹ Kreicbergs J. Atmiņas par Krišjāni Valdemāru / J. Kreicbergs. - R., 1925. - lpp. 13.

цию». Покажите мне какое-либо другое полезное средство! Где оно? Я его использую!»⁵⁰.

К.Валдемарс, как латышский националист, видел опасность русификации латышей, но в отличие от своих критиков оценивал ее реально. По свидетельству А.Зандбергса, своих соратников он убеждал: «Мытарства под русскими однажды принесут латышам свободу, равные права человека и в конце концов кончатся. Может ли такая грубая и строгая русификация долго длиться?! Это не в духе русских!... Разве вы не чувствуете, что в России неограниченное самодержавие долго не продолжится, и что после несчастной войны, которую, естественно, вскоре можно ждать, помимо других важных перемен, что в России может появиться парламент, и Балтия может стать автономной провинцией - даже с латышом - генерал-губернатором во главе»⁵¹.

Параллельно и А. Кронвалдс указывал на фактор, что латыши как нация «проживают в среде больших культурных народов», что автоматически должно вести к развитию тяги к знаниям среди латышей. «Только тот, кто знает свою отчизну и родную землю, может любить ее по-настоящему»⁵², - писал А. Кронвалдс. Это неизбежно, согласно его концепции, будет приводить лишь к одному – к самым разнообразным контактам и взаимодействиям, в рамках которых латыши будут обращаться к «науке и искусству, культуре и литературе»⁵³. Продолжение этой мысли мы находим и у Аусеклиса. Этот националист признавал то, что латыши «должны многому учиться у других народов»⁵⁴. При этом Аусеклис, хотя и был националистом, предостерегал латышей от того, чтобы они замыкались на особенностях своей национальности. «Нельзя придерживаться слепого осознания своей народности и надо избегать ее превращения в пустую фразу»⁵⁵, - писал он.

Одна из первых попыток ознакомить латышей с русской литературой была предпринята латышским националистическим деятелем Фрицисом

⁵⁰ Zandbergs A. Atmiņas par Krišjāni Valdemāru. Viņa īsa biogrāfija, idejas, cīņa pret Baltijas muižniekiem un darbu saraksts / A. Zandbergs. - R., 1928. - lpp. 147.

⁵¹ Turpat. - lpp. 148.

⁵² Kronvalds A. Kopoti raksti / A. Kronvalds. - Vol.2. - R., 1936. - lpp. 5.

⁵³ Kronvalds A. Tautiskie centieni / A. Kronvalds // Kronvalds A. Kopoti raksti. - Vol.2 - R., 1936.- lpp.36.

⁵⁴ Auseklis Izlase / Auseklis. - R., 1955. - lpp.162.

⁵⁵ Auseklis Kopoti raksti / Auseklis. - R., 1923. - lpp.463.

Трейландсом-Бривземниеком⁵⁶. В 1874 году он выступил со статьями объединенными общим циклом – «Замечательные русские люди из простого звания». Особое внимание в данных статьях он уделил М.В. Ломоносову⁵⁷. К опыту Ломоносова обращался и К. Валдемарс. «Читая описание жизни Ломоносова, латышские юноши ознакомятся не только с неизвестными им науками, но они узнают о русских ученых и их свершениях», - писал он. Одним из услышавших этот призыв был Я. Мисиньш, который в 1925 году описал это как «пробуждающий голос»⁵⁸. Кришьянис Валдемарс, как и другие латышские националисты, неоднократно указывал на положительные последствия приобщения латышей к русской культуре. Например, обращение к произведениям русских писателям казалось Валдемарсу необходимой гарантией «распространения хорошей, свежей и здоровой литературы»⁵⁹. Он считал, что русская литература будет способствовать и развитию латышского языка, который, как ему казалось, «станет более правильным и чистым». При этом он негативно воспринимал переводы немецкой литературы, так как видел в ней один из способов германизации латышей, развитию в латышах «немецкого патриотизма»⁶⁰.

Возникновению подлинных русско-латышских культурных контактов связано с деятельностью Ю. Аллунанса. Именно он стал первым переводчиком произведений Пушкина на латышский язык. В 1860 году он перевел стихотворение «Конь». Перевод пушкинских текстов стал своего рода школой для культурного течения латышского национализма, что сказалось на появлении переводов на латышский не только русских, но и античных авторов. Кроме этого переводы с русского латышские националисты стремились сделать более национальными и латышскими. Это, например, характерно для такого латышского перевода:

Viss jau nevaru mirt; lielā no nāves man
Daļa taupīta būs. Pēcāk es pieaugšu
Slavā augdams jo jauns, kura vis nezudīs
Kamēr Daugava tek Latviešu robežas.
(Весь я не могу умереть

⁵⁶ Alunāns A. Fricis Treilands (Brīvzemnieks) / A. Alunāns // Ievērojami latvieši. - Vol. 1. - Jelgavā, 1887.

⁵⁷ Mahjas Weesis. - 1874. - No 35. – 38.

⁵⁸ Misiņš J. Brīvzemnieka piemiņai / J. Misiņš // Vičs A. Fricis Brīvzemnieks / A. Vičs. - R., 1925.

⁵⁹ Valdemārs K. Raksti / K. Valdemārs. - R., 1937. - lpp. 447, 270 – 271.

⁶⁰ Kreicbergs J. Atmiņas par Krišjāni Valdemāru / J. Kreicbergs. - R., 1925.

Большая часть меня сохранится, далее вырасту я
В славе вечно молод, которая не исчезнет
Пока Даугава течет в латышских границах⁶¹.)

После Юриса Аллунанса из латышских националистов, переводчиков А.С. Пушкина, следует упомянуть Андрейса Диркиса и Ансиса Бандаревичса. Благодаря их усилиям на латышском языке были изданы повести «Выстрел», «Гробовщик», «Метель», «Барышня-крестьянка»⁶². Параллельно с Пушкиным латышские националисты переводили и Лермонтова. Первые переводы были сделаны Юрисом Аллунансом – он перевел “Колыбельную казачью песню”. Несколько позднее Матисс Каудзите сделал переводы на латышский с русского таких произведений как “Герой нашего времени”, “Воздушный корабль”, “Демон”, “Хаджи Абрек”⁶³.

Очень много для ознакомления латышей с русской культурой было сделано Ф. Трейландсом-Бривземниесом. Он стал одним из первых переводчиков и популяризаторов творчества Грибоедова на латышском языке. С особым чувством он перевел известные слова Чацкого: «как с ранних пор привыкли верить мы, что нам без немцев нет спасенья» - подобные слова русского литературного героя стали лозунгом латышских националистов в борьбе против немецкого влияния и преобладания в Латвии. По данной причине, Бривземниекс пытался доказать отдаленность латышей от немцев, их непринадлежность к германской культуре. Поэтому, особое внимание он уделял связям латышей с русскими⁶⁴.

Историки межвоенной независимой Латвии пересмотрели пророссийские политические симпатии младолатышей. Например, Э. Бланкс писал, что «русская ориентация младолатышей по своему значению в развитии национальной политической мысли латышей занимает столь же отрицательное место как космополитизм новотеченцев»⁶⁵. Историки межвоенного периода нередко искали истоки подобных позиций младолатышей в опасности онемечивания и германизации. «Нельзя отрицать, что стремления латышей онемечиться, особенно в Риге, были весьма боль-

⁶¹ Русский оригинал: «Нет, Весь я не умру // Душа в заветной Лире // Мой прах переживет и тленье избежит // И буду славен я доколь в подлунном мире // Жив будет хот один пиит!».

⁶² Baltijas Wehstnesis. - 1869. - No 14 – 15; 1872. No 35 – 37, 42 – 43.; Austrums. - 1885. - No 4 – 7, 12; 1887. - No 8; Rihgas lappa. - 1880. - No 42 – 48; Latwietis. - 1884. No 45. – 46; Balss. - 1887. No 49; Rota. - 1887. No 9 – 10.

⁶³ Baltijas Wehstnesis. - 1880. - No 149 – 157; 165 – 183, 188 – 190.

⁶⁴ Balss. - 1879. - No 11.

⁶⁵ Blanks E. Latvju tautiskā kustība / E. Blanks. - R., 1927. - lpp. 149.

шими. Эти стремления надо было парализовать - на яд ответить противоядием. Валдемарс и его товарищи это противоядие искали в славянской аптеке. Но они отнюдь не стремились отравить свой народ»⁶⁶, - писал А. Вичс. Похожего мнения придерживался и Леготню Екабс: «Кришьянис Валдемарс был гениальным дипломатом, который своей мудростью спас наш народ в самый критический момент, когда немецкая мельница собиралась тотчас его размолоть»⁶⁷. Целесообразность проводимого К.Валдемаром пророссийского курса признавали А.Биркертс и Ж.Унамс. Первый писал, что К.Валдемарс «хотел спасти свой народ от двух зол, выбирая из них наименьшее»⁶⁸. Второй признавал, что «русификация для латышей не представляла такой опасности, как германизация, ибо русифицировать народ, стоящий на более высокой ступени культурного и духовного развития, чем сами русские, было нереально»⁶⁹.

Латышский исследователь И.Ронис, комментируя пророссийскую политическую ориентацию младолатышей, пишет, что «политическая платформа младолатышей - полная и неразделимая лояльность империи в надежде посредством реформ, проводимых правительством, добиться всего необходимого для развития народа - с началом волны русификации потерпела полный крах»⁷⁰. Параллельно И. Ронис признавал, что «взгляды младолатышей о политической роли латышско-русских исторических и культурных связей в развитии латышского народа, об ориентации латышей на Россию содержали большой антифеодальный заряд». В то же время историк отмечал, что «если уж что может вызвать восхищение, так это то, что деятели младолатышской национальной культуры все же сумели найти ту трещинку в возводимых германизаторами и русификаторами стенах, чтобы латышский народ смог вообще выжить»⁷¹.

⁶⁶ Vičs A. Ne leģenda, bet patiesība par Valdemāru / A. Vičs // IMM. - 1932. - No 11. - lpp. 456.

⁶⁷ Līgotņu Jēkabs. Krišjānis Valdemārs nāk tautā / Līgotņu Jēkabs. // Jaunākās Ziņas. - 1937. - 16.febr.

⁶⁸ Birkerts A. Krišjānis Valdemārs un viņa centieni / A. Birkerts // Kopoti raksti. - Rīga, 1925., Vol. 7. - lpp.275.

⁶⁹ Unams Ž. Tautiskās kustības politiskā ideoloģija / Ž. Unams // Burtnieks. - 1932. - No 9. - lpp. 697.

⁷⁰ Ronis I. Latvijas valsts izveidošanās vēsturiskie priekšnoteikumi / I. Ronis // LVIŽ. - 1993. - No 3. - lpp. 80.

⁷¹ Ronis I. Latviešu buržuāzijas politiskā pārorientēšanās / I. Ronis // Latvija un Krievija: vēsturiskie un kultūras sakari. - Rīga, 1987. - lpp. 84; LVIŽ. 1993. - No 3. - lpp. 172.

Другой современный латышский историк Г.Апалс⁷² пишет, что вплоть до 1865 года младолатыши надеялись на поддержку местных немецких либералов в модернизации общества, но ее так и не достигли. Именно этим он объясняет то, что многие младолатыши повернулись к России. В начале же 1880-х годов либеральная часть дворянства в балтийских ландтагах потерпела полное поражение, чем и завершилась дискуссия о принципах реформирования региона. Именно по данной причине, в национальном латышском движении закрепилось направление на ликвидацию автономии Балтии, что могло способствовать усилению латышей и ослаблению немцев⁷³. Еще один из современных латвийских историков, исследователь младолатышского движения В.Зелче, комментируя наличие пророссийских идей в политической программе латышского национализма, писала, что «Кришьянис Валдемарс всегда выступал за социальный подъем своих соотечественников, ибо только он мог каждому из них дать полноценную жизнь. Потому основной целью деятельности Валдемарса было развитие социальной справедливости в рамках государственного строя и общества своего времени»⁷⁴.

Американский исследователь латышского происхождения А.Плаканс, рассматривая латышско-русские отношения, скептически оценивает потенции русификаторской политики. В связи с этим он вполне обоснованно считает, что большая часть латышей, а, возможно, и их большинство, русский язык, как необходимую составляющую образования своих детей, и как язык встречающий их в губернских учреждениях, приняло без особого ропота, а местами - и с положительным отношением⁷⁵. Другой латышский автор, Г.Апалс, признает, что латышское общество русификацию в области языка восприняло без тревоги, а его изучение стало чрезвычайно популярным⁷⁶.

⁷² О современной латышской историографии см.: Шалда В. К вопросу о пророссийской ориентации младолатышского движения (вторая половина XIX века) / В. Шалда // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture. - VI sējums. - II daļa. - Daugavpils, 2003. - lpp. 62 – 72.

⁷³ Latvija 19. gadsimtā. Vēstures apceres. - R., 2000. - lpp. 437.,452.,462.

⁷⁴ Zelče V. Publicistika un politika. Krišjānis Valdemārs un “Moskovskije Vedomosti” 1867. gadā / V. Zelče // Latvijas Arhīvi. - 1996. - No 3 - 4. - lpp. 143.

⁷⁵ Plakans A. Rusifikācijas politika: Latvieši.19.gadsimta 80.gadi / A. Plakans // LVIŽ. - 1996. - No 4. - lpp.73 - 74.

⁷⁶ Apals G. Jaunlatviešu kustības raksturojums 19.gs. 50.-60. gados. Disertācijas kopsavilkums / G. Apals // LVIŽ. - 1994. - No 4. - lpp. 192.

В современной латышской историографии существует мнение и о положительной роли российской ориентации латышского национального движения. Например, В. Шалда отмечает, что пророссийская ориентация младолатышей в конкретных условиях Балтии второй половины XIX века была исторически оправданной. Экономический подъем пореформенной России, настойчивое разрушение феодальных порядков в Балтии, согласно В. Шалде, открывали новые возможности развития для латышей. Административная и культурная русификация несла латышам не только отрицательные, но и положительные последствия. Потенциальная русификация, связанная с активными латышско-русскими контактами, уже не представляла серьезной угрозы национальной идентичности латышей⁷⁷. В связях с русской культурой младолатышские националисты видели возможность усилить свое влияние, получить поддержку российских властей, показав свое лояльное отношение к ним. Все это использовалось ими как один из инструментов для установления более полного контроля над латышским обществом. Латышские националисты приобретали и новые культурные образцы, используя их для конструирования аналогичного и в латвийской культуре. Эти шаги диктовались политической необходимостью. Они предпринимались латышскими националистами ради одного – ради ослабления немецкого влияния, что могло способствовать усилению латышского националистического движения. Это усиление, в свою очередь, было немислимо без создания латышской национальной культуры, как важнейшего фактора в поддержании латышской национальной идентичности.

⁷⁷ Шалда В. К вопросу о пророссийской ориентации младолатышского движения. - lpp. 62. – 72.

IV. Проблемы славяно-балтийских контактов в Латвии

История польско-российских отношений насчитывает несколько столетий. Эти контакты имели различный характер, варьируясь от соседства до войн, что привело к разделам Польши, потери независимости и инкорпорации польских территорий в состав Российской Империи. Анализировать польско-российские отношения исключительно в рамках этой темы было бы упрощением. Проблема многовекового польско-русско-белорусского соседства на неславянских территориях дает значительный материал для исследования. Если польско-русско-белорусско-украинские отношения исследованы, то проблема этого соседства в Латгале, населенной носителями латышских диалектов, в отечественной историографии практически не изучена.

Не исследована эта тема и в латышской исторической науке. Обобщающие исследования, советские и несоветские, вписывают историю Латгале в латышский контекст, игнорируя и нивелируя местные особенности¹. В период советской оккупации, культивирования теории «латышской социалистической нации»² анализ истории Латгале был невозможен, историки предпочитали не замечать уникальность региона³. Количество исследований по латгальской тематике, написанных в ЛССР, невелико⁴. Центром латгальских исследований была эмиграция⁵, продолжавшая тра-

¹ Dunsdorfs E., Spekke A. *Latvijas vēsture*. - Stokholmā, 1964; Spekke A. *A History of Latvia*. - Stockholm, 1951; Shvabe A. *the Story of Latvia*. - Stockholm, 1949; Švabe A. *Latvijas vēsture. 1800.-1914*. - Stokholmā, 1958.

² *Latvijas PSR vēsture. Sēj. 3*. - Rīga, 1959.

³ *История Латвийской ССР. Сокращенный курс*. - Рига, 1955 (1971); *Latvijas PSR vēsture. Saīsinātais kurss*. - Rīga, 1956 (1967); *Latvijas PSR vēsture. Sēj. 1*. - 3. - Rīga, 1953, 1955, 1959.

⁴ Laizāns P., Zeile P. *Latgaļu literatūras un preses mantojumu vērtējot // Karogs*. - 1958. - No 11; Springovičs Z. *Latgale un katoļu baznīca*. - Rīga, 1961.

⁵ Bukšs M. *Pīzeimes par Senēju Latgaļu resp. latvīšu volūdu*. - Traunstein, 1948; Bukšs M. *Latgaļu literatūras vēsture*. - Minchene, 1957; Bukšs M. *Latgaļu volūdas un Tautas Izplateibas Problemas*. - Minchene, 1961; Valters M. *Latvija un Latgola. Kulturvēsturiski materiali*. - [no place], 1955. Крупнейшим изданием эмиграции по латгальской тематике являлся сборник «Acta Latgalica», который выходил 1965 по 1981 год. В редколлегию в разное время входили Александрс Батня, Микелис Букшс, Янина Букшс, Леонардс Латковскис, Станиславс Шкутанс, Йоньс Трупис, Владиславс Лоцис, Альбертс Спогис, Францис Тейрумникс. В

диции ранней латгальской историографии⁶. Современная латышская историография, уделяя значительное внимание истории Латгалей⁷, не превратила тему межславянских контактов в широко изучаемую проблему, хотя в диаспорной историографии некоторые аспекты этой темы попадали в сферу внимания исследователей.

В центре настоящей статьи будут особенности исторического процесса в Латгале, его место в латышской истории в контексте польско-русских и польско-белорусских контактов, влияние этих контактов на

эмиграции вышло семь сборников общим объемом более двух с половиной тысяч страниц. См.: Acta Latgalica 1. Rokstu krājums / red. Al. Batņa, M. Bukšs, L. Latkovskis. - P/S Latgaļu izdevnīcība. - 1965. - 411 lpp; Acta Latgalica 2. Rokstu krājums / red. Al. Batņa, M. Bukšs, L. Latkovskis. - P/S Latgaļu izdevnīcība. - 1968. - 414 lpp; Acta Latgalica 3. Rokstu krājums / red. M. Bukšs, L. Latkovskis, St. Škutāns. - P/S Latgaļu izdevnīcība. - 1970. - 414 lpp; Acta Latgalica 4. Rokstu krājums / red. M. Bukšs, L. Latkovskis, St. Škutāns. - P/S Latgaļu izdevnīcība. - 1972. - 400 lpp; Acta Latgalica 5. Rokstu krājums / red. M. Bukšs, St. Škutāns, J. Trūps, Vl. Lōcis. - P/S Latgaļu izdevnīcība. - 1974. - 416 lpp; Acta Latgalica 6. Rokstu krājums / red. J. Bukšs, Vl. Lōcis, Aļ. Spōgis, St. Škutāns, Fr. Teirumnīks, J. Trūps. - P/S Latgaļu izdevnīcība. - 1976. - 400 lpp; Acta Latgalica 7. Rokstu krājums / red. J. Bukšs, Vl. Lōcis, Aļ. Spōgis, St. Škutāns, Fr. Teirumnīks, J. Trūps. - P/S Latgaļu izdevnīcība. - 1981. - 350 lpp.

⁶ Kempis F. Latgalieši. - Rīga, 1910.

⁷ Ščerbinskis V. Latgales apriņķu priekšnieki - aizsargu pulka komandieri 1919.-1940. gadā // Acta Latgalica 9. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1997; Šteimanis J. Dzīves līmenis Latgalē 19. gs. beigās un 20. gs. sākumā // Acta Latgalica 9. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1997; Kudore A. Dricānu pagasts 1918. - 1940. gadā // Acta Latgalica 9. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1997; Barkovska G. Latgales novada izpēte turpinās. Pārskats par Latgales Pētniecības institūta darbību 1996.- 1997. gadā // Acta Latgalica 10. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1999; Soms H. Latgales Pētniecības institūta zinātniski pētnieciskais darbs: 1991-1997 // Acta Latgalica 10. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1999; Brolišs J. Latgales latvieši Sibīrijā. Vēsturiska skice // Acta Latgalica 10. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1999; Jēkabsons Ē. Latvijas varas iestāžu darbs Daugavpilī, Daugavpils apriņķī un Grīvā 1920. gadā // Acta Latgalica 10. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1999; Valeinis V. Franča Trasuna daiļrades žanri // Acta Latgalica 10. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1999; Kursīte J. Latgale Latvijā: latgaliešu literatūras likteņi // Acta Latgalica 10. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1999; Matule Z. Augstākās izglītības attīstības problēmas Latgalē // Acta Latgalica 10. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1999; Zeile P. Kazimirs Buiņickis - sociālo reformu rosinātājs Latgalē, latviešu vienotības paudējs, rakstnieks un publicists // Acta Latgalica 10. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1999; Budže A. Baznīckungs Jezups Macilevičs - Latgales laicīgās literatūras aizsācējs // Acta Latgalica 10. Zynōtniski roksti, dokumenti, apceris. - Daugavpils, 1999.

развитие самосознания местного населения и формирование идентичности латгалов, как части латышской нации или самостоятельной общности.

Принимая во внимание новизну балтийской проблематики для отечественной историографии, перед непосредственным обращением к проблемам Латгале, необходимо несколько вводных замечаний о регионе. В самом общем плане Латгале (Латгалия) - Восточная Латвия. Она осознается как неотъемлемая часть Латвийской Республики, что зафиксировано в официальных документах - сатверсме (конституции) и актах общественных организаций - в «Декларации о неделимости территории Латвийской Республики»⁸.

Латышские интеллектуалы, признавая конституционное определение Латгале как части территории ЛР, расширяют его, наполняя иным смыслом и содержанием. Илга Апине указывает на то, что Латгале - «своеобразный этнокультурный феномен», находящийся на границе «балтского и славянского ареалов и культур»⁹. Латгале труднее и дольше других латышских территорий искала место в рамках национального движения, а позднее - государства. Латгале была отсталым регионом. Она жила по законам «узкого провинциализма», местные политические, культурные и национальные процессы носили «чисто локальный характер». На положении Латгале в России находились почти все национальные окраины¹⁰, где формировалась «локализованная идентичность»¹¹. Исторически она тяготела к Польше, а потом была включена в состав Витебской губернии. По мнению латышских авторов, отсталость Латгале состояла в сохранении архаичной культуры. Латгале утратила свое прежнее значение, а ее

⁸ Конституция Латвийской Республики // Конституции стран СНГ и Балтии / сост. Г.Н. Андреева. - М., 1999. - С. 534 - 542; Deklarācija par Latvijas Republikas teritorijas nedalāmību // LPRĀ 8.konferencē. Rīga, 14.06.1998. - Rīga, 1998.

⁹ Апине И. Место белорусов Латвии в ряду других народов // Беларуская дыяспара як пасрэднеца ў дыялогу цывілізацый. - Мн., 2001. - С. 45.

¹⁰ Донцов Д. Сучасне політичне положення нації і наші завдання (Реферат, виголошений на II Всеукраїнським студентським з'їзді в липні 1913 року у Львові) // Донцов Д. Твори. - Т.1. Геополітичні та ідеологічні праці. - Львів. 2001. - С. 72.

¹¹ Kaiser R. Political geography and nationalism in late Imperial Russia // История национальных политических партий России. - М., 1997. - С. 70; Kaiser R. The Geography and Nationalism in Russia and the USSR. - Princeton, 1994.

территория была сведена до уровня периферии. Политические процессы в Латгале¹², протекали более медленными темпами.

Латгале, в политическом смысле, от латышских районов была, по терминологии Х.-Х. Нольте, отделена политическим «провалом» или, по словам Г. Бехера, «обрывом», так как местное общественное развитие, по Сидни Полларду и Герту Цангу, было подвержено «провинциализации». Таким образом, Латвия и Латгале были «дифференцированы в отношении национального движения». Но, так как «отсталость периферийных регионов может быть исторически временным явлением», в начале XX века общественная жизнь в Латгале начинает набирать те же темпы, что в других регионах. Рижские интеллектуалы начала XX столетия о Латгале предпочитали писать в категориях периферии, окраины, провинции и «задворок»¹³.

Проблемы ранней истории Латгале (и Латвии в целом¹⁴) известны в меньшей степени, чем события более позднего периода в виду почти полного отсутствия письменных источников¹⁵. Регион был населен носителями балтийских диалектов, которые в культурной, этнической и языковой сфере были близки своим балтийским соседям, а в политическом отношении колебались между ними и соседними славянскими территориями. В советской историографии славянский фактор рассматривался как определяющий, что стало результатом националистических тенденций в

¹² Тайван Л.Л. По Латгалии. - М., 1988. - С. 21; Нитц Х.-Ю. Вклад исторической географии в исследования периферии // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. - Калуга. 2001. - С. 32; Svenne O. *Vesā un jaunā Latgale agrāk un tagad*. - R., 1923.

¹³ Нольте Х.-Х. Европейские внутренние периферии – сходства, различия, возражения против концепции // Европейские внутренние периферии в XX столетии. - С. 8, 16; Becher G. *Das Gefälle*. - Braunschweig, 1986; Pollard S. *Marginal Areas. Do they have a common History // Towards an International Economic and Social History*. - Genf. 1995. - P. 121 – 136; *Provinzialisierung einer Region. Zur Entstehung der bürgerlichen Gesellschaft in der Provinz* / hrsg. G. Zang. - Frankfurt, 1978; Нитц Х.-Ю. Вклад исторической географии в исследования периферии. - С. 23; Дикман К. Уэльс: внутренняя колония или барышник? // Европейские внутренние периферии в XX столетии. - С. 74.

¹⁴ Balodis F. *Latviešu senvēsture*. - Rīga, 1938.

¹⁵ Из письменных источников следует упомянуть Хронику Генриха Латыша (Генриха Латвийского). См.: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. - М.-Л., 1938. О Генрихе Латыше см.: Arbuzovs L. *Indriķa hronika // Latviešu konverscijas vārdnīca*. - Sēj. 7. - sl. 12817 - 12821; Biļķins V. *Indriķa Livonijas viduslaiku gara gaismā*. - Rīga, 1931; Biļķins V. *Indriķa hronikas autors. Mīts un patiesība*. - Upsala, 1958.

советской исторической науке, очевидных после 1945 года. Вероятно, он играл роль, но никогда не определял процессы политического, этнического и языкового развития. Несмотря на это, латышская историография периода оккупации культивировала нарратив о прогрессивном русском влиянии¹⁶, что стало результатом диктата со стороны советской историографии¹⁷.

В XII - XIII веках на территории Латгале протекали процессы политической и этнической консолидации местного населения. Эти изменения следует рассматривать в рамках общей тенденции политической активизации характерной для носителей всех балтийских диалектов региона, а не включать их в ход русской истории, как делали это советские историки. В результате в Латгале сложились княжества Талава и Герцике, об истории которых известно мало¹⁸. Русские источники указывают на значительную связь княжеств с русскими землями. Скорее всего, они были политически зависимы от русских территорий, но сохраняли свой этнический облик, хотя официальная историография ЛССР едва не включала их в состав Древнерусского государства¹⁹.

Латгальские интеллектуалы в эмиграции оспаривают эту точку зрения, считая, что Латгале не была ориентирована на Русь, а имела связи с Византией, Западной Европой и арабами²⁰. Что касается современной латышской историографии, то она не склонна преувеличивать русский фактор. Илга Апине считает, что не было русско-латгальских, а развивались латгальско-белорусские связи²¹. Латгалы вступили в контакт с кривичами, непосредственными предками белорусов: в современный латышский

¹⁶ См. например: Мигуревич Э. Экономические связи населения низовьев Даугавы с Русью в период раннего феодализма // Экономические связи Прибалтики с Россией. - Рига, 1968.

¹⁷ См. яркий образчик подобной историографической тенденции - работу И. Казаковой 1945 года: Казакова И. Русь и Прибалтика. IX - XVII века. - М., 1945.

¹⁸ Švābe A. Tālava // Sējēs. - 1936. - No 2. - lpp. 135.-141; Švābe A. Jersikas karaļvalsts // Senatne un Māksla. - 1936. - No 1. - lpp. 5.-32.

¹⁹ Калнынь В. Древнерусская государственность и право на территории Латвии в X - XIII веках // Ученые записки ЛатГУ. - 1964. - № 64; Калнынь В. Влияние древнерусской государственности и права на развитие Латвии в XI - XIII вв. // Известия ВУЗов Латвийской ССР. Сер.: Право. - 1966. - № 4.

²⁰ Latkovski L., Jr. A History of Latgale // <http://www.hood.edu/academic/latgale/history.shtml>

²¹ Апине И. Место белорусов Латвии в ряду других народов. - С. 44.

язык слово «krievs» вошло в латышский язык, обозначая понятие «русский».

О судьбе носителей славянских диалектов, проникших в регион будущей Латгале, судить сложно, но, скорее всего, оно было незначительным, не имело сложившегося самосознания и, так как переселение не было массовым, быстро ассимилировалось. Оно было не в состоянии оказать значительного влияния на культуру и язык местного населения, а славянские заимствования в латышском и латгальском языке следует объяснять ранним временем общего развития, или поздними этноязыковыми контактами²². При этом существует иное мнение, согласно которому, привнесение христианства славянами вело к ассимиляции латышских племен. Пьетро У. Дини выразил это так: «евангелизация определила и ускорила славянизацию»²³. Доказательств в пользу этого предположения (в отношении XI - XIII веков) итальянский исследователь не приводит, хотя в отношении более позднего периода (XVI - XVIII столетия) эта мысль может оказаться верной.

Важнейшим моментом ранней истории стало немецкое завоевание, которое определило ход этнических и политических процессов, приведя к окончанию «русского владычества» в Балтийском регионе²⁴. В 1209 году немцы захватывают Герцике, а в 1214 году - Талаву. Завоевание - явление двойственного плана: оно спасло местное население от массовой славянской колонизации, возможной в случае сохранения политического славянского доминирования. Незначительный процент немцев не мог ассимилировать преимущественно балтийский регион. Несмотря на это официальная латвийская историография в период советской оккупации воспевала прогрессивное русское влияние, роль «братского русского народа» и совместную борьбу против «немецкой агрессии»²⁵. Именно немецкое

²² Эндзелин Я. Древнейшие славяно-балтийские языковые связи // Известия Академии Наук Латвийской ССР. - 1952. - № 3; Семенова Н.Ф. Русско-латышские словари XVIII века // Вопросы языка и литературы. - Рига, 1966; Заваззина А. Из истории формирования русского населения Латвии в XVIII - XIX веках // LPSR ZA Vēstis. - 1977. - № 2.

²³ Дини П.У. Балтийские языки. - М., 2002. - С. 206.

²⁴ Кейслер Ф. Окончание русского владычества в прибалтийском крае в XIII веке. - СПб., 1900.

²⁵ См. книгу «Борьба русского и балтийских народов против немецкой агрессии» одного из крупнейших латышских официальных историков периода советской оккупации Яниса Зутиса: Zutis J. Krievu un Baltijas tautu cīņas prēt vācu agresiju. - Rīga, 1948. Работа, вышедшая в 1948 году, является одной из высших

завоевание включило местных носителей балтийских диалектов в сферу европейской цивилизации, принеся католицизм и европейские политические институты.

В историографии высказывалось иное мнение: итальянский исследователь языков и истории балтийских народов П.У. Дини считает, что немецкое завоевание не остановило славянское продвижение, а стимулировало его. «Длительная славянская экспансия получила мощную поддержку со стороны миссий, целью которых было евангелизировать языческие балтийские племена»²⁶, - пишет итальянский историк. Корректируя эту идею, отметим, что немецкое вторжение привело к росту стремлений, как в русских, так и польских землях выдвинуть немцев из региона, подчинив местное балтийское население. Таким образом, в ранний период Латгале было вырвано из балтийского этнического и политического массива, оказавшись подчиненным сначала славянскому, а позднее немецкому влиянию. Немцев сменили поляки, а на регион начинает проявлять претензии русское государство. Поэтому, анализ истории Латгале возможен в рамках изучения истории польско-русских контактов.

Польскому периоду в истории Латгале предшествовал незначительный литовский: с 1501 по 1509 год латгальские земли входили в состав литовского государства, после чего развивались в рамках политического, культурного и этнического пространства Речи Посполитой. Латгале входило в состав польского государства в виде Инфляндского воеводства, известного как Инфлянты (Inflanty Polskie). Несмотря на то, что в 1629 году Речь Посполитая уступила латгальские земли Швеции, польское влияние не исчезло, а видоизменилось. Важнейший его элемент - католицизм²⁷, кото-

точек культивирования идеи о прогрессивном влиянии русского народа в истории Латвии и к настоящему времени представляет собой, скорее, источник по динамике развития латышской идентичности в сталинский период.

²⁶ Дини П.У. Балтийские языки. - С. 206.

²⁷ По истории католицизма в Латгале существует несколько работ Зигмундса Балевицса, написанных в советский период и интересных с точки зрения развития латышской историографии в период советской оккупации. См.: Balevics Z. Katoļticīgie un baznīckungi buržuaziskajā Latvijā. - Rīga, 1964; Balevics Z. Katoļu baznīca Lātvijā. - Rīga, 1975; Balevics Z. Katolicisms Latvijas sociālpolitiskajā vēsturē: Imperiālisma periods. - Rīga, 1978. Существуют так же публикации источников, которые выдержаны в духе коммунистической идеологии и представляют интерес, скорее, не по истории самой Латгале, а по истории советской религиозной политики. См.: Католическое духовенство в Латвии 1920 - 1940. Сборник документов. - Рига, 1961; Katoļu garīdzniecība Latvijā 1920. - 1940. Dokumenti krājums. - Rīga, 1961.

рый выделяет Латгале из остальных, лютеранских, латышских территорий. На протяжении польского периода Латгале оставалась традиционным регионом, а местное население еще не имело оформленного национального самосознания. Оно оставалось крестьянским. Его сознание было традиционным сознанием средневекового европейского крестьянина. Советская историография игнорировала этот аспект истории латгальского крестьянства, предпочитая акцентировать внимание на социально-экономической стороне проблемы²⁸.

В конце XVIII столетия, после разделов Польши, Латгале вошла в состав Российской Империи. Под названием Двинской провинции она была включена в Псковскую губернию. Позднее она принадлежала Полоцкой, Белорусской, Витебской губернии. Присоединение к России привело к активизации балтийско-русских контактов, хотя отношения имели место и ранее²⁹. Имперские власти, присоединив Латгале, пытались интегрировать их в массив славянских территорий. Такая политика инкорпорации имела несколько проявлений. В Латгале стали поселяться русские крестьяне. Дорусское население продолжало оставаться именно крестьянским³⁰. Как и раньше его сознание было традиционным. Оно не шло на контакты с русскими, поддерживая патриархальную изолированность. Некоторые контакты имели место и не шли на пользу переселенцам польского и русского происхождения, которые растворялись в местной балтийской среде.

Имперские власти пытались изменить религиозный облик территории: вместо католицизма стало насаждаться православие. Регион начал осознаваться как русский, как часть империи³¹. Насаждая православие, имперские чиновники не ставили перед собой целью борьбы с элементами латгальской идентичности, которая начала нарождаться: в Латгале они видели часть польских территорий - поэтому, борьба с католицизмом бы-

²⁸ Брежго Б. Борьба латгальских крестьян в феодально-крепостническое время // Известия АН Латвийской ССР. - 1952. - № 4; Брежго Б. Шляхетские наезды и латгальские крестьяне 1646 - 1785 // LPSR ZA Vēstis. - 1956. - No 10; Брежго Б. Латгальские крестьяне в аренде и залоге в феодально-крепостническое время // LPSR ZA Vēstis. - 1957. - No 5.

²⁹ Breidaks A. Ethnolinguistic Contacts of Balts and Slavs // Baltic Studies Newsletter. - Vol. 3. - No. 3.

³⁰ Brežgo V. Latgalos zemnieku krīvu dzimtušanas laikus. - Vilaka, 1940; Brežgo V. Latgales zemnieki pēc dzimtbūšanas atcelšanas 1861.-1914. - Rīga, 1954.

³¹ См. например: Поммер А. Православие в Латвии. - Рига, 1931; Пшеничников П.Г. Русские в прибалтийском крае. Исторический очерк. - Рига, 1910.

ла составной частью антипольской политики. В Латгале русские власти пытались бороться именно с польским влиянием. В 1860-е годы вводится запрет на печатание книг латинским шрифтом, принудительно насаждаются кириллица, что рассматривалось как шаг к полной русификации. Император Александр II пожелал генерал-губернатору К. фон Кауфману «успешно завершить русификацию края». Несмотря на запрет, местные авторы издавали книги латинским шрифтом. Это продолжалось до начала 1870-х годов, когда власти прекратили местную издательскую деятельность³². Однако, русификация оказалась невозможной: хотя Латгале была менее развитым латышским регионом - уровень ее развития был выше некоторых русских территорий, что делало ассимиляцию местного населения невозможной, так как для него русская культура и политическая модель выглядели непривлекательно.

Белорусский фактор в истории Латгале дает о себе знать позднее, чем и польский и русский, он представляет нечто среднее между ними. В латышской историографии межвоенного периода господствовало мнение, что белорусский фактор в Латгале не играл роли, был деформированным польским или русским влиянием³³. Белорусская активность приходится на первую половину XX века, когда регион осознавался белорусскими националистами как часть Беларуси. В данном случае они вступали в конфликт с латышской, и польской государственностью, которая видела в Латгале именно польскую территорию.

Воспользовавшись утверждением латвийской государственности и ее дипломатическим признанием к началу 1920-х годов, белорусские интеллектуалы и националисты развернули на ее территории активную политическую деятельность, чему способствовало то, что в БССР их активность была невозможна. Даугавпилс начал осознаваться как Дзвинск - один из белорусских культурных центров. Большинство латышских бело-

³² Brežgo B. Aizlīgums īspīst latgaļu grōmotas latiņu burtim un aizlīguma laiks Latgolā: 1865 - 1904 // Rokstu krōjums latgaļu drukas aizlīguma atceļšonas 40 godu atcerei. - Daugavpiļs, 1944; Breidaks O. Latgalīšu literārō volūda: nūstōdnis un problemys // Olūts: Rokstu krōjums. - Sēj. VIII. - Rēzekne, 1992.

³³ Kemps F. Latgales likteni. Rīga, 1991; Krasnais V. Baltkrievi ka latviešu tautas zars. Rīga, 1938.

русов проживало в Латгале. Лидерами белорусского движения стали Кастусь Езавитав (Езавітаў) и Сяргей Сахаров (Сахараў)³⁴.

Латгале превратилась в очаг поддержки и развития белорусской идентичности. Белорусские интеллектуалы оказали наименьшее влияние на облик региона, а лишь воспользовались либеральной политической атмосферой 1920-х годов и тем, что многие жители не имели сложившегося национального сознания. Белорусские интеллектуалы в одинаковой степени ориентировались в политической жизни Латвии и Беларуси и использовали латышский язык, чтобы донести свою позицию до латышских лидеров. Белорусские политики Латгале, опираясь на опыт 1919 - 1920 годов³⁵, пытались использовать славянский фактор и переориентировать регион в сторону Беларуси, что им не удалось. Это свидетельствует об ослаблении польского, русского и белорусского влияния в Латвии.

Ослаблению польского влияния способствовали сами латышские власти. В разных местах Латгале открывались нелегальные польские школы, что не встречало понимания со стороны властей. Заведующий Даугавпилсского школьного управления Себастьянс Паберзис в 1924 году писал товарищу министра Доминиксу Яудземсу, что «латыши должны поддерживать стремления белорусов, пока мы не станем сильнее, и не ослабим польское влияние». Такая политика мотивировалась необходимостью противостояния с польскими «шовинистическими политиками». Этим власти стремились ослабить «опасное с точки зрения политических интересов польское влияние». Позднее, углубляя политику борьбы с польским влиянием, латвийские власти стремились искусственно занизить численность поляков, которые во время переписей принудительно записывались как белорусы или латыши³⁶.

³⁴ Ліс М. Сяргей Сахараў і беларуска-балцкія сувязі // Беларусь паміж Усходам і Захадам. Проблемы міжнацыянальнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. - Ч. 1. - Мн., 1997. - С.329 - 334.

³⁵ Езавітаў К. Беларусы ў Латвіі. - Рыга, 1927; Jezovitovs K. Par baltkrieviem un lielkrieviem Latvijā // Izglītības Ministrijas Menežraksts. - 1923. - No. 14; Jekabsons E. Latvijas un Baltkrievijas Tautas Republikas attiecības (1919.1920) // Latvijas Arhivi. - 1996. - No. 1 - 2. - lpp. 35 - 41.

³⁶ Екабсонс Э. Белорусы в Латвии в 1918 - 1940-х годах // Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый. - Мн., 2001. - С. 50; Jekabsons E. Sešu pagastu un Grivas pilsetas problema Latvijas un Polijas attiecības 20. - 30. gados // Latvijas Vēstures Instituta Žurnāls. - 1995. - No 1.

Со временем политика в отношении латгальских белорусов так же меняется, в середине 1920-х годов начинается антибелорусская кампания, призванная ослабить славянское влияние в Латвии в целом. Примечательно, что ее застрельщиками выступили не власти, а русская пресса (газета «Рижский курьер»)³⁷, которая критиковала все польское и белорусское, видя в этом сепаратизм. В это время был закрыт Белорусский отдел министерства образования, а многие белорусские общественные деятели подверглись репрессиям³⁸. Современная латышская историография, анализируя историю Латгале, склонна признавать за белорусами особый статус в истории Латвии. Илга Апине, например, указывает, что белорусы - одно из древних сообществ в Латвии, которое имеет давние связи с латышами. Анализируя историю Латгале, она отмечает, что здесь имеют место многочисленные пересечения белорусской и латышской культур и определенное цивилизационное сходство латышей и белорусов³⁹.

Славянский (польский, русский или белорусский) фактор оказал влияние на развитие Латгале и формирование ее особенностей⁴⁰. В наибольшей степени оно заметно в языке⁴¹. Латгальский язык имеет сложную историю: до 1904 года он был запрещен, активно развивался в 1920 - 1934 годах, с 1934 по 1941 год находился под негласным запретом, в 1941 - 1944 годах вновь обрел некоторую свободу⁴², в период советской оккупации его снова запретили, он поддерживался в эмиграции, в Латвии 1990-х годов - пережил свое возрождение, отмеченное значительным рос-

³⁷ Рижский курьер. - 1923. - 27 апреля.

³⁸ Екабсонс Э. Белорусы в Латвии в 1918 - 1940-х годах. - С. 53.

³⁹ Апине И. Место белорусов Латвии в ряду других народов. - С. 43; Apine I. *Baltkrievi Latvija*. Rīga, 1995; Apine I., Volkovs V. *Slavi Latvija*. Rīga, 1998.

⁴⁰ Об особенностях Латгале см.: Zeile P. *Latgaliešu etnomentālitate un kultūra* // *Acta Latgalica* 9. *Zynōtniski roksti, dokumenti, arceris*. - Daugavpils, 1997.

⁴¹ В настоящей статье не рассматриваются славяно-балтийские параллели древнего происхождения, а внимание уделено более поздним, средневековым, славянским влияниям. По проблеме «балто-славянского единства» (обзор теорий и их критический анализ) см.: Дини П.У. Балтийские языки. - С. 152 - 168.

⁴² Brežgo В. *Aizlīgums īspīst latgaļu grōmotas latiņu burtim un aizlīguma laiks Latgolā: 1865 - 1904* // *Rokstu krōjums latgaļu drukas aizlīguma atceļšonas 40 godu atcerei*. - Daugavpils, 1944; Rupaiņš О. *Tautas rakstnīki un grōmotu pōrraksteitōji drukas aizlīguma laikā* // *Rokstu krōjums latgaļu drukas aizlīguma atceļšonas 40 godu atcerei*. - Daugavpils, 1944; Vonogs V. *Latgaļu rakstnīceibas sōkumi* // *Rokstu krōjums latgaļu drukas aizlīguma atceļšonas 40 godu atcerei*. - Daugavpils, 1944.

том к нему интереса⁴³. Оторванность от латышских земель, неучастие в младолатышском движении, контакты со славянами привели к тому, что местный язык стал отличаться от того латышского языка, который развивался в Курземе, Видземе и Земгале.

Язык Латгале имеет отличия от латышского в фонетике, лексике, семантике, фонологии и морфологии, содержит больше славянских заимствований чем другие латышские диалекты⁴⁴. Некоторые латышские (Я. Лоя) и нелатышские исследователи (Б.А. Серебренников) считали, что латгальский может быть признан как независимый балтийский язык. А. Буткус комментирует это так: «принимая во внимание значительные отличия латгальского от других говоров латышского языка, а так же традиции письменности, некоторые исследователи не без основания пришли к заключению, что этот диалект следовало бы признать третьим живым балтийским языком»⁴⁵. Другая часть интеллектуалов (Я. Лелис) искала компромисс: признавая особенности Латгале и ее языка, они считают его диалектом, а не языком. В. Зепс в статье «Латгальская литература в изгнании» писал: «есть только одна латышская литература и только один латышский язык, но существует два латышских литературных языка - первый базируется на нижнелатышских, второй - на верхнелатышских говорах. Названия двух литературных языков, соответственно - латыш-

⁴³ Вот лишь некоторые публикации, посвященные латгальскому языку и свидетельствующие о его возрождении и интересе к нему исследователей: Брейдак А.Б. Латгальский литературный язык // Балто-славянские исследования. - М., 2002. - С. 144 - 154; Latkovskis L. Kam pīdar volūda? // Acta Latgalica 9. Zynōtniski roksti, dokumenti, aperis. - Daugavpils, 1997; Latkovskis L. Kū mes varim vuiceitīs nu Jaunzelandes vītu vōrdim // Acta Latgalica 9. Zynōtniski roksti, dokumenti, aperis. - Daugavpils, 1997; Kučinskis S. Latgaliešu valoda ieviesta ar pavēli // Acta Latgalica 9. Zynōtniski roksti, dokumenti, aperis. - Daugavpils, 1997; Seiļs S. Latgalīšu volūdas ortografijas nūteikumi // Acta Latgalica 9. Zynōtniski roksti, dokumenti, aperis. - Daugavpils, 1997; Zeps F. Divi naizšķērti pamata vaicōjumi. Latgali voi latgalīši, volūda voi dialekts? Īrūsynōjumi pōrdūmom // Acta Latgalica 10. Zynōtniski roksti, dokumenti, aperis. - Daugavpils, 1999.

⁴⁴ О заимствованиях см.: Брейдак А.Б. Этимология лтш. диал. *kript* “коченеть (от холода)” // Контакты латышского языка. - Рига, 1977. - С. 7 - 9; Рейдзане Б.П. Славянские заимствования в земледельческой лексике говора Шкилбены // Контакты латышского языка. - Рига, 1977. - С. 164 - 168. Первая попытка научного анализа этой проблемы была предпринята Янисом Эндзелинсом. См.: Эндзелин Я. Славяно-балтийские этюды. - Харьков, 1911.

⁴⁵ Loja J. Latgalīši un jūs volūda // Ceļņas Karūgs. - 1934. - No 4; Серебренников Б.А. Общее языкознание. - М., 1973; Butkus A. Latviai. - Kaunas, 1995. - P. 208.

ский и латгальский». Еще одна группа авторов (М. Рудзите) считает латгальский не литературным, а письменным языком⁴⁶.

Некоторые латышские исследователи видели в латгальском языке - не естественное развитие латышских говоров, а искусственный конструкт польских католических священников с целью предохранения региона от лютеранства. Э. Блесе высказал предположение, что в XVI столетии в Латгале была распространена литература на местном языке. Он объявил ксендзов создателями латгальского языка. Писатель Адолфс Спруджс так же считал, что латгальский язык был искусственно создан католическом духовенством. С модификациями мы находим этот подход у С. Кучинскиса⁴⁷. Эти концепты были подвергнуты критике С. Шкутансом⁴⁸.

В латгальском языке заметны элементы славянского влияния, вызванного соседством латышей с поляками и белорусами. Значительное количество слов, которые ранее употреблялись или еще используются в Латгале имеет польское или русское происхождение. Истоки слов типа «*ablajs*», «*aists*», «*baleims*», «*colonka*», «*čardaks*», «*duga*», «*lizika*» можно найти в русских диалектах. Другие слова типа «*bacjans*», «*komarka*», «*buļba*», «*bočaks*», «*gontas*», «*budovat*», «*butelka*», «*ceglis*» появились под польским влиянием. Истоки слов «*čads*», «*červīņa*», «*duks*», «*kapcet*», «*medza*», «*pluga*», «*smetonka*», могут быть найдены и в польском, и белорусском, и русском языках⁴⁹.

⁴⁶ Lelis J. *Latgaļu literatūrās volūdas izcelšme, vēsture un nūzeime* // *Acta Latgalica*. - Sēj. II. - Minchene, 1968; Zeps V.J. *Latgalian Literature in Exile* // *Journal of Baltic Studies*. - 1995. - Vol. XXVI. - No 4; см. так же: Zeps V.J. *Latvian and Finnic Linguistic Convergence*. - Bloomington, 1962; Rudzite M. *O-celmi ar nāsenu infiksu un sto-celmi Latgales dienvidaustrumu izloknēs* // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. - T. XIV. - Vilnius, 1973.

⁴⁷ Blese A. *Latgališu dialekts* // *Latviešu konversācijas vārdnīca*. - Sēj. X. - Rīga, 1933; Blese A. *Asūnes evaņģēlijs* // *Ceļa Zīmes*. - 1953. - No 14. - 15; Sprūdžs A. *Rakstniecības ceļi Latgalē* // *Ludzas apriņķis senāk un tagad. Rakstu krājums*. - Rēzekne, 1935; Kučinskis S. *Par latgaliešu dialekta rakstu valodas sākumu* // *Dzimtenes Balss*. - 1954. - No 9. - 12; Kučinskis S. *Daži paskaidrojumi* // *Dzimtenes Balss*. - 1955. - No 4; Kučinskis S. *Latviešu tautas vienība 1611.g. Rīgas sinodes ziņojumu gaiamā* // *Dzimtenes Balss*. - 1955. - No 8.

⁴⁸ Škutāns A. *Par myusu presi trymdā* // *Acta Latgalica*. - Sēj. III. - Minchene, 1970; Škutāns A. *Dokumenti par klaušu laikim Latgolā*. - Minchene, 1974.

⁴⁹ См.: Лаумане Б.Э. *Лексический материал диалектологического атласа латышского языка, отражающий латышско-русско-белорусско-польские контакты* // *Контакты латышского языка*. - Рига, 1977. - С. 48 - 93. См. по этой теме так же: Reķēna A. *Amatniecības leksika dažās Latgales dienvidu izloksnēs un tās sakari ar atbilstošajiem nosaukumiem slāvu valodās*. - Rīga, 1975. См. так же бело-

В книгах на латгальском языке, вышедших в XVIII веке, это влияние очевидно. Изданная в 1730 году книга религиозного содержания называлась «Katolizska Dzismu gromata Diwam wysuwarigam par gudu un Łatwiszym por izmociejšonu sarakstīta un izdrukawota Wilnie pi Baznīckungu Jezuitu 1730 godā»⁵⁰. В небольшом фрагменте очевидно польское влияние - сочетания «sz» и «ie», буквы «Ł», «y» и «w». Молитва на латгальском языке, изданная в XVI или XVII веке, выглядит так: «Taws myusu, kotrys essi Debbessis, swetyts ļayinok mums tawa Walstiba, tawa Wala lay nutik mums kay Debbessis, tay arydzam wersum zemes. Muysu diniszku mayzi dud mums szudiņ, und atlayd mums musu porodus, kay un mes atlayzam sawim porodnikim, und ne ijwed mums iksz kardinoshonas, bet atpesti mums nu Jauna. Amen». В этом тексте заметно польское влияние в правописании. По подсчетам Я. Эндзелинса, славянских заимствований в латышских говорах 1500⁵¹, из них большая часть - в Латгале.

Определить место и роль Латгале в истории Латвии однозначно не представляется возможным. На ранних этапах Латгале было в числе лидеров политического, культурного и экономического развития. При этом, трудно судить об этническом характере населения, о степени развития его сознания. Скорее всего, оно было балтийским, а уровень этнической консолидации был высок и соответствовал консолидации политической. С этой точки зрения Латгале могло стать центром государствообразующих процессов среди носителей латышских диалектов.

Такой ход развития оказался невозможен в виду вмешательства соседей. Латгале, будучи контактной зоной, привлекало внимание и славян, и германцев. Эти общности с переменным успехом подчиняли и контролировали Латгале. По началу возобладало славянское, белорусское, влияние, которое сменило германское, вытесненное позднее литовским, польским, шведским, и позднее - русским. Перипетии истории, смена гегемонов привели к тому, что Латгале оказалось вырванной из латышских территорий. Исторические процессы в Латгале и Видземе-Курземе-Земгале

русские и польские издания: Дыялектологічны атлас беларускай мовы. - Мн., 1963; Mały atlas gwar polskich. T. I - XIII. - Warszawa-Wrocław-Kraków, 1956 - 1969.

⁵⁰ Vonogs V. Latgaļu rakstnīceibas sōkumi // Rokstu krōjums latgaļu drukas aizlīguma atceļšonas 40 godu atcerei. - Daugavpils, 1944.

⁵¹ Zemzare D. Akadēmķa Jāņa Endzelīna pirmie pētījumi par slavismiem latviešu valodā // LPSR ZA Vēstis. - 1958. - No 3. - lpp. 26.-30.

стали развиваться различно: в Латгале было сильно славянское влияние, то в остальных - немецкое.

В Латгале, исключенной из европейского реформационного движения, сохранился католицизм, в оставшейся Латвии утверждается лютеранство. Возможно, религиозные различия, стимулируемые политическими и этническими привели к тому, что к началу XX века язык Латгале оказался отличным от литературного латышского языка. Этому способствовала исключенность региона из национального движения. К моменту создания независимого Латвийского государства Латгале обладала набором уникальных черт. Одна из важнейших особенностей - соседство представителей разных этнических групп: латгалов, латышей, поляков, белорусов, русских. К тому времени, совместное проживание славян и балтов, их контакты на бытовом, культурном и языковом уровнях насчитывали уже не одно столетие. Этот синтез, смешение и ассимиляция славян в балтской среде привели к появлению латгалов как особой общности с отличиями в языке, религии и культуре.

В настоящее время невозможно определить какой фактор, польский, белорусский или русский, оказал наибольшее влияние на Латгале как языковую и культурную целостность. Очевидно, что на ее территории они вступали в контакты не с балтийской средой и между собой. Польский и, возможно, в белорусский факторы способствовали тому, что Латгале стало тем, чем стало. Католические священники польско-белорусского происхождения начали писать на латгальском языке, положив начало процессу оформления латгальской идентичности. Русская имперская администрация, наоборот, стремилась разрушить эту уникальность, пытаясь ассимилировать местное латышское, польское и белорусское население. Тем не менее, Латгале остается мультикультурным регионом, где соседствуют русская, белорусская и польская общины с латышской национальной и латгальской локальной культурами.

V. Международные отношения в Прибалтике в 1917 – 1920 гг. и возникновение Латвийской Республики

Период 1917 – 1920 годов был один из самых важных этапов в истории Латвии. В 1917 году в России происходит Февральская революция и российское общество наряду с народами бывшей империи получили шанс построить новое более справедливое общество, которое базировалось бы на уважении их национальных и политических прав. Однако большевистский переворот поставил перед нерусскими народами новые проблемы выбора путей политического развития. Политика большевиков вскоре проявила все свои негативные стороны и нерусские народы предпочли создать свои независимые государства. Наряду с другими таким выбором воспользовались и латыши. В центре внимания настоящей главы – проблемы дипломатической истории Латвии в 1917 – 1920-х годах. Автор попытается проанализировать события этого периода не в категориях истории международных отношений⁷⁸, а в рамках анализа истории национального движения и роли латышских интеллектуалов в процессе формирования независимой Латвийской государственности.

Февральская революция привела к значительной активизации нерусских народов, в том числе и латышей, а среди латышских интеллектуалов начинаются активные дискуссии о судьбе латышского движения, пер-

⁷⁸ Проблемы ранней истории современной Латвии в традиционной дипломатической перспективе нашли свое отражение в нескольких работах, как времени Первой Республики (Vigrabs J. Valsts tapšana un starptautisko attiecību izveidošana / J. Vigrabs // *Latvija 20 gadus* / red. R. Bērziņš-Valdēss, S. Vidbergs. – Rīga, 1938. – lpp. 17. – 51), так и в современных: Feldmanis I. *Latvijas starptautiskā atzīšana* / I. Feldmanis // *Latvija divos laikposmos: 1918. – 1928. un 1991. – 2001.* – Rīga, 2001. – lpp. 26. – 43; Feldmanis I. *Latvijas valsts: izveidošanās un starptautiskā atzīšana* / I. Feldmanis // *Latvijas Vēsture.* – 1998. – No 3. – lpp. 5. – 19; Feldmanis I. *Vācija un Latvija: no de facto līdz de iure* / I. Feldmanis // *Latvijas Vēsture.* – 1997. – No 3. – lpp. 33. – 37; 1997. – No 4. – lpp. 61. – 64; 1999. – No 1. – lpp. 33. – 37; Lerhis A. *Latvijas ārpolitiskā dienesta un Ārlietu ministrijas izveidošana* / A. Lerhis // *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls.* – 1997. – No 4. – lpp. 77. – 107; Lerhis A. *Latvijas ārpolitiskā dienesta un Ārlietu ministrijas pirmie darbības gadi (1919. gads – 20 gadu pirmā puse)* / A. Lerhis // *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls.* – 1998. – No 2. – lpp. 100. – 128; Lerhis A. *Rietumi klusējot gaudīja pārmaiņas: Latvijas starptautiskā de iure atzīšanas vēsturiskā nozīme* / A. Lerhis // *Lauku Avīze.* – 1998. – 27. janvārī; Lerhis A. *Latvijas valsts de iure atzīšana* / A. Lerhis // *Lauku Avīze.* – 1997. – 24. janvāris.

спективах его развития и поиска внешних союзников. Хотя попытки найти понимание в Европе имели место и раннее: например, было организовано Латышское информационное бюро⁷⁹, а в 1916 году Янис Залитис посетил Англию, Данию и Норвегию, а в Лондоне было создано Общество друзей латышей⁸⁰. Однако, важнейшим вопросом для местных интеллектуалов и политиков был связанный с выбором внешнеполитического ориентира. В 1917 году на территории Латвии появляются новые политические силы в Латвии – в марте создается Курземское Земельное собрание (*Kurzemes Zemes Sapulce*), а летом проходит учредительный конгресс партии Латышский крестьянский союз (*Latviešu Zemnieku Savienība*).

14 сентября 1917 года в латышской газете «*Laika Vēstis*», выходящей в Цесисе, появился материал «О необходимости новой ориентации» («*Par jaunas orientācijas vajadzību*»), который открывался кратким историческим экскурсом, где рассказывалось о связях Кришьяниса Валдемарса и Фрициса Трейландс-Бривземниекса с русскими славянофилами и о месте революционных событий в Латвии в 1905 году в общероссийском контексте. Вместе с тем признавалось, что в начале XX века зазвучали голоса о возможном отказе от пророссийской ориентации и поиске новых ориентиров. Правда, признавалось, что для Латвии «наиболее симпатична свободная Россия». Но в таком контексте фигурировала и политическая нестабильность в России, что также способствовало тому, что латышские политики постепенно начинали отходить от России⁸¹.

Несколько позднее, в октябре 1917 года, появилась статья Рейнхольда Лаздиньша «Новая ориентация» («*Jaunā orientācija*»), в которой он отмечал, что после начала мировой войны и революционных перемен в России латышский вопрос из вопроса внутривнутриполитического превратился в международный. Лаздиньш констатировал и то, что длительное время латышские интеллектуалы и политики были сторонниками предоставления Латвии автономии в составе России. Но то, что территория Латвии была занята немцами изменило ситуацию и латышский вопрос стал составной частью балтийского международного вопроса. Поэтому, Лаздиньш писал о «свободной, независимой и признанной международными договорами Латвии». Лаздиньш характеризует и другие политические

⁷⁹ Seskis J. Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara notikumu norisē. Atmiņas un apcerējumi (1914. – 1921.) / J. Seskis. – Rīga. 1991. – lpp. 241.

⁸⁰ Andersons E. Latvijas vēsture. 1920. – 1940. Ārpolitika / E. Andersons. – Stokholma, 1982. – Sēj. 1. – lpp. 17.

⁸¹ Par jaunas orientācijas vajadzību // *Laika Vēstis*. – 1917. – 14 septembrī.

проекты, связанные с судьбой Латвии. Он упоминает возможность федерации Латвии и Германии, но предполагает, что в рамках такого государства права латышей будут фиктивными и не будут признаваться не соблюдаются немцами. Поэтому, Лаздиньш писал о необходимости анализа латышского вопроса как самостоятельной проблемы, указывая на то, что следует принимать во внимание политические интересы в Прибалтике Франции, Великобритании и США и, отталкиваясь уже от этих факторов, искать новые пути для развития Латвии⁸².

Свержение законного Временного правительства большевиками в результате октябрьского государственного переворота и постепенно растущая активность Германии, которая воспользовалась ослаблением российского влияния, привели к активизации внешнеполитической активности латышских интеллектуалов. Октябрьский переворот, приход к власти большевиков и их попытки советизировать латышские территории превратили Россию в наименее привлекательного партнера, на которого следовало бы ориентироваться во внешней политике. Позднее эту судьбу разделила и Германия, правящие круги которой вынашивали планы создания балтийской монархии на территории Латвии и Эстонии во главе с одним из немецких князей, что могло привести к ослаблению латышской политической элиты. Внешнеполитическому отходу Латвии от Германии способствовало и то, что немецкие войска заняли часть латышской территории, а политика германской военной администрации отвечала интересам исключительно Берлина⁸³.

В такой ситуации в Латвии более активно начинают действовать местные политические партии, национально и демократически ориентированные деятели которых объединяются в Демократический Блок, ставший основой для Латышского временного национального совета (*Latviešu Pagaidu Nacionālā Padome*)⁸⁴, первая сессия которого прошла в Валке с 29 ноября по 2 декабря 1917 года. В деятельности ЛВНС приняли участие Адолфс Кливе и А. Добелис (от Временного Совета Курземе), В. Рубулис (от Комитета латгальских беженцев), В. Стрелевичс (от Временного Со-

⁸² Lazdiņš R. Jaunā orientācija / R. Lazdiņš // Laika Vēstis. – 1917. – 19 oktobrī.

⁸³ Об этом подробнее см.: Кирчанов М.В. Латышско-германские и латышско-британские отношения в 1920 - 1940 годы: основные этапы и особенности / М.В. Кирчанов // Из истории международных отношений и европейской интеграции. – Воронеж, 2005. – Вып. 2. – Т. 1. – С. 81 – 94.

⁸⁴ О деятельности Латвийского Временного Национального Совета см.: Blūzma V. Kad īsti Latvija kļūva par valsti? / V. Blūzma // Latvijas Vēsture. – 1991. – No 3.

вета Латгале), Зигмундс Мейеровицс⁸⁵ (от Крестьянского Союза), Я. Палцманис и Янис Акуратерс (от Латышского воинского национального союза). Кроме них, приняли участие приехавшие из Петрограда Я. Залитис, К. Бахманис, К. Скалбе и Я. Рубулис. Именно вышеперечисленные политики и сформировали президиум. На первом заседании председательствовал в прошлом депутат Государственной Думы Янис Голдманис. Он указал, что ЛВНС открыт для политиков национальной и демократической ориентации, готовых к борьбе за объединение латышских земель и к последующей деятельности, направленной на «счастье и будущее Латвии».

Во время первого заседания Кристапс Бахманис говорил о необходимости национального сплочения и консолидации, указывая на то, что латыши сами становятся властителями своей судьбы и от их выбора, который они сделают, будут зависеть будущее нации. Он указывал и на то, что вероятно временно представителям различных партий следует отказаться от политической борьбы и объединиться ради общих национальных целей. Правда, не все участники собрания были полны энтузиазма, и П. Биркертс указывал на ограниченность ресурсов ЛВНС. Поэтому, Фр. Витолиньш отметил, что Совет имеет временный характер до созыва Учредительного Собрания. В свою очередь Карлис Скалбе не разделял такого пессимизма, отмечая, что латыши получили уникальный исторический шанс взять власть на своей земле в свои руки, сплотившись под общедемократическими и национальными лозунгами.

О демократической ориентации ЛВНС говорил и А. Добелис, отметивший, что участники собрания, как правило, являются сторонниками демократии. В целом, в ходе работы ЛВНС были рассмотрены вопросы, относящиеся к началу процессу выработки конституции, определению границ Латвии, выработки политики в отношении латышских колоний, выработка позиции в отношении Учредительного Собрания, созыв которого планировался в России, выработка позиций относительно политики направленной на развитие отношений с другими народами и странами. Во время первой сессии ЛВНС в его составе был учрежден иностранный от-

⁸⁵ О деятельности и жизни Зигмундса Мейеровицса см.: Gore I. Zigfrīds Anna Meierovics (1887. – 1925.) un Latvijas ceļš uz neatkarību (1918. gads) / I. Gore // Latvijas Vēsture. – 1992. – No 4; Lerhis A. Zigfrīds Anna Meierovics / A. Lerhis // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. - 2000. – No 3. – lpp. 135. – 148; Križeviča S. Latvijas Ārlietu ministrijas izveidošana, 1918. gada novembris – 1919.gads / S. Križeviča // Latvijas arhīvi. – 1999. – No 4. – lpp. 58 – 71.

дел, который, по мнению современного исследователя А. Лерхиса, и стал началом латышской дипломатической службы⁸⁶.

Кроме этого ЛВНС разработал воззвание направленное в адрес Украины, что свидетельствует о том, что его участники рассматривали себя правомочными решать не только внутренние проблемы Латвии, но и направлять внешнюю политику активно формирующегося независимого Латвийского государства. Участники ЛВНС приветствовали желание «братского» украинского народа, и представляющей его Центральной Рады, создать свое национальное государство. При этом, в послании фигурировала еще и федералистская идея. Общая направленность резолюций Совета носила национальный и демократический характер. Совет позиционировал себя как представительство «латышских общественных организаций, политических партий и групп». Делегаты кроме этого указывали и на необходимость построения Латвии основываясь на принципе неделимости этнических латышских территорий⁸⁷.

В декабре 1917 года ЛВНС принял «Воззвание к латышскому народу» (*Latviešu Pagaidu Nacionālās Padomes uzsaukums latviešu tautai*), которое начиналось констатацией факта, что другие народы, соседи латышей, русские, немцы и поляки, пытаются снова захватить территории Латвии, а латышский голос не слышан и латыши должны громче заявить о себе и о своих правах на родную землю. Авторы воззвания призывали латышей сплотиться в этой общей борьбе и не поступиться ни пядью земли где побывал «латышский плуг и сеялка». Составители отмечали, что в то время как европейские народы имеют опыт борьбы за независимость, «латышские сыны» лишь поднимают свой флаг в этой борьбе за «свободную Латвию». Они выражали уверенность в том, что эта борьба приведет к созданию «свободной единой Латвии»⁸⁸.

В такой ситуации латышские политики начинают искать поддержку со стороны великих держав Запада, о чем позднее некоторые из них пи-

⁸⁶ Lerhis A. Latvijas ārpolitiskā dienesta un Ārlietu ministrijas izveidošana / A. Lerhis // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. – 1997. – No 4. – lpp. 78.

⁸⁷ Latviešu Pagaidu Nacionālās Padomes pirmās sesijas protokols (no 1917. gada 29. novembra līdz 2. decembrim, no 16 līdz novembrim pēc vecā stila, Valkā) // Līgotņu Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana (Latviešu Pagaidu Nacionālā Padome). Latvijas valsts tapšanas posms (līdz 18. novembrim 1918.) – Rīga, 1925. – lpp. 64. – 129.

⁸⁸ Latviešu Pagaidu Nacionālās Padomes uzsaukums latviešu tautai, 1917. gada decembrī, Valkā // Līgotņu Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana. – lpp. 192. – 194.

сали в своих воспоминаниях⁸⁹. Поэтому, 21 января 1918 года группа латышских представителей, среди которых были Я. Крейцбергс, З. Мейеровицс и Я. Сескис, встретила с американским послом в Петрограде Дэвисом Р. Фрэнсисом. Представители ЛВНС попытались донести до американского дипломата несколько идей. Значительное внимание они уделили тому, что доказывали права латышей на независимость. В ходе беседы с американским послом, принимая во внимание отдаленность США от Латвии, латышские представители стремились сформировать у американского политика мнение, что «латыши являются отдельным народом со своим языком, литературой и интеллигенцией». Доказывая это, латышские политики акцентировали внимание на отличиях латышей от их русских соседей, указывая, что почти все латышское население умеет читать и писать. Латышские представители указали на то, что латыши проживают на обширной территории Видземе, Курземе, Латгале, части Витебской губернии и частично в Пруссии⁹⁰.

22 января 1918 года Я. Крейцбергс, З. Мейеровицс и Я. Сескис встретились с британским послом Ф. Линдли. Во время беседы с британским дипломатом латышские представители отмечали, что на протяжении истории немцы пытались ассимилировать и германизировать латышей, подчеркивая тем самым нелюбовь латышей к немцам и намекая на то, что Латвия может оказать помощь в борьбе против германской армии. При этом они признали наличие значительной культурной, в первую очередь – религиозной, близости между латышами и немцами. Немецкий фактор был упомянут и в связи с социальной структурой латышского населения: латышские представители отметили, что большинство латышей, безземельные крестьяне и арендаторы, так как почти все земли в Латвии принадлежат немцам⁹¹.

В конце января 1918 года ЛВНС издал еще одно воззвание (*Latviešu Pagaidu Nacionālās Padomes uzsaukums neatbalstīt Latvijas pievinošanu*

⁸⁹ См., например, воспоминания Адолфса Кливе: Klīve A. Brīvā Latvija. Latvijas tapšana, atmiņas, vērojumi, atziņas / A. Klīve. – Bruklina, 1969. – lpp. 253. – 254.

⁹⁰ Sarunas pieraksts starp Latviešu Nacionālās Padomes pārstāvjiem J. Kreicbergu, Z. Meierovicu un J. Seski un ASV sūtni Krievijā Davis R. Francis'u (pielikums pie LPNP Ārlietu nodaļas sēdes protokola Nr 9), 1918. gada 21. (8.) janvārī, St. Peterburgā // Līgotņū Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana. – lpp. 254. – 256.

⁹¹ Sarunas pieraksts starp Latviešu Nacionālās Padomes pārstāvjiem J. Kreicbergu, Z. Meierovicu un J. Seski un Lielbritānijas vēstnieku Krievijā F.O. Lindleju (pielikums pie LPNP Ārlietu nodaļas sēdes protokola Nr 9), 1918. gada 22. (9.) janvārī, St. Peterburgā // Līgotņū Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana. – lpp. 257. – 261.

Vācijai), посвященное отношениям Латвии с Германией. Авторы декларировали, что целью Временного Совета является создание демократической республики на базе объединения Курземе, Видземе и Латгале. Таким образом, утверждался принцип «территориальной и этнографической неделимости» Латвии. Воззвание завершилось лозунгом и призывом ЛВНС к латышам поддержать создание независимой Латвии – «Да здравствует Свободная Латвия» («*Lai dzīvo Brīvā Latvija*»)⁹².

Новый этап внешнеполитической активности ЛВНС связан с событиями марта 1918 года, когда он выступил с протестом (*Latviešu Nacionālās Padomes protests pret Brestļitovskas miera līgumu un Kurzemes aneksiju*) против Брест-Литовского мирного договора, который повлек за собой немецкую оккупацию территории Курземе. Авторы протеста указывали на незаконность такой немецкой аннексии и упоминали, что эти события привели к тому, что значительная часть жителей Курземе была вынуждены покинуть ее территорию. Отмечалось, что заключение мирного договора стала результатом игнорирования, непризнания и неуважения прав латышского населения. Было отмечено, что мирный договор игнорирует целостность Латвии и отрицает то, что Латвия представляет собой единую территорию, «населенную одним народом», который имеет одну культуру и общие «политические и экономические цели». Авторы протеста отмечали и то, что мирный договор направлен против «культурного, общественного и национального существования латышского народа». Констатировалось и то, что Латвия и Германия не представляют и никогда не представляли собой единого целого, чем авторы стремились подчеркнуть права Латвии на самостоятельное развитие⁹³.

К осени 1918 года ситуация изменилась и центром политической активности латышских интеллектуалов и общественных деятелей становится уже Рига, где 17 ноября собирается Латышский Народный Совет (*Latviešu Tautas Padome*), в состав которого входили представители от политических партий и отдельных территорий⁹⁴. Ведущую роль в ЛНС

⁹² Latviešu Pagaidu Nacionālās Padomes uzsaukums neatbalstīt Latvijas pievienošanu Vācijai, 1918. gada 30 janvārī // Līgotņu Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana. – lpp. 195. – 197.

⁹³ Latviešu Nacionālās Padomes protests pret Brestļitovskas miera līgumu un Kurzemes aneksiju (1918. gada martā) // Līgotņu Jēkabs. Latvijas valsts dibināšana. – lpp. 200. – 203.

⁹⁴ Самая крупная фракция была представлена Латышским Крестьянским Союзом (*Latviešu Zemnieku Savienība*). От LZS в деятельности Совета принимали

играл Карлис Улманис⁹⁵, позднее ставший одним из ведущих политиков в Латвийской Республике. Именно он по поручению ЛНС создает Временное правительство. ЛНС принял резолюцию о необходимости проведения демократических выборов в Конституционное собрание (*Satversmes sapulce*).

ЛНС продекларировал верность принципам построения независимой, единой и неделимой, Латвии как республики, которая базировалась бы на демократических принципах. Кроме этого было запланировано, что ЛНС передаст свою власть Конституционному собранию. Пока же предполагалось, что в деятельности ЛНС будут принимать участие как представители партий, так и латышских земель. С другой стороны, была продекларирована необходимость передать власть местному Латвийскому Временному Правительству, созданному на базе ЛНС. В целом, активность ЛНС носила общедемократический характер: были продекларированы и гаран-

участие Карлис Улманис (Karlis Ulmanis), Микелис Валтерс, Янис Амперманис, Янис Варсбергс, Вилис Гулбис, Эрнэстс Бауэрс, Артурс Шэрс, Николайс Свемпс, Карлис Ванагс, Янис Берзиньш, Отто Нонацс, Эдмундс Фрейвалдс и Петерис Муритс. Латышская социал-демократическая рабочая партия (*Latvijas Socialdemokrātiskā Strādnieku Partija*) была представлена Фрицисом Мендерсом, Юлиуссом Целмсом, Паулсом Калниньшем, Андрейсом Петревицсом и Маргерсом Скуйениексом. Латвийскую демократическую партию (*Latvijas Demokrātiskā Partija*) представляли Эрасте Бите, Давидс Голтс, Микелис Бруже, Аугустс Ранькис и Янис Бергсонс. Янис Залитис, Густавс Земгалс, Карлис Каспарсонс и Рудолфс Бенусс были представителями Радикально-демократической партии (*Radikaldemokrātiskā Partija*). Эдуардс Траубергс, Эмилс Скубикис и Карлис Албертиньш представляли Латвийскую партию революционеров-социалистов (*Latvijas Revolucionāru Sociālistu Partija*). Янис Акуратерс и Атис Кениньш были представителями Национал-демократической партии (*Nacionāldemokrātiskā Partija*). Эдуардс Страутниекас представлял Республиканскую партию, Сприцис Паэгле – Латвийскую независимую партию (*Latvijas Neatkarības Partija*), а Станиславс Камбала – Латгальский земельный совет (*Latgales Zemes Padome*).

⁹⁵ О Карлисе Улманисе см.: Andersons E. Četri prezidenti. Kārlis Ulmanis / E. Andersons // *Latvijas Vēsture*. – 1993. – No 2. – lpp. 18. – 21; Bērziņš A. Kārlis Ulmanis. Cilvēks un valstsvīrs / A. Bērziņš. – Bruklina, 1973; Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve. Ceļinieks. Politikāis. Diktators. Mocekļis / E. Dunsdorfs. – Rīga, 1992; Kārlim Ulmanim – 120 / red. S. Caune, sast. I. Šneidere. – Rīga, 1998; Labsvīrs J. Kārlis Ulmanis / J. Labsvīrs – Rīga, 1997; Zaļuma K. Latvijas prezidenti. Bibliogrāfiskais rādītājs / K. Zaļuma. – Rīga, 1998; Latvijas prezidenti. Dzīves un vēstures mirkļi / sast. U. Šmits. – Rīga, 1993; Straume A. Kārlis Ulmanis un mazākumtautību politika Latvijā 1920. – 1940. gadā / A. Straume // *Latvijas Vēsture*. – 1995. – No 1. – lpp. 23. – 25; Zunda A. Kārlis Ulmanis un Zemnieku Savienība / A. Zunda // *Latvijas Vēsture*. – 1997. – No 3. – lpp. 3. – 8.

тированы права на культурную автономию для национальных меньшинств, а так же общегражданские права и свободы слова, печати и собраний. Кроме этого, участники ЛНС высказались за скорейшую эвакуацию с территории Латвии немецких войск⁹⁶.

Важнейшие итоги деятельности Латышского Народного Совета – принятие своей политической платформы и Декларации о Латвийском государстве⁹⁷. Политическая платформа была утверждена 17 ноября 1918 года. Она предусматривала дальнейшее развитие Латвии как независимой демократической республики, в которой гарантировались права и свободы ее граждан⁹⁸. 18 ноября 1918 года ЛНС продекларировал создание независимого Латвийского государства – Латвийской Республики. 18 ноября появилось воззвание к латышскому народу, где Латвия была провозглашена независимым, демократическим и республиканским государством, конституция которого, Сатверсме (*Satversme*), будет ее основным законом (*pamatlikums*), выработанным Учредительным Собранием (*Satversmes sapulce*)⁹⁹.

Очередная волна внешнеполитической активности латышских политиков совпала с проведением Парижской конференции, куда направилась латышская делегация, призванная представить позицию Латвии и отстаивать ее интересы. Латышские политики, прибывшие во Францию, составили декларацию, где было заявлено, что они представляют «суверенную, независимую и неделимую Латвию». Они позиционировали Латвию, как страну, расположенную на латышских этнографических территориях и имеющую границы с Литвой, Эстонией, Польшей и Россией. Авторы декларации акцентировали внимание и на проблеме отношений между Германией и Латвией, указывая, что первая выступала как захватчик, отрицая права латышей на собственную культуру и язык. Поэтому, национальное движение латышей развивалась как оппозиция немецкой полити-

⁹⁶ См.: Dokumenti stāsta. Latvijas buržuāzijas nākšana pie varas. – Rīga, 1988. – lpp. 56. – 63.

⁹⁷ Об этом направлении деятельности ЛНС см.: Blūzma V. Tiesiskas valsts pirmsākumi Latvijā / V. Blūzma // Latvijas Vēsture. – 1998. – No 3. – lpp. 20. – 24; No 4. – lpp. 6. – 14; 1999. – No 1. – lpp. 46. – 54; Dišlers K. Ievads Latvijas valststiesību zinātnē / K. Dišlers. – Rīga, 1930; Latvijas tiesību vēsture (1914. – 2000.) – Rīga, 2000; Šilde Ā. Latvijas vēsture 1914. – 1940. Valsts tapšana un suverēnā valsts / Ā. Šilde. – Stokholma, 1976.

⁹⁸ Latvijas Tautas Padome. – Rīga, 1920.

⁹⁹ Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve / E. Dunsdorfs. – Stokholma, 1978. – lpp. 125. – 126.

ке в регионе, а немецкий *Drang nach Osten* чреват уничтожением латышской культуры¹⁰⁰.

С другой стороны, авторы декларации не могли не упомянуть и фактор отношений между Россией и Латвией. Анализируя эту проблему, они стремились доказать, что изучение латышского вопроса возможно и необходимо именно как латышского, но не в рамках общероссийского контекста. Авторы декларации утверждали, что развитие российско-латвийских отношений возможно как развитие отношений между Голландией и Германией, то есть на принципах взаимного признания и уважения¹⁰¹.

Кроме этого, в период работы конференции латышской делегацией был составлен и Меморандум, где она пыталась разъяснить свои цели и позиции. Авторы Меморандума утверждали, что на протяжении веков латыши жили на берегах Балтийского моря, а в настоящее время населяют территории Видземе и Латгале, где основными латышскими центрами являются Рига, Цесис, Валмиера, Валка, Даугавпилс, Резекне и Лудза. Кроме этого было отмечено, что латыши проживают и на территории Псковской и Ковенской губерний, в Пруссии, в районе Куршской косы.

Латышские представители пытались сформировать в западном обществе позитивный образ Латвии. Но понимая то, что западные политики о Латвии знали крайне мало, латышские политики в Меморандуме пытались кратко проанализировать основные проблемы истории Латвии. Они пытались доказать, что латыши по своим способностям к политической жизни не уступают другим европейским народам. По словам латышских представителей, в Латвии, как и в остальной части Европы, в 1840-е годы началось национальное движение. Они отиечали, что латыши, подобно другим народам России, подвергались преследованиям и русификации. Поэтому распад империи преподносился как позитивное событие для латышей. С другой стороны, немецкая оккупация не означала для латышей позитивных изменений¹⁰².

¹⁰⁰ Latvijas delegācijas deklarācija, iesniegta Baltijas komisijai Parīzē, 1919. gada 9. jūnijā // Valdības Vēstnesis. – 1919. – 2. augustā.

¹⁰¹ См.: Mieriņa A. Kā Latvija pieteica sevi pasaulei 1919. gadā / A. Mieriņa // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. – 1992. – No 1. – lpp. 147. – 149.

¹⁰² Memorandums par Latviju, stādīts priekšā no Latviešu delegācijas Miera konferencei, 1919. gada 10. jūnijā // Valdības Vēstnesis. – 1919. – No 1 – 9. – 1 – 10 augusts.

Наиболее важные события прились на 1920 год, когда Латвия начала заключать договоры с соседними странами, то есть была ими фактически и юридически признана как независимая государство. 15 июля 1920 года был подписан договор между Латвией и Германией в Берлине. Договор устанавливал между двумя странами дипломатические отношения. Германия признавала независимую Латвию де юре¹⁰³. Это соглашение стало одним из первых успехов латвийской дипломатии. Договор создал возможности для экономического сотрудничества и политического диалога между двумя странами, способствуя утверждению среди латышских политиков и широких масс латышей чувства национальной полноценности. 11 августа 1920 года с Латвией была вынуждена заключить мирный договор и Советская Россия. Примечательно то, что в договоре Латвия была заявлена не просто как Латвия, но как Латвийская Демократическая Республика (*Latvijas Demokrātiskā Republika*). В соответствии с этим договором Россия уступала Латвии Пыталовский уезд Псковской губернии¹⁰⁴. Таким образом, Латвия была признаны бывшими странами-колонизаторами, Россией и Германией, что вело к национальному подъему в Латвии и складыванию условия для начала активного строительства в Латвии национального государства.

Завершающий этап национальной консолидации в Латвии был связан с работой Учредительного Собрания. Оно было сформировано в результате выборов, в которых приняли участие 25 партий и групп. В Собрание было выбрано 150 депутатов, из которых 132 были латышами, 8 – евреями, 6 – немцами, 4 – русскими. Самая крупная фракция была создана социал-демократами и насчитывала 57 мест. За ней следовал Крестьянский Союз (*Zemnieku Savienība*) с 26 местами. Вокруг этой партии сложился мощный аграрный блок. К нему идейно были близки такие объединения как Латгальская крестьянская партия (*Latgales Zemnieku Partija*) с 17 местами. В Собрании сложился блок и христианских партий – Латгальский

¹⁰³ Pagaidu līgums par sakaru atjaunošanu starp Latvija un Vāciju, 1920. gada 15. jūlijā, Berlīnē // Dokumenti stāsta. Latvijas buržuāzijas nākšana pie varas. – lpp. 255. – 258.

¹⁰⁴ Текст договора несколько раз публиковался. См. напр.: Valdības Vēstnesis. – 1920. – 14. septembris; Miera līgums starp Latviju un Krieviju. – Rīga, 1920; Miera līgums starp Latviju un Krieviju, 1920. gada, 11. augustā, Rīgā // Dokumenti stāsta. Latvijas buržuāzijas nākšana pie varas. – lpp. 259. – 272; Latvijas okupācija un aneksija 1939. – 1940. Dokumenti un materiāli / sast. I. Grava-Kreituse, I. Feldmanis, J. Goldmanis, A. Stranga. – Rīga, 1995. – lpp. 36. – 50.

христианский крестьянский союз (*Latgales Kristīgo zemnieku savienība*) с шестью местами, Христианская национальная партия (*Kristīgā nacionalā partija*) с тремя местами. Демократы были представлены Демократической союзом (*Demokrātu Savienība*) с шестью местами. Немецкая партия (*Vācu Partija*) получила шесть мест, беспартийная гражданская группа (*Bezpartejiskā pilsoņu grupa*) – тоже шесть, аграрный союз безземельных (*Bezzemnieku agrārā savienība*) – три, русская гражданская группа (*Krievu pilsoņu grupa*) – четыре, еврейский блок (*Ebreju bloks*) – пять.

Собрание начало работу 1 мая 1920 года. Первое заседание открыл Янис Чаксте (*Jānis Čakste*), который до этого был председателем Народного Совета. Он же был избран и президентом Собрания. Его заместителем стал Андрейс Петревис (*Andrejs Petrevics*), представитель ЛСДРП. Вторым заместителем стал представитель Латгале Станиславс Камбала. Секретарем стал член ЛСДРП Робертс Ивановс (*Roberts Ivanovs*), а его заместителями Мартиньш Антонс (*Mārtiņš Antons*) и Эрастс Битс (*Erasts Bits*). 27 мая была принята Декларация о Латвийском государстве, которая провозглашала Латвию демократической и независимой республикой, в которой носителем власти был народ. 15 июня 1921 года УС приняло Закон о флаге и гербе Латвийской Республики, что стало формальным завершением пути Латвии от российской колонии к независимому государству.

Таким образом, этап 1917–1921 годов был отмечен важными событиями в истории Латвии, которые были связаны с процессом становления в Латвии национального государства. Революционные изменения в России и Германии привели к тому, что эти две страны оказались не в состоянии влиять на ход политических процессов в Латвии. Поэтому, местные интеллектуалы, которые были национально ориентированы пытаются взять власть в свои руки. Попытка организации новых политических институтов оказывается успешной и они выходят победителями из противостояния с немецкими, великодержавными российскими группировками и латышскими крайними левыми, которые были заинтересованы в прекращении латышского проекта и интеграции Латвии политически, экономически и культурно в российское пространство, которое, правда, этими группировками понималось очень различно.

События 1917 – 1921 годов были временем мощнейшего процесса институционализации латышского национального движения, которое до этого развивалось по меньшей мере шесть десятилетий. Этот период стал

временем триумфа национализма, периодом его окончательной политизации, когда он превратился в реальную политическую силу, способную радикально изменить ситуацию на территории Латвии, вырвав ее из российского политического пространства, превратив в независимое европейского государства. Появление государственности стало началом и нового этапа в истории латышского национализма и национального движения. Национализм из политического движения превратился в политический принцип, при котором этнические и политические элементы стали совпадать. Национальное движение так же изменилось, будучи представленным уже не общественными объединениями, а политическими партиями разной ориентации, которые значительное внимание в своих доктринах и политике продолжали уделять национальной идее.

Вместе с тем события период 1917 – 1921 годов в истории Латвии не ограничивается исключительно теми событиями, которые в центре внимания автора в настоящей статье. Политический процесс имел и несколько альтернативных, но, вместе с тем, и тупиковых направлений, которые не совпадали с общими тенденциями к политической институционализации той идентичности, которая была сформирована латышским национальным движением. Речь идет о попытке сохранения Латвии в составе России и о попытке построения особого типа национального государства на левых началах и принципах. Кроме этого, проблемы отношений с балтийскими немцами так же играли важную роль, но уже не были магистральным направлением политического и исторического процесса в Латвии.

VI. Проблемы немецко-латышских отношений в XX столетии

Немцы и латыши на протяжении семи столетий были соседями. Немецкое завоевание латышских территорий в XII веке привело к тому, что возник феномен латышско-германского соседства. Отношения между немцами и латышами носили разнообразный характер. Вероятно, не следует упрощать их историю, как делали советские историки, и сводить все к угнетению латышей сначала немецкими феодалами и позднее – баронами и пасторами. Отрицать аспект принуждения и насилия, принудительной ассимиляции части латышского населения немцами все же не следует.

Позднее немецко-латышские контакты на территории Латвии приобрели иную форму – они стали развиваться в русле политического противостояния между немецкой балтийской аристократией и латышскими интеллектуалами, участниками национального движения, которое возникает в середине XIX века¹⁰⁵. В начале XX века контакты сменились конфронтацией, что было связано с событиями революции 1905 – 1907 годов, которая в Латвии имела антинемецкий характер. Конфронтация еще более усилилась после появления Латвийской Республики, а государственный переворот 1934 года, организованный англофилом Карлисом Улманисом, еще более обострил отношения между латышами и немцами до такой

¹⁰⁵ О месте латышско-немецких контактов в истории латышского национального движения см.: Кирчанов М.В. «Немец» и «немцы», «латыш» и «латыши» в Латвии во второй половине XIX - начале XX века: между реальностью и идеологией латышского и немецкого национализма / М.В. Кирчанов // Балтийские исследования. – Вып. 2. – Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе. – Калининград. – 2004. – С. 11 – 18; Кирчанов М.В. Идеиные концепции латышского культурного национализма (до 1917 года) / М.В. Кирчанов // Ф.И. Тютчев (1803 - 1873) и проблемы российского консерватизма. – Т. 2. – Ростов-на-Дону. – 2004. – С. 195 – 202; Кирчанов М.В. Латышско-германские контакты и их роль в зарождении латышского национального движения / М.В. Кирчанов // Запад-Россия-Кавказ. Межвузовский научно-теоретический альманах. – Вып. 3. – Ставрополь, 2005. – С. 47 – 61; Кирчанов М.В. Немецкая, русская, латышская рецепция ранней истории латышского национального движения / М.В. Кирчанов // История идей и история общества. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции, Нижневартовск, 22 апреля 2005 г. – Нижневартовск, 2006. – С. 72 – 75.

степени, что в конце 1930-х годов немцы были вынуждены покинуть Латвию и вернуться в Германию¹⁰⁶.

В центре настоящей статьи – проблемы латышской перцепции немцев в XX веке глазами интеллектуалов Латвии. При этом немецкая перцепция Латвии, политической истории и процессов на территории этого государства в значительной степени изучена и исследована. Поэтому, в этой статье этот аспект будет проанализирован преимущественно под латышским углом зрения.

Изменения в положении немецкого населения в Латвии стали очевидны уже в начале XX века. К тому времени латышское национальное движение было уже достаточно сильно и смогло составить конкуренцию немецкому господству. Это повлекло сокращение немецкого населения, которое теряет свое политическое влияние, постепенно превращаясь в национальное меньшинство. Немецкая «прибалтийская особая жизнь» (*baltisches Sonderleben*) постепенно уходит в прошлое. Свидетельством этого процесса было то, что «мелкие нации и народишки» начинают играть все более значимую роль¹⁰⁷. Немецкие националистически ориентированные интеллектуалы, которые привыкли считать Латвию частью Германии, которая в силу исторического недоразумения оказалась в составе Российской Империи, к такой ситуации оказались не готовы. Революция 1905 – 1907 годов, где латышское движение столкнулось с немецким, подтвердило, что немецкая элита в регионе начала терять политические ориентиры.

Объектами критики латышских националистов становились немцы, в особенности – пасторы. С другой стороны, усилилась радикальная тенденция, и латыши начали нападения на немецкие замки и уничтожали имущество немецких землевладельцев. Особенно досталось от латышей пастору Биленштейну¹⁰⁸. Об отношении латышей к этой видной фигуре

¹⁰⁶ О латышско-немецких отношениях см.: Кирчанов М.В. Латышско-германские и латышско-британские отношения в 1920 - 1940 годы: основные этапы и особенности / М.В. Кирчанов // Из истории международных отношений и европейской интеграции. – Вып. 2. – Т. 1. – Воронеж. – 2005. – С. 81 – 94.

¹⁰⁷ Seraphim E. Im neuen Jahrhundert. Baltische Rückblicke und Ausblicke / E.Seraphim. - R., 1902.

¹⁰⁸ Пастор А. Биленштейн был не последней фигурой среди немецких интеллектуалов. См. его публикации: Bielienstein A. Ein glückliches Leben / A. Bielienstein. – Riga, 1904; Bielienstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettische Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert / A. Bielienstein. – SPb., 1892.

балтийского германства писал Давидс Бейка, автор левых политических убеждений и очевидец событий революции. Бейка описал, как латыши уничтожили имущество пастора Биленштейна: «Какой великолепный костер! Костер не уступает деревенскому пожару. Падает в огонь почетный диплом Биленштейна от «Общества друзей латышей» в роскошном переплете. Текст на старомодном латышском языке и на необычайно дорогой бумаге. Летят в огонь сочинения о ”деревянном” языке латышей и об их деревянных постройках, книжки о домашней утвари и хозяйственных орудиях латышей. И огромный фолиант о туесках и деревьях, годных для выделки ложек, летит в самое пламя. Ничего не поделаешь, и книги имеют свою судьбу»¹⁰⁹.

Первая мировая война повлекла еще большее обострение немецко-латышских отношений, чем события революции 1905 – 1907 годов. В условиях войны латышские национально ориентированные интеллектуалы активизировали антинемецкую критику. Латышские националисты понимали, что победа Германии отодвинет перспективы создания независимой или автономной Латвии на неопределенный срок и уничтожит все их достижения, связанные с развитием культуры, просвещения и национального самосознания¹¹⁰. Именно по этой причине, латышские консерваторы-националисты начали антинемецкую компанию наряду с русскими националистами, в рамках которой немцы изображались почти исключительно как «творцы большого зла»¹¹¹. Когда латышские авторы писали о немцах, единственными возможными проявлениями немецкой нации, были «несправедливость, варварство и милитаризм»¹¹². Даже левые авторы, на-

¹⁰⁹ О латышско-немецкой конфронтации в период революции 1905 – 1907 годов см.: Birkerts P. Mūsu revolūcijas varoņi un mocekļi / P. Birkerts. – R., 1928; Blanks E. 1905.gada revolūcija / E. Blanks. – R., 1930; Buševics A. Kā teorijā un praksē veidojās tautas pašvaldības ideja 1905.g. revolūcija / A. Buševics // Domas. – 1931. – No 8; Drews H. Die lettische Revolution und das Baltentum / H. Drews. – R., 1927; Kroders J. Kā izauga Baltijas revolūcija / J.Kroders. – R., 1908.

¹¹⁰ О немецких планах в отношении Прибалтики см.: Kiewisz L. Sprawy łotewskie w bałtickiej polityce Niemiec w latach 1915 – 1919 / L.Kiewisz. - Poznań, 1970.

¹¹¹ Jaunais Wahrs. – 1915. – 14. junijs.

¹¹² Daniševskis J. Prūšu junkuri Latvijā 1812. – 1914. gadā / J. Daniševskis. – R., 1914. – lpp. 18.

пример Я. Данишевскис¹¹³, писали о том, что «мощь прусского милитаризма и юнкерства надо сломить», так как она «не должна победить»¹¹⁴.

В 1914 году депутат Государственной Думы Я. Голдманис критиковал немецкую печать, называя публикации «истошными воплями о якобы имеющих место латышских зверствах». Голдманис обвинял Германию в том, что она собиралась напасть на Россию в 1905 году и оккупировать Латвию¹¹⁵. Голдманис в одном из выступлений говорил: «один из первых выстрелов неприятеля прогремел в том краю, представителем которого я являюсь. Но повелитель Германии глубоко ошибался, если полагал, что эти выстрелы вызовут сочувствие у местного населения и враждебные выступления против России»¹¹⁶. В том же 1914 году с антинемецкой националистической статьей «Как немцы тщатся доказать, что Балтия древняя немецкая земля» в газете «Вестник Отечества» выступил Янис Эндзелинс. Эндзелинс изображал немцев-германцев как безжалостных завоевателей и жестоких колонизаторов. Особенно неприятны для него были немецкие утверждения, в соответствии с которыми «латыши и эстонцы выдаются за чужаков, а немцы за истинных и древних обитателей» балтийского побережья¹¹⁷.

Особо остро проблема немецко-латышских отношений стояла между двумя мировыми войнами. Часть латышских интеллектуалов была национально ориентирована и антинемецкий компонент в их концептах занимал не последнее место. В программе, например, Клуба латышских националистов¹¹⁸, содержалась резкая критика нелатышского, в том числе и немецкого, населения. Объектами своей критики латышские националистически ориентированные политики избрали нелатышей, «людей без национального хребта, которые хоть тысячу раз могут называть себя латы-

¹¹³ Ниедре О. Борьба против империалистической войны в работе Я. Данишевского «Прусские юнкера в Латвии в 1812 – 1914 гг.» / О. Ниедре // *Zinātniskie raksti*. – LXI sējums. Vēstures zinātnes. – 4. izlaidums. – R., 1965. – lpp. 111. – 120.

¹¹⁴ Daniševskis J. Prūšu junkuri Latvijā 1812. – 1914. gadā / J. Daniševskis. – R., 1914. – lpp. 26.

¹¹⁵ Valsts domnieka J. Goldmaņa runa. Apcerēta sakarā ar visvācu nolūkiem Baltijā un vācu kultūras vētību. – R., 1914.

¹¹⁶ Цит. по: Токарев П.М. Краткая история латышского народа. – Рига, 1915. – С. 137.

¹¹⁷ Endzelihns J. Ka vahzieschi rauga pierahriht ka Baltija sena vahzu zeme / J. Endzelihns // *Dzimtenes Wehstnesis*. - 1914. - No 294.

¹¹⁸ Организация возникла еще в 1922 году и называлась *Latvijas Nacionālās Klubs*, в 1925 году она была запрещена, но вскоре возродилась.

шами». Они призывали «не щадить и не уважать таких людей, так как их трусость часто ведет к национальному предательству»¹¹⁹.

Антинемецкий нарратив был характерен и для другой национальной организации – «Ugunskrusts»¹²⁰ – «Огненный крест». Ее теоретики, в первую очередь Густавс Цэлминьш, продолжил антинемецкие традиции младолатышей и более ранних националистически настроенных латышских протестантских пасторов-фундаменталистов и писателей-традиционалистов. «Немцы – это инородные тела на теле латышского народа»¹²¹, – констатировалось в одном из документов его движения. Наследница этого движения, организация «Pērkonkrusts» так же особых симпатий в отношении немцев не питала: ее участники отмежевывались от обвинений в фашизме и предпочитали рассматривать себя как «латышское народное движение»¹²², а первый пункт программы апеллировал к «латышскому государству, его будущим поколениям и другим, противостоящим ему народам, которые будут призваны к ответу»; второй пункт декларировал необходимость защиты «чести латышского народа, его собственности и благополучия» от иностранцев, в том числе и от немцев¹²³. Иностранцы вообще и немцы в частности, «жиды, их приспешники, марксисты и инородцы»¹²⁴, позиционировались как противники Латвии.

Формированию и развитию антинемецкого элемента в политической жизни межвоенной Латвийской Республики способствовала сама политика немецкого меньшинства в Прибалтике, особенно в Латвии. Один из немецких балтийских деятелей в 1929 году признавал, что «с возникновением национального латышского государства начались схватки за его

¹¹⁹ Krēsliņš U. Aktīvais nacionālisms Latvijā. 1922. – 1934. / U. Krēsliņš // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. – 2000. – No 3. – lpp. 96. – 117.

¹²⁰ «Ugunskrusts» по своей политической природе принадлежал к крайне экстремистским и антидемократическим группировкам. Он сложился в 1932 году, когда на учредительном собрании в Риге его лидером был избран в присутствии 69 человек Густавс Цэлминьш – в своей идеологии и политической практике группа ориентировалась на более ранний опыт фашистской Италии. В 1933 году организация была запрещена.

¹²¹ Ugunskrusts. – 1932. – 21. aug.

¹²² См.: Paeglis A. Pērkonkrusts pār Latviju / A. Paeglis. – R., 1997.

¹²³ См. политическую программу этой организации: Kas ir, ko grib, kā darbojas Pērkonkrusts. Programma ar paskadrojumiem deklarācijas iztirzājums, statūti. – Rīga, 1933.

¹²⁴ Pērkonkrusta programa // Pērkonkrusta rakstu krājums. – 1933. g. – jūnijs.

подчинение»¹²⁵. Латышских интеллектуалов к созданию антинемецких концепций стимулировали заявления ряда немецких политических деятелей, например, фон Гляйхена, который говорил о том, что «немцы должны обратить свое внимание к Востоку и поддержать устремление на завоевание прибалтийских стран в будущем»¹²⁶. Германия ассоциировалась с веками немецкого господства и немецкими «борцами за Прибалтику».

Антинемецкие нашли немало сторонников в Латвии, смогли занять свою нишу в интеллектуальном климате республики¹²⁷. Например, латышская националистически настроенная газета «Students» неоднократно высказывала свое негативное отношение не только к немецкой историографии, но и к самим немцам, возмущаясь тем, что те называют Латвию не независимой республикой, а «прибалтийскими провинциями Российской империи» или «Остзейским краем»¹²⁸. Подобный подход был особенно не по душе латышским авторам, историкам и публицистам, националистического направления. В своих работах они довольно часто сводили историю Латвии к во многом справедливой критике немцев и Германии. А. Шилде критиковал тех, чьи «голоса звучат за подчинение Латвии чужой державе». Шилде считал, что так могут думать лишь «недовольные прибалтийские немцы»¹²⁹.

Другой латышский интеллектуал межвоенного периода А. Гринс видел в антилатышской немецкой историографии идейную подготовку будущей агрессии на Восток, в том числе и против Латвии¹³⁰. А. Гринс в данном случае был близок даже и советским авторам, которые указывали,

¹²⁵ Harpe W. Bildung und Zerfall der baltischen Fahrenschrift / W. Harpe // Grenzdeutsche Rundschau. – 1930. – No 12. – S. 351; об антилатышской и антигосударственной деятельности немецчества в Латвийской республике благодаря стараниям латышских ученых существует довольно обширная историография – см.: Feldmanis I. Fašistiskās Vācijas loma buržuāziskās Latvijas vācu nacionālā mazākuma pacifikācijā / I. Feldmanis // Германия и Прибалтика. – Рига, 1983. – С. 3 – 18.

¹²⁶ Цит. по: Вирсис М. Влияние германской «политики немецчества» на германо-латышские отношения в 1923 – 1932 годах / М. Вирсис // Германия и Прибалтика. – Рига, 1985. – С. 5.

¹²⁷ Об интеллектуальной истории межвоенной Латвии см.: Кирчанов М.В. Латышская историческая наука межвоенного периода как часть интеллектуальной истории Латвии / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского Общества интеллектуальной истории. – Вып. 7. – Ставрополь, 2005. – С. 144 – 155.

¹²⁸ Students. – 1938. – No 7.

¹²⁹ Universitas. – 1933. – No 15.

¹³⁰ Universitas. – 1933. – No 6.

что германизация земель Гитлером приведет к уничтожению многих народов¹³¹. Слова А. Гринса, антикоммуниста и латышского консерватора, поразительным образом похожи на советские трактовки национальной политики гитлеризма. В статье, названной правда не совсем по-марксистски, «Гитлер и мы», но очень антинацистски звучала фраза: «нацистская Германия неминуемо повторит путь крестоносцев на восток, чтобы за счет украинцев, белорусов получить земли для колонизации немцами». Гринс считал, что «Гитлер заранее отказывается от германизации населения, так как ему нужны только земли, а не люди»¹³². Гринс критиковал немцев и в своих художественных произведениях. В одном из его романов есть такие слова: «народ, от которого я происхожу, считается христианским, но его духовные пастыри пьянствуют и развратничают, не умея проповедовать на языке народа»¹³³.

Аналогичные настроения выражал и другой автор, А. Кродерс, который подвергал критике программу немецкой агрессии на Восток. Он критиковал программу «Drang nach Osten» указывая на то, что: «она возбуждает немецкие мечты по подчинению Латвии, она не идет на убыль, а наоборот стимулируется библией германского народа – книгой Адольфа Гитлера». При этом Кродерс указывал и на латышский опыт борьбы с германством: «с нами, латышами», – писал он, – «немец в жмурки играть не будет, потому что мы хорошо знаем, что такое немецкий дух и политика – тут Европа у нас может многому поучиться»¹³⁴.

Антинемецкий политический идеал нашел много сторонников и среди вполне респектабельных латышских политиков. Министр-президент Латвийской Республики в 1931 – 1933 годах М. Скуениекс инициировал передачу Домского собора в Риге исключительно протестантам-латышам. Другим проводником антинемецкого курса латышских национально ориентированных Интеллектуалов был министр просвещения и юстиции А. Кениньш, стремившийся к расширению преподавания в немецких школах

¹³¹ См.: Samsons V. Naida un maldu slīkšņā. Iesakts eksrēmā latviešu nacionālisma uzskatu evolūcijā / V. Samsons– R., 1983. – lpp. 46.

¹³² Grins A. Gitler un mēs / A. Grins // Universitas. – 1933. – No 6.

¹³³ Гринс А. Тобаго / А. Гринс // Даугава. – 1995. – № 4. – С. 36.

¹³⁴ Samsons V. Naida un maldu slīkšņā. Iesakts eksrēmā latviešu nacionālisma uzskatu evolūcijā. – lpp. 103.

латышского языка и латышской истории в полном объеме. Немецкая печать в Латвии не замедлила окрестить эту политику «летификацией»¹³⁵.

Антинемецкий нарратив культивировали и умеренные политически партии, которые нельзя отнести к националистическому лагерю. С критикой немецкой политики выступила Латвийская партия демократического центра, которая ранее в антинемецкой компании не участвовала – ее лидер Я. Брейкшс указывал, что политика немцев опасна и ее следует рассматривать как «открытую демонстрацию против нынешней политики правительства»¹³⁶. К такой точке зрения присоединился и демократически ориентированный дипломатический корпус. В 1936 году секретарь латышского Министерства иностранных дел Вилхелмс Мунтерс выражал негативное отношение к внешней политике Германии, которая, на его взгляд, могла привести лишь к обострению положения в Европе¹³⁷. С ним была согласна и газета военного министерства Латвийской Республики «*Militārais Apskats*», которая писала, что ввод частей вермахта на территорию Рейнской зоны «вносит в международные отношения такую озабоченность, какая не наблюдалась со времен первой мировой войны»¹³⁸.

Латышские национально ориентированные интеллектуалы в своей критике немецчества особое внимание уделяли роли германских протестантских пасторов. Оценки латышских историков в отношении немецкого духовенства практически всегда были нелестны. Один из литературных критиков Латвии К. Лейниекс-Дзильлейя, рассматривая деятельность такого известного прибалтийского немецкого пастора как Юный Стендер, писал, что тот латышей не любил, относился к ним плохо, хотел всех германизировать и считал, что латыши не в праве иметь свою собственную культуру, которую он считал варварской¹³⁹. Комментируя подобные настроения, советский исследователь 1930-х годов И. Левин, рассматривая политику латышских националистов в отношении немецкого населения, указывал на то, что она изменила положение балтийских немцев в

¹³⁵ *Deutsche Tageszeitung*. – 1932. – 4. febr; *Latviešu balss*. – 1932. – No 1; *Jaunākās Ziņas*. – 1932. – 4. janv.

¹³⁶ *Jaunākās Ziņas*. – 1932. – 5. aug.

¹³⁷ *Известия*. – 1936. – 27 мая.

¹³⁸ *Militārais Apskats*. – 1936. – No 3. – lpp. 577. – 578.

¹³⁹ *Lejnieks-Dziļleja K. Latviešu draugi pagātnē / K. Lejnieks-Dziļleja*. – R., 1937. – lpp. 57.

Латвии, что выразилось в его низведении до «уровня незначительного по численности национального меньшинства»¹⁴⁰.

Если до 1934 года, антинемецкие идеи оставались идеями, то политический переворот 14 – 15 мая создал условия для их реализации. Реализация антинемецких лозунгов имела несколько проявлений. Карлис Улманис, стремившийся к «укреплению всего латышского в стране»¹⁴¹, пошел на такой националистический и антинецкий шаг, как передача латышам зданий Большой и Малой Гильдий в Риге, которые ранее принадлежали немцам. Такая политика вызвала ответную, антилатышскую, реакцию среди немецких националистически ориентированных интеллектуалов. Например, в 1941 году под редакцией профессора Г. Вольффа вышла книга о преступлениях, которые якобы совершались в Латвийской республике против немецкого населения. Другой немецкий деятель, последний редактор газеты «Rigasche Rundschau» Э. фон Мензенкампф называл Улманиса «близоруким политиком», а главу МИД Вилхелмса Мунтера – «штатным ренегатом и беспринципным карьеристом». Кроме этого латышей он считал неполноценными, их культуру убогой и неразвитой, требуя их присоединения к родственной, более высокой, на его взгляд, германской культуре¹⁴².

После 1934 года антинемецкая тенденция проявилась и в языковой сфере. Впервые в истории латышского народа латышский язык стал государственным, началось его широкое применение в государственных органах, в науке и в системе образования. В Латвии 1920 – 1930-х годов были созданы реальные условия для его полноценного развития. Параллельно наблюдался и рост интереса к проблемам латышского языка. Интерес к языковой проблематике, который имел антинемецкий характер, проявляли и власти. В 1920, 1936 и 1939 годах латвийское правительство предпринимало попытки урегулировать отношения в данной области, издавая законы, которые предписывали смену фамилий, если те являлись нелатышскими. Это имело отношение к фамилиям составленных на немецкий манер, и были оскорбительными для латышей, противореча нормам ла-

¹⁴⁰ Левин И. Национальный вопрос в послевоенной Европе / И. Левин. – М., 1934. – С. 498.

¹⁴¹ Ulmanis K. Runu un raksti / K. Ulmanis. – R., 1940. – lpp. 30.

¹⁴² Wolff H. Die Rechtsbrücke zum Nachteil der Deutschen Volksgruppe in Lettland. 1919 – 1939. Schriften der Publikationsstelle für den Diensgebrauch / H. Wolff. – Berlin, 1941; Mensenkampff E. Menschen und Schicksale aus dem alten Livland / E. Mensenkampff. – Tilsit – Leipzig – Riga, 1944.

тышской грамматики. Такую политику латышских властей можно рассматривать как проявление языкового пуризма, как разновидность культурно-языкового национализма¹⁴³.

С другой стороны, латышские национально ориентированные интеллектуалы попытались снизить немецкое влияние на латышский язык: например, Э. Блесе занимался изучением донемецких исконно латышским имен – благодаря его деятельности были рассмотрены такие имена как Warigribbe (*vara* – власть, *gribēt* – хотеть) и Darbeslave (*darbs* – труд, *slava* – слава)¹⁴⁴. Националистически настроенные интеллектуалы подвергали критике и процесс постепенного всестороннего и повсеместного онемечивания латышей, который имел место в период немецкого господства – относилось это и к фамилиям: например, известный латышский исследователь А. Биркертс негативно относился к тем латышам, которые сменили свои латышские фамилии (*Krūmiņš*, *Ozoliņš*, *Zariņš*, *Riekstiņš*) на немецкие (*Kruhming*, *Ozohling*, *Sarring*, *Reeksting*)¹⁴⁵.

В конце 1930-х годов в Латвии вновь оживились дискуссии о роли немецкого элемента. Это было связано с началом переселения немцев из Латвии на территории оккупированной нацистской Германией Польши. Один из авторов в связи этим на страницах газеты «Rīts» («Утро») восклицал, что немцы покидают Латвию «тем же путем, которым пришли, и слава богу»¹⁴⁶. Та же газета несколько позднее писала, что «богослужений на немецком языке больше не будет, не будет немцем и немецкого духа»¹⁴⁷. После этого Латвию буквально захлестнули публикации с броскими названиями типа: «Требование национальной гордости – стряхнуть все чужое», «Ни один гражданин Латвии не должен больше называться немцем». В. Велдре, например, писал, что Латвия «больше никогда не примет немецких колонистов», которые «вновь пожелают господствовать над латышами»¹⁴⁸. Оставление Латвии немцами рассматривалось как окончательный акт в становлении независимой Латвийской Республики:

¹⁴³ Likumu un valdības rīkojumu krājums. – 1920. – No 209; Likumu un ministru kabineta noteikumu krājums. – 1939. – No 221; Kurzemnieks P. Uzvārdu maiņa / P. Kurzemnieks // Policija. – 1936. – No 4.

¹⁴⁴ Blese E. Latviešu personu vārdi un uzvārdu stūdiņas / E. Blese. – R., 1929.

¹⁴⁵ Birkerts A. Latviešu inteliģence savās cīņās un gaitas / A. Birkerts. – Sej. 2. – R., 1927. – lpp. 200.

¹⁴⁶ Rīts. – 14. dek. – 1939.

¹⁴⁷ Rīts. – 17. dek. – 1939.

¹⁴⁸ Brīvā Zeme. – 21. dek. – 1939.

«последние суда с уехавшими уже прибыли в Германию, а мы прочно останемся на этой земле, где крепко связанные с ней своими корнями на протяжении 760 лет не допускали, чтобы рядом пустило корни чужое дерево»¹⁴⁹, - писала «Rīts».

В 1930-е годы, словно реакция на рост немецкого национализма, в Латвии усиливаются собственно латышские националистические идеи, одним из крупнейших теоретиков которых был Карлис Лапиньш. В своей книге он сравнивал Латвию с древней Грецией, а латышей – с греками, что было проявлением полемики с немецкими нацистами, лидер которых Адольф Гитлер тоже вольно обращался с историей. Сходства этот национально настроенный автор был склонен видеть в таких феноменах как всеобщая грамотность латышей и греков; в относительном небогатстве ресурсов и полезными ископаемыми; наличие скромного, но постоянного достатка; предрасположенности греков и латышей к логике, философии; превращении культуры из привилегии немногих в культуру нации¹⁵⁰.

Некоторые идеи («Раса – основа тела и духа, которая действует на человека, его мышление и культуру», «если бы две тысячи лет назад балтийские племена выказали бы дух единения и культуры, мы бы в настоящее время могли бы говорить о балтийской мировой империи на всей территории нынешней России, но теперь мы охраняем Запад от дикого хаоса, который движется с Востока» «если раньше национализм стремился поженить нации с помощью культуры, то теперь национализм требует размножения самого народа естественным путем через умножение сил нации», «каждая раса должна следить за чистотой своей крови»¹⁵¹) Лапиньша по степени радикализма не уступали доктринам немецких националистов. На идейно близких позициях стояли и другие латышские мыслители – М. Валтерс (автор книги с показательным и характерным названием «Проблемы латышского человека») и П. Юревицс («Принципы национальной идеологии»)¹⁵².

Логичный итог размышлениям латышских националистов подвел Э. Брастиньш, выступивший в 1935 году с книгой «Во благо латышской нации», где он призывал к свертыванию в Латвии демократических институтов, как чуждых латышскому народу и его национальному духу. Бра-

¹⁴⁹ Rīts. – 17. dek. – 1939.

¹⁵⁰ Lapiņš K. Kultūras ceļi / K. Lapiņš. – R., 1936.

¹⁵¹ Jaunais nacionalisms / red. K. Lapiņš. – R., 1936.

¹⁵² Sējēs. – 1936. – No 1.

стиньш призывал формировать кадры государственных учреждений исключительно из латышей: «Один национальный ученый ценнее, чем вся Рига», - писал он. Брастиньш доказывал, что именно латыши являются самым арийским и самым древним народом Европы – по данной причине, он призывал писать не 1935, а 11935 год; Брастиньш призывал ввести и новый календарь, где месяц состоял бы из трех недель по десять дней в каждой. Брастиньш писал: «я верю, что латышскому нет границ, нет конца; латышского никогда не может быть слишком много». Брастиньш призывал к очищению латышского языка от заимствований, но и к ежедневному ношению национальной одежды¹⁵³.

События второй мировой войны заставили латышских интеллектуалов и политиков по-новому взглянуть на отношения с немцами. В 1940 году Латвийская Республика была оккупирована СССР и насильственно включена в состав этого государств. В июле 1941 года на смену советским оккупантам пришли немецкие и поначалу их восприняли как освободителей, но события лета 1941 года не оправдали надежд и иллюзий латвийских политиков, и среди латышских интеллектуалов стало возобладать отношение к немцам как к очередным оккупантам. В Латвии возникает антинемецкая оппозиция. Как позднее вспоминал Адолфс Кливе¹⁵⁴, возникла «оппозиция против оккупантов и оппортунистов». Сначала, по его словам, эта оппозиционность отличалась аполитичным характером. Позднее возникли «организации сопротивления» и латышские политики начали искать «новые пути»¹⁵⁵, и в 1943 году оппозиционными латышскими интеллектуалами создается «Latvijas Centrālā Padome» – Латвийский Центральный Совет, первой продекларированной целью которого была борьба против немецкой оккупации¹⁵⁶.

С другой стороны, нацистская оккупация Латвии не освободила страну, а вынудила часть местных политиков и интеллектуалов к сотрудничеству. Об этом свидетельствует, например, периодическая печать Лат-

¹⁵³ Braстиņš E. *Latviskas Latvijas labad* / E. Braстиņš. – R., 1937.

¹⁵⁴ См. публикации А. Кливе, которые дают возможность судить о его политических взглядах: Klīve Ā. *Brīvā Latvija* / Ā. Klīve. – Ņujorka, 1969. - 493; Klīve Ā. *Latvijas neatkarības gadi. Latvijas politiskā veidošanās un augšana* / Ā. Klīve. – Ņujorka, 1976.

¹⁵⁵ Klīve Ā. *Latviešu politiskie centieni vācu okupācijas laikā* / Ā. Klīve // *Latvijas Arhīvi*. – 1996. – No 1 – 2. – lpp. 81. – 88.

¹⁵⁶ Andersons E., Siliņš L. *Latvijas Centrālā Padome* / E. Andersons, L. Siliņš. – Upsala, 1994.

гале, которая выходила с 1941 по 1944 год. 15 июля 1941 года в Даугавпилсе начинает выходить газета «Daugavpils latviešu avīze»¹⁵⁷. Ее политическую направленность можно охарактеризовать как пронемецкую, она демонстрирует нам лояльный дискурс политического поведения латышских интеллектуалов. Уже в третьем номере был опубликован материал, озаглавленный «Приветствуем немецкие войска – своих друзей и освободителей»¹⁵⁸. Кроме этого, часто перепечатывались статьи из немецких («Blücher», «Das Schwarze Korps», «Der Stürmer») изданий. Таким образом, немецкая оккупация лишь усложнила отношения между латышами и немцами, а реоккупация Латвии СССР не разрешила всех существующих в этой сфере проблем.

Начало советской оккупации в 1940 году, ее восстановление в 1944 году и насильственная инкорпорация Латвии в СССР изменили вектор развития латышского национализма, и антинемецкие нарративы приобрели несколько иное звучание, став менее важными, нежели борьба против советской оккупации и принудительной русификации Латвии. Немецкие нарративы были вытеснены из политики в сферу культуры и могли проявляться исключительно в литературе. В такой ситуации латышские интеллектуалы стали отказываться от антинемецких идей, предпочитая писать об общем месте латышей и немцев в истории Европы. Например, латышский писатель Янис Калниньш считал, что немца гораздо ближе латышам, чем русские. Однако, от антинемецких нарративов латышские авторы не отказывались.

Как и более ранние латышские националисты, Я. Калниньш критиковал немцев и их роль в развитии Латвии. Для него было неприятно то, что немецкие священники, жившие в Латвии, не знали латышского языка. «Наши святые отцы на корявом немецком языке и говорить, как следует не умеют», – писал он. Развивая эти свои националистические идеи, писатель отмечает, что чужеземцы опасны, что от них «всего можно ожидать», даже «искушения сатаны». Критика немцев у Калниньша связана с критикой нравов, он описывает святых отцов, как людей «охочих до женщин». Такому поведению он противопоставлял «угодную небу свя-

¹⁵⁷ Об истории и направленности «Daugavpils latviešu avīze» см.: Олехнович Дм. Периодическая печать Восточной Латвии в период немецкой оккупации на примере «Даугавпилсской латышской газеты» / Дм. Олехнович // Балтийский регион в международных отношениях в Новое и Новейшее время. Материалы международной научной конференции. – Калининград, 2004. – С. 168 – 175.

¹⁵⁸ Daugavpils latviešu avīze. – 1941. – No 3.

тость» и желание «еще более рьяно возделывать ниву господню». Калныньш описывал и правильную религиозность характерную, по его словам, для латышей: «сердце крестьян больше всего трогает невинность Девы Марии и младенец Иисус, не познавший еще мирского зла». О лютеранстве же писатель вообще отзывался устами своих героев как о вере «единственно верной и угодной богу»¹⁵⁹.

Интересный дискурс восприятия истории латышско-немецких отношений представлен в творчестве Албэртса Бэлса¹⁶⁰. В романах Бэлса мы наблюдаем постепенный отход и отказ латышских интеллектуалов от социалистического реализма. В романах 1980-х годов Бэлс приблизился к западногерманской литературе: многие герои, как латышской, так и немецкой прозы живут посредственно, без серьезных поражений и побед. Сближает латышскую литературу с германской 1980-х годов отчуждение героя от мира, их замыкание в скорлупе частной жизни. На таком фоне примечательна книга «Люди в лодках», где показана история отношений латышей и немцев, в рамках которой латышская семья Куронисов ассимилируются, а их потомок немецкий пленный солдат Куроне, возвращаясь в Германию, в Латвии услышал зов предков и встал перед дилеммой памяти: прогнать воспоминания и память семьи или поддаться им. Финал романа открыт и выбор героя, оказавшегося между двумя родинами, Латвией и Германией, остается неясным¹⁶¹.

В период советской оккупации латышские интеллектуалы переосмысливали немецкие нарративы и в рамках исторических исследований. Латышские историки были склонны сравнивать историю Латвии с историей Германии и распространять особенности немецкой истории на аналогичные явления в Латвии. Таким образом, указывая на связи между немцами и латышами, они пытались подчеркнуть свою европейскую идентичность и противопоставить себя русским. Латвийский историк В.В. Дорошенко при описании истории Латвии анализирует домены,

¹⁵⁹ Калнынь Я. Жизнь и смерть Каупо / Я. Калнынь // Калнынь Я. Вечность / Я. Калнынь. – Рига, 1973. – С. 30 – 45; Калнынь Я. Художник и Иуда / Я. Калнынь // Калнынь Я. Вечность. – С. 90 – 91, 93, 97, 145.

¹⁶⁰ См. произведения А. Бэлса: Bels A. Būris / A. Bels. – Rīga, 1973; Bels A. Saucēja balss / A. Bels. – Rīga, 1973; Bels A. Poligons / A. Bels. – Rīga, 1977; Bels A. Saknes / A. Bels. – Rīga, 1982; Bels A. Slēptuve / A. Bels. – Rīga, 1986; Bels A. Sītiens ar teļādu / A. Bels. – Rīga, 1987.

¹⁶¹ Bels A. Cilvēki laivās / A. Bels. – Rīga, 1987; Бэлс А. Люди в лодках / А. Бэлс // Бэлс А. Люди в лодках. Голос зовущего. Клетка. Бессонница. Романы / пер. с латышского Ю. Абызова и С. Цебаковского / А. Бэлс. – Рига, 1989. – С. 7 – 180.

сеньориальные администрации, ленные держания, ленный вассалитет, домениальные земельные фонды. Экономически история Ливонии, по В.В. Дорошенко, это история европейская. «В Ливонии ощущались последствия произошедшей на западе революции цен», - писал он. Дорошенко считал, что Ливония откликнулась на перемены в хозяйстве «передовых стран Запада». Латышские историки доказывали, что именно немецкое завоевание привело к росту городов, которые развивались аналогично европейским. Как и в Европе, города, согласно теориям историков Советской Латвии, стали очагами развития культуры и реформационного движения¹⁶².

В 1980-е годы интеллектуалы Латвийской ССР при анализе истории общего немецко-латышского прошлого особое внимание уделяли культурным аспектам проблемы. Факты этнических и культурных связей латышей с Германией в 1980-е годы анализируются в латышской историографии более активно. Если в ранней историографии влияние германцев занижалось и отрицалось, то в 1980-е годы историки Латвии более широко анализируют скандинавские и германские источники, признают, что в Земгале существовали шведские поселения. В 1980-е годы усилились представления о взаимовыгодном сотрудничестве, культурных заимствованиях, мультикультурном обществе и международной торговле как объединяющем факторе повлияли и на исторические интерпретации¹⁶³.

Если ранее о немецком влиянии писали, как правило, негативно, то в 1980-е годы появляются более взвешенные оценки. Немцы почти открыто признаются носителями европейского влияния в Латвии. В отличие от более ранней историографии сюжеты о жестокости немцев, их отрица-

¹⁶² См.: Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке / В.В. Дорошенко. – Рига, 1960. – С. 15, 28 – 29, 315; Дорошенко В.В. Мыза и рынок. Хозяйство Рижской иезуитской коллегии на рубеже XVI и XVII вв. / В.В. Дорошенко. – Рига, 1971; История Латвийской ССР. Сокращенный курс / ред. А.А. Дризул. – Рига, 1971. – С. 25 – 26, 46, 52, 56.

¹⁶³ Думпе Л.А. Этнокультурные связи латышей и соседних народов по данным молочного животноводства / Л.А. Думпе // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Тезисы докладов. – Вильнюс, 1981. – С. 132, 134; Атгазис М.К. Вопросы этнической истории земгалов / М.К. Атгазис // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). – Рига, 1980. – С. 89; Буша И. Представления о балто-скандинавских контактах в археологии советской Латвии (по результатам исследований археологического комплекса в Гробине) / И. Буша // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture. – VI sējums. – I daļa. – Daugavpils, 2003. – lpp. 37.

тельном влиянии приобретают второстепенное значение. Рассматривая, проблему немцев в балтийском регионе, А. Алсупе писала, что, например, территория Латвии представляла собой «зону активных культурных связей с германскими народами»¹⁶⁴. В конце 1980-х годов П. Крупников отмечал, что следует пересмотреть ряд проблем истории латышско-немецких взаимоотношений, так как выводы более ранних исследований о крайней жестокости немцев к латышам находят подтверждение далеко не во всех источниках¹⁶⁵.

После восстановления политической независимости и завершения советской оккупации латышско-немецкий диалог обрел новые формы, а во взаимных представлениях немецких и латышских интеллектуалов друг о друге проявились новые тенденции. В Латвии начинает идейный подъем и возрождение национальной мысли¹⁶⁶. Активно переосмыслением немецкого наследия или даже общего латышско-немецкого прошлого занялись латышские писатели. Во второй половине 1990-х годов, после семилетнего перерыва, в литературу вернулся Албэртс Бэлс: в его романе «Осиянные солнцем»¹⁶⁷ националистические мотивы представлены достаточно широко. Героиня романа символизирует все испытания латышской нации в XX веке. Бэлс широко использует и проблемы альтернативной истории – писатель выносит на суд читателей альтернативную реальность, что было бы в Латвии, если победу во второй мировой войне одержала Германия: при этом он считал, что такое развитие событий не к чему хорошему для латышей не привело – нацистская диктатура ничем не лучше сталинской. На современном этапе проблема германо-латышских контактов активно обсуждается в общественно-политическом дискурсе Латвии. Латышские интеллектуалы интересуют, что именно объединяет

¹⁶⁴ Алсупе А.П. Отражение культурных связей латышского и соседних с ним народов в лексике ткачества / А.П. Алсупе // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. – Рига, 1980. – С. 73.

¹⁶⁵ Крупников П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев / П.Я. Крупников. – Рига, 1989. – С. 7.

¹⁶⁶ О современной Латвии и роли национализма в республике см.: Кирчанов М.В. СМИ под контролем общества (национализм и СМИ в современной Латвии) / М.В. Кирчанов // Средства массовой информации в социальной структуре современного общества: взгляд из провинции. Материалы конференции. – Воронеж. – 2003. – С. 57 – 63, 66 – 67; Кирчанов М.В. Основные идейные концепции современного латышского национализма: постановка проблемы и перспективы изучения / М.В. Кирчанов // Интеллигенция и экстремизм. Сборник статей. – Воронеж, 2005. – С. 89 – 95.

¹⁶⁷ Bels A. Saulē mērkīte / A. Bels. – Rīga, 1995.

латышей и немцев. В связи с этим латышский историк Каспарс Кļавиņш задает вопрос: «Что сближает латышей с немцами?» и сам же на него отвечает: «Мифы, реальность, позитивные моменты сегодняшнего сотрудничества»¹⁶⁸.

Латышско-немецкие отношения были одинаково принципиально важны для немцев и латышей. В XX век эти два народа вступили отягощенные взаимными претензиями, между ними шли острые политические дискуссии. Еще в XIX столетии между немцами и латышами имели место, как попытки ведения диалога, так и конфронтация. Однако, диалог не состоялся и к началу нового века контакты между латышами и немцами отличались значительной конфронтационностью. В результате, позднее, во время борьбы за создание независимого Латвийского государства, именно немцы стали одними из наиболее опасных и последовательных противников идеи латышской независимой государственности.

Создание Латвийской Республики стало новым этапом в истории немецко-латышских отношений. Это событие радикальным образом изменило ситуацию в регионе: немцы оказались в положении незначительного национального меньшинства, а в Латвии наметился рост популярности национализма. В такой ситуации межвоенная Латвия оказалась национализирующимся государством: правящая элита строила именно латышскую государственность, так как латышская идентичность сформировалась ранее. В таком государстве немцы уже не могли надеяться на особый и привилегированный статус. Латышские интеллектуалы имели немалый опыт контактов с немцами, и эти взаимоотношения способствовали формированию, как правило, негативного образа немцев. Немцы и сами немало поспособствовали этому, так как стали, с одной стороны, самыми последовательными противниками латышского национального возрождения.

С другой стороны, для германских интеллектуалов был характерен крайний национализм и на территории Латвии они смотрели как на исконно немецкие земли, отрицая права латышей не только на независимую государственность, но и на собственную идентичность. Помня про это, латышские интеллектуалы и политики пытались изменить ситуацию в Латвии. Восстановление исконно латышских прав имело несколько проявлений: латышские власти начали проводить политику, направленную

¹⁶⁸ Kļaviņš K. Baltijas vāciešu un latviešu kopīgā pagātne / K. Kļaviņš // Diena. – 2005. – 19.martā. – lpp.15.

на ослабление немецкого меньшинства. Началась антинемецкая кампания, немцев и германизированных латышей принуждали менять фамилии, существенно сократилось использование немецкого языка. Националистически настроенными интеллектуалами культивировался негативный и непривлекательный образ Германии и немцев. Апогеем такой политики стало выселение латвийских немцев в конце 19390-х годов.

Такая политика не означала примирения, она лишь обострила ситуацию, а начало второй мировой войны и немецкая оккупация только поставила перед латышскими и немецкими интеллектуалами новые проблемы. Оккупация не стала освобождением, но сблизила немецких и латышских интеллектуалов перед общей, большевистской, угрозой. На такой диалог с немцами пошли далеко не все латышские политики – либерально и демократически настроенные интеллектуалы видели в оккупации угрозу латышской идентичности и препятствие на пути к восстановлению латвийской демократической государственности.

Повторная советская оккупация существенно изменила развитие немецких нарративов в латышском интеллектуальном дискурсе. Латышские интеллектуалы продолжали развивать антинемецкие идеи, так как они не могли вычеркнуть из своей национальной истории семисотлетний период немецкого господства. При этом антинемецкий тон и резкость теорий латышских интеллектуалов в советский период смягчились. К концу советского периода латышские интеллектуалы стали осознавать немецкое время, как часть общей истории, как общее культурное и историческое наследие. Латышские интеллектуалы признали некую историческую общность, осознав одинаково ценными события общей истории во всем ее разнообразии – культурные и языковые связи и даже признав, что взаимной ассимиляции было что-то полезное и исторически неизбежное.

После восстановления независимости в истории латышско-немецких отношений начался новый этап. 700 лет совместной истории окончательно были осознаны как общее прошлое, которое нуждается во взаимном изучении и уважительном к себе отношении. Интеграция Латвийской Республики в Европейский Союз сняла многие проблемы отношений между Латвией и ФРГ. Латыши и немцы живут теперь в одном европейском доме и отношения между ними носят взвешенный, политически выверенный и экономически обоснованный, характер.

VII. Латышско-британские и латышско-германские отношения между двумя мировыми войнами

Балтийская история на Западе нашла своего исследователя после завершения второй мировой войны. Для отечественной исторической науки проблемы, связанные с историей внешней политики Латвии, новая тема, так как балтийская проблематика только начинает входить в число направлений исследовательской деятельности. Что касается латвийской историографии, то в изучении проблем связанных с историей внешней политики в этой балтийской республике определенные результаты были достигнуты еще в советский период. В Латвийской ССР аспекты внешнеполитической истории Латвии были представлены в работах М. Вирсиса, А. Путниньша, К. Почса, Д. Дзерве, В. Сиполса, А. Зунды, А. Варславанса. Этой теме посвящен и ряд совместных работ А. Варславанса и А. Зунды. Ряд внешнеполитических проблем представлен и в исследованиях о роли немецкого меньшинства в странах Балтии в межвоенный период – это относится к статьям И. Фелдманиса, Е. Шимкувы, П.Я. Крупникова.¹⁶⁹ В среде балтийской эмиграции данной проблематикой занимался П. Петерс. Из западных историков, внесших свой вклад в изучении истории внешней политики Латвии, следует упомянуть Д. Хидэна. Проблемы дипломатической истории представлены и в ряде обобщающих исследований по балтийской тематике. В 1990-е годы данной проблеме ряд статей посвятил И. Фелдманис.¹⁷⁰ Настоящая статья, в отличие от вышеназван-

¹⁶⁹ Počs K. "Sanitārā kordona" valgos / K. Počs. - R., 1971; Počs K. Četru valstu ārlietu ministru Helsinku konference 1925.g. / K. Počs // LPSR ZA Vēstis. - 1965. - No 8; Sīpols V. Slepēnā diplomātija / V. Sīpols. - R., 1965; Sīpols V. Dzimtenes nodevība. Buržuāziskās Latvijas ārpolitika no 1933. līdz 1940. gadam / V. Sīpols. - R., 1962; Sīpols V. Latvijas buržuāziskā diplomātija / V. Sīpols. - R., 1969; Zunda A. Lielbritānijas un buržuāziskās Latvijas ekonomisko un politiski diplomātisko attiecību / A. Zunda // LPSR ZA Vēstis. - 1978. - No 9; Varslavāns A. Anglijas imperiālisma politiski diplomātiskā ietekme buržuāziskajā Latvijā 1925. – 1929. g. / A. Varslavāns. - R., 1973; Varslavāns A. Anglijas cīņa par buržuāziskās Latvijas iesaistīšanu kopējā imperiālisma pretpadomju fronte 1920. – 1923. / A. Varslavāns // LPSR ZA Vēstis. - 1962. - No 8.

¹⁷⁰ Peters P. Problems of Baltic Democracy in the League of Nations / P. Peters // Journal of Baltic Studies. - Vol. 14. - No 2; Hiden J. The Baltic nations and Europe / J. Hiden. - NY., 1991; Hiden J. The Baltic States and Weimar Ostpolitik / J. Hiden. - NY., 1987; Rauch G. von The Baltic States. The Years of Independence. Estonia,

ных работ, посвящена общим проблемам истории латвийского внешнеполитического курса, его периодизации, особенностям пребывания Латвии «в контексте европейской истории» и дипломатии, основные достижения и просчеты латвийской дипломатии и внешней политики в межвоенный период.

Становление внешнеполитического курса Латвии имело место в период с 1917 по 1920 год. На этом раннем этапе латвийская политическая элита колебалась между тремя государствами при выражении своих внешнеполитических предпочтений. Этими странами были Россия, Германия и Великобритания. Однако октябрьский переворот, приход к власти большевиков и их попытки советизировать латышские территории превратили Россию в наименее привлекательного партнера, на которого следовало бы ориентироваться во внешней политике. Позднее эту судьбу разделила и Германия, правящие круги которой вынашивали планы создания балтийской монархии на территории Латвии и Эстонии во главе с одним из немецких князей, что могло привести к ослаблению латышской политической элиты. Внешнеполитическому отходу Латвии от Германии способствовало и то, что немецкие войска заняли часть латышской территории, а политика германской военной администрации отвечала интересам исключительно Берлина. В такой ситуации латышские националисты переориентировались на Великобританию. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, Англия была политическим противником Германии, что было выгодно латышской националистически настроенной элите, которая могла почувствовать на себе немецкое господство в поздней предвоенной Российской Империи. Во-вторых, Англия была последовательна в своей антисоветской политике, что было крайне важно для молодого латвийского государства, которое оказалось расположенным по соседству с агрессивно настроенной Советской Россией. В-третьих, Англия была хорошо знакома многим латышским политическим деятелям, например, Карлису Улманису, который несколько лет из своей вынужденной эмиг-

Latvia, Lithuania 1917 -1940 / G. von Rauch. - NY., 1974; Странга А. Латвия в XX веке в контексте европейской истории / А. Странга // Вестник Европы. - 2001. - № 2; Feldmanis I. Latvijas starptautiskā atzīšana // Latvijas divos laikposmos: 1918 - 1928 un 1991 - 2001 / I. Feldmanis. - R., 2001; Feldmanis I. Latvijas valsts: izveidošanās un starptautiskā atzīšana / I. Feldmanis // Latvijas Vēsture. - 1998. - No 3. - lpp. 5 - 19; Feldmanis I. Latvija un Vācija: no de facto līdz fe iure (1918. - 1919.) // Latvijas Vēsture. 1997. - No 3. - lpp. 33. - 37.; No 4. - lpp. 61 - 64.; 1999. - No 1. - lpp. 61. - 67.

рации прожил в Британии, где не только получил высшее образование, но и превратился в законченного германофоба и последовательного англофила.

Стремясь привлечь англичан к балтийской проблематике, латышские национальные деятели пытались установить с ними контакты, доказать, что Латвия была и «находится в контексте европейской истории». Одна из первых попыток была сделана через шведского посла в Петрограде Брандштрема. В разговоре с ним Голдманис и Я. Сескис высказались о пользе английской политики и положительном британском влиянии в регионе. Английские власти, по всей видимости, были проинформированы Швецией о готовности латышской элиты идти с ними на контакты и уже в феврале 1918 года британский поверенный в Петрограде Линдли заявил Я. Сескису о том, что латыши в праве бороться за создание независимой Латвии. При этом британский дипломат выразил уверенность в победе латышей. В пользу создания независимой Латвии высказался и британский посол в Париже лорд Берти. Тогда же английское правительство начало предпринимать конкретные действия и вмешиваться в события, происходящие в Прибалтике. Латвию посетил целый ряд британских представителей, как военных, так и дипломатических – в Лиепая приехал полковник С. Таллэнтс, позднее прибыл и политический представитель Герберт Грант-Уотсон. Много для налаживания отношений между Латвией и Великобританией сделал латышский деятель Зигфридс Мейеровицс,¹⁷¹ которого российский и латвийский общественный деятель периода Первой Республики Генрих Гроссен характеризует как «очень неглупого человека, в прошлом бухгалтера какого-то крупного предприятия, патриот и большой деятель по возрождению Латвии». Наряду с З. Мейеровицсем за установления контактов с Англией ратовал Алфредс Билма-

¹⁷¹ О Зигфридсе Мейеровицсе см.: Gore I. Zigfrīds Anna Meierovics un Latvijas ceļš uz neatkarību / I. Gore // Latvijas Vēsture. 1992. - No 2. - lpp. 64. - 70; No 4. - lpp. 58. - 60; 1993. - No 2. - lpp. 68 - 42; No 3. - lpp. 67 - 71; Lerhis A. Latvijas ārpolitiskā dienesta un Ārlietu ministrijas izveidošana (1917. - 1919.) / A. Lerhis // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. - 1997. - No 4, - lpp. 77. - 107; Lerhis A. Zigfrīds Anna Meierovics / A. Lerhis // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. - 2000. - No 3. - lpp. 135. - 148; Križeviča S. Latvijas Ārlietu ministrijas izveidošana, 1918.gada novembris - 1919.gads. / S. Križeviča // Latvijas arhīvi. - 1999. - No 4. - lpp. 58 - 71; Šilde Ā. Latvijas vēsture 1914 - 1940. Valsts tapšana un suverēnā vaksts / Ā. Šilde. - Stokholma, 1976; Šilde Ā. Valstsvīri un demokrati. Biogrāfiskas studijas / Ā. Šilde. - Brooklyn, 1985.

нис - «большой знаток иностранных языков, вплоть до еврейского, журналист-публицист».¹⁷²

К 1920 году ситуация несколько изменилась. Советская Россия снизила свои амбиции по советизации балтийских государств, пойдя на заключение с ними мирных договоров и осознав, что с их поглощением не смирится запад, заинтересованный в их существовании в качестве «санитарного кордона» между Советской Россией и западными демократиями. В такой ситуации глава МИД Латвии Зигфридс Мейеровицс говорил о том, что латвийской дипломатии следует выполнять роль посредника между Востоком и Западом. В Германии установился новый политический режим, и Веймарская Республика была уже не так амбициозна в возвращении балтийских территорий под немецкое господство. Поэтому, 15 июля 1920 года Латвия пошла на подписание мирного договора с Германией, где последняя, в соответствии со вторым параграфом, признавала Латвию *de iure*. Летом того же года Латвия вместе с рядом новых стран подготовила проект соглашения на Бальдурскую конференцию, который содержал несколько упоминаний англо-французской стороны, на помощь которой рассчитывала Латвия.¹⁷³ По данной причине, латышская политическая элита, вырабатывая внешнеполитический курс Латвийской Республики, старалась лавировать между Германией и Великобританией. Отношения с Францией для Латвии были не столь важны, так как большинство французских отношений было сосредоточено в соседней с Латвией Литовской Республике.

Отношения Латвии с Великобританией были особенно важны, так как Латвия стремилась к укреплению своего положения на международной арене. Ради достижения этой цели Латвийская Республика стреми-

¹⁷² По данной теме см.: Сиполс В.Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918 – 1920) / В.Я. Сиполс. - Рига, 1959; Странга А. Латвия в XX веке в контексте европейской истории / А. Странга // Вестник Европы. - 2001. - № 2: Līgotņū Jēkabs Latvijas valsts dibināšana / Līgotņū Jēkabs. - R., 1925. - lpp. 253; Seskis J. Latvijas valsts izcelšanās kara notikumu norisē / J. Seskis. - R., 1938. - lpp. 134; The Diary of Lord Bertie, 1914 – 1918. - Vol. 2. - L., 1924. - P. 232; Anderson E. The British Policy towards the Baltic States 1918 – 1920 / E. Anderson // Journal for Central European Affairs. - 1959. - No 19; Tallents S. Man and Boy / S. Tallents. - L., 1943. - P. 274; Варславан А. Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии (1920 – 1923) / А. Варславан. - Рига, 1966. - С. 11; Гроссен Г. Жизнь в Риге / Г. Гроссен // Даугава. - 1994. - № 2. - С. 167 – 168.

¹⁷³ О данной проблеме см.: Strauss V. Padomju Latvija un starptautiskā kontrrevolūcija / V. Strauss. - Maskavā, 1931; Valdības vēstnesis. - 1922. - 2.aprīlī; Dokumenti stāsta: Latvijas buržuāzijas nākšana pie varas. - R., 1988. - lpp. 255.

лась стать членом Лиги Наций. Параллельно перед Латвией стояла задача добиться международного признания. Первая попытка вступить в ЛН и привлечь к Латвии интерес западных стран была предпринята латышскими политическими лидерами уже в 1919 году, когда они направили ноту участникам Парижской конференции. Правда, эта просьба была оставлена без внимания. В 1920 году правительство Латвии подтвердило свое желание войти в состав ЛН. Учредительное Собрание Латвии, работавшее в 1920 году, так же высказалось о необходимости вхождения в ЛН. Особую активность проявлял при решении этого вопроса глава МИД Латвии Зигфридс Мейеровицс, который в 1920 принимал участие в конференциях в Женеве и Брюсселе. Его деятельность в Латвии была оценена положительно, и лидер Крестьянского Союза А. Кливе писал, что участие Латвии в работе Брюссельской конференции – важнейший шаг на пути к вступлению в Лигу Наций. В связи с этим Зигмундс Мейеровицс говорил о том, что в начале 1920-х годов стала актуальна уже не борьба с внешними врагами, а борьба за дипломатическое и юридическое признание со стороны Запада. Поэтому Мейеровицс говорил о двух целях: юридическом признании Латвии во всем мире и заключении двусторонних политических и торговых соглашений.¹⁷⁴ При этом членом Лиги Наций Латвия смогла стать только в 1921 года, после того как была признана рядом западных государств. Принятию Латвии предшествовали переговоры латвийских представителей в Лондоне с британскими дипломатами, у которых Латвия пыталась заручиться поддержкой при вопросе о вступлении в ЛН. В начале 1920-х годов проанглийские тенденции во внешней политике Латвии в целом господствовали и определяли становление внешнеполитического курса Латвийской Республики и ее отношения с другими странами.

Политика сближения Латвии и Англии в начале 1920-х годов была довольно последовательной. Ради сотрудничества с Великобританией Латвия постепенно отходит от Польши и активизирует сотрудничество с другими балтийскими странами, которые так же нередко шли в русле британской политики. Это относится к соседям Латвии – Литвы и Эсто-

¹⁷⁴ Graham M.W. The Diplomatic Recognition of the Border States / M.W. Graham. - Berkley, 1939; Valdības Vēstnesis. - 1920. - 28.sept; Brīvā Zeme. - 1920. - 20.okt.; Grūts ir bijis Latvijas ceļš uz savu mūžīgu atzīšanu // Latvijas Vēstnesis. - 2002. - 25.janvārī.

нии.¹⁷⁵ Такая политика Латвии вела к столкновению ее интересов с интересами Германии, которая была заинтересована в контроле территории Центральной и Восточной Европы, рассматривая государства расположенные в этом регионе как зоны своего исторического влияния. Позднее, в период правления президентов Я. Чаксте (1922 – 1927) и Г. Земгалса (1927 – 1930), Латвия стремилась поддерживать отношения с Великобританией. Эта политика Латвийской Республики отличалась последовательностью, что следует объяснять экономической ориентацией Латвии на английские рынки. Во внимание следует принимать и англофильские позиции латышского правительства, которое стремилось играть на английском страхе немецкого или советского усиления в Центральной Европе и регионе Балтийского моря. При этом Латвия не забывала и о том, что в Европе не менее важная роль, чем Великобритании, принадлежит Германии, несмотря на то, что она проиграла первую мировую войну и вышла из нее в значительной степени ослабленной и потесненной на международной арене Великобританией, Францией и Соединенными Штатами.

Отношения Латвии и Германии в 1920-е годы были далеки от идеальных. Латышское правительство привело ряд мероприятий направленных на подрыв доминирующего немецкого влияния в Латвии, что в первую очередь вылилось в аграрную реформу, которая привела к ослаблению германских позиций в экономике и общественной жизни и вызвала негативную реакцию, как в Латвии, так и в германском обществе за ее пределами. В ответ германские власти активизировали так называемую «политику немечества», направленную на сближение и возможное политическое объединение всех немцев независимо от того проживали ли они на территории других государств. Слова немецкого министра иностранных дел Г. Штресеманна о стремлении Германии помогать и сотрудничать со всеми «частями немецкой нации», оказавшихся на территории «Средней Европы» особого энтузиазма и одобрения в Риге не вызывали. Хотя Рига и не была знакома с секретным меморандумом германского МИД о поддержке немцев за рубежом как «твердой опоры Германии»,¹⁷⁶

¹⁷⁵ Бюллетень НКВД. - № 32. - 10. 06. 1920.

¹⁷⁶ Virsis M. Vācijas ārpolitika un attiecības ar buržuāzisko Latviju 10. gadu 1. pusē / M. Virsis // Западный империализм и Прибалтика. Сборник научных трудов. - Рига, 1986. - lpp. 36; Kahn E. Die Agrarstruktur Lettlands bis 1939 / E. Kahn. - Königsberg, 1942; Weidenfeld W. Gustav Stresemann – der Mythos vom engagierten Europäer / W. Weidenfeld // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. - 1972. - No 24. - S. 740 – 750; Frommelt R. Paneuropa oder Mitteleuropa.

Латвия могла почувствовать на себе попытки использования латвийских немцев в интересах Берлина.

Тем не менее, Латвия и Германия поддерживали дипломатические отношения. Послом Германии в Латвийской Республике с 1923 по 1928 год являлся Адольф Кестер, который оставил в Риге хорошую память, что даже латышские авторы оценивали его как «гостеприимного хозяина и социал-демократа, весьма культурного человека и литератора». Позитивные отношения Германии и Латвии поддерживались на фоне постепенного роста немецкого влияния в экономике Латвийской Республике, что в советской историографии, в частности в работах Л.В. Стародубского и А. Лейтса, оценивалось крайне негативно. Ряд советских латвийских историков вообще был склонен преувеличивать латвийско-немецкие контакты и роль германского капитала в политической жизни Латвии, указывая на то, что именно углубление отношений между Германией и Латвией привело к установлению в последней авторитарного режима К. Улманиса.¹⁷⁷

В 1930-е годы в германо-латвийских отношениях начался новый этап, отмеченный определенным сближением, который приходится на правление президента А. Квиесиса (1930 – 1936), «бывшего председателя судебной палаты, очень приличного и культурного человека», премьер-министров М. Скуйениекса (1931 – 1933) и А. Блэдниека (1933 – 1934). Следует отметить, что истоки германской политики 1930-х годов Латвии могут быть найдены не в Риге, а в Лондоне. Английская политическая элита начала склоняться к союзу с Германией. Этот факт был замечен и в правящих латышских кругах. В 1930 году латышский представитель в Лондоне Ф. Весманис, комментируя особенности лейбористского правительства Великобритании, писал, что по своей прогерманской политической ориентации оно является еще более последовательным чем британские консервативные круги. Восприняв это как согласие, латышские власти активизировали в начале 1930-х годов контакты с Германией. При

Einigungsbestrebungen im Kalkül deutscher Wirtschaft und Politik 1925 – 1933 / R. Frommelt. - Stuttgart, 1977; Dokumente zur deutschen Geschichte / hrsg. W. Ruge, W. Schumann. - Berlin, 1975. - S. 35; Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918 – 1945. Serie B. - Bd. 1/1. - Göttingen, 1966. - S. 430.

¹⁷⁷ Гроссен Г. Жизнь в Риге / Г. Гроссен // Даугава. - 1994. - № 2. - С. 169; Стародубский Л.В. Упадок фабрично-заводской промышленности в буржуазной Латвии / Л.В. Стародубский. - Рига, 1952; Leits A. Buržuaziskā Latvijā ārzemju kapitāla jūga / A. Leits. - R., 1958; Блума Р. Об экспансии германского капитала в экономику буржуазной Латвии (20-е годы) / Р. Блума // Германия и Прибалтика. - Вып. 4. - Рига, 1976. - С. 58 – 64.

этом во внешней политике и внешнеэкономических связях латвийское правительство во многом ориентировалось, прежде всего, на Великобританию: например, к 1933 году 31.6 % общеторгового оборота Латвийской Республики приходилось на Англию, а на Германию – 25 %.¹⁷⁸

Период латышско-германского сближения, который наступил после значительного охлаждения интереса Великобритании в отношении Латвии, следует датировать 1930 – 1934 годами. Охлаждение интереса британских правящих кругов к Латвии выразилось в том, что Англия пошла на сокращение поставок латвийской сельскохозяйственной продукции, так как к 1931 году Лондон стал широко использовать лозунг «buy British». Такая антилатвийская политика Британии была замечена и латышскими дипломатами, о чем они не замедлили выразить свое беспокойство Риге. Например, генеральный консул Латвийской Республики в Лондоне Е. Сея в 1931 году в донесении сообщал, что «в том, что Англия отбросит принцип фритредерства нет больше никаких сомнений». После этого Латвия пытается провести переориентацию на Германию. Наиболее важные моменты прогерманской политической ориентации Латвии могут быть сведены к следующему. В 1930 году Берлин посетила латвийская делегация, которую возглавлял Карлис Улманис. Визит К. Улманиса в Берлин стал попыткой латвийской политической элиты проверить позиции и понять настроения германских властей, в особенности в области внешней политики. Однако, берлинский визит Карлиса Улманиса не привел к каким бы то ни было значительным изменениям и улучшению общего состояния латышско-германских отношений. При этом первый шаг в переориентации на Германию Латвия все же сделала, и ее правящие круги не спешили останавливаться на этом пути, а наоборот – начали форсировать ситуацию. В 1931 году латышский дипломат Ф. Весманис отмечает все более возрастающую роль Германии в Европе и в международных отношениях в целом. «В последнее время Германия все сильнее выдвигается в качестве центрального события дня», - писал он. Параллельно латышские дипломаты в Берлине стали в своих донесениях сообщать о том, что Латвия и Германия должны проводить политику сближения. В августе 1931 года латышский представитель в Берлине Э. Крие-

¹⁷⁸ Гроссен Г. Жизнь в Риге / Г. Гроссен // Даугава. - 1994. - № 3. - С. 177; Варславан А.Я., Зунда А.Л. Британский империализм и буржуазная Латвия в годы мирового экономического кризиса (1929 – 1933) / А. Варславан, А. Зунда. - Рига, 1981. - С. 141; *Latvijas statistiskā gada grāmata 1933.* - R., 1934. - lpp. 164. – 165.

виньш отмечал имеющую место «активизацию германской внешней политики». При этом среди латышской политической элиты звучали голоса и о возможных опасных последствиях латвийско-немецкого сближения. Именно по данной причине, Э. Криевиньш отмечал, что процесс «переориентации на Германию будет долгим и нелегким».¹⁷⁹

Однако, к 1933 году ситуация изменилась. Со сменой политического режима в Германии, с приходом к власти НСДАП желание Латвии вести политику сближения с Германией постепенно стали снижаться и постепенно сходят на нет. «Принимая во внимание намерения германских политических вождей и режима в отношении Восточной Европы и прибалтийских стран ни при каких условиях политическое сотрудничество с Германией нельзя считать возможным. Нервозность нашей прессы и общественности объясняется опасениями на счет того, появятся ли в Европе силы, которые не позволят Германии вооружиться и приступить к ревизии границ», - отмечалось в одном из сообщений латвийского МИД. Сообщения 1933 года латышских дипломатов из Германии были проникнуты беспокойством по поводу возможной агрессивной политики национал-социалистического режима. «Нам необходимо внимательно следить за германскими настроениями в вопросах восточной политики и каждый раз оценивая внешнеполитическое положение, серьезно взвешивать что и в какой мере может быть выгодно национал-социалистам», - писал Э. Криевиньш. В 1933 году латвийская дипломатия начинает искать способы для улучшения отношений с Великобританией, осознав опасность сближения с Германией. В 1933 году глав МИД Латвии В. Салнайс констатировал то, что республика пойдет даже на значительные уступки, дабы переориентировать свою внешнюю политику в британском направлении. Он писал, что «необходимо считаться с некоторыми требованиями Англии, так как только идя этим путем мы сможем поддержать наш экспорт в Англию».¹⁸⁰

¹⁷⁹ Варславан А., Зунда А. Против германского преобладания в импортно-экспортном балансе Латвии: прием экономической стратегии британского империализма (1930 – 1933 гг.) / А. Варславан, А. Зунда // Германия и Прибалтика. - Рига, 1980. - С. 27; Варславан А., Зунда А. Против германского преобладания в импортно-экспортном балансе Латвии. - С. 27; Варславан А.Я., Зунда А.Л. Британский империализм... - С. 141 - 143.

¹⁸⁰ Варславан А.Я., Зунда А.Л. Британский империализм... - С. 146 - 147; Варславан А., Зунда А. Против германского преобладания в импортно-экспортном балансе Латвии. - С. 41.

Сближение Германии и балтийской республики прекратилось в 1934 году, что было вызвано майским переворотом в Латвии и приходом к власти Карлиса Улманиса, который был настроен националистически анти-немецки, но политически проанглийски. Придя к власти, К. Улманис начал проводить политику сближения с Англией и отдаления от Германии. Латвия стремилась быть европейской,¹⁸¹ точнее английской, практически во всем. Расхождению Германии и Латвии способствовали скорее не шаги Улманиса во внешнеполитической сфере, а ряд мероприятий во внутренней политике. Это проявилось в росте латышского национализма и попытках ослабления в Латвии немецкого влияния и латышских немцев. Борясь с немцами, латышский президент Карлис Улманис пошел и на серьезные юридические ограничения в использовании немецкого языка. Специальными указами было запрещено использование немецкого языка в образовании, среднем и особенно высшем. Немецкий язык как «варварский» было запрещено и использовать в печати. Кроме этого в школах, гимназиях и университетах так же было запрещено преподавание немецкого языка. Вместо этого Улманис, получивший образование именно в Англии и известный своей во многом проанглийской внешнеполитической ориентацией, ввел английский язык в качестве обязательного предмета.

Отношения Латвии с Германией на данном этапе были не самыми лучшими. При этом в историографии, как латвийской советской, так и германской они оценивались несколько иначе. Советские авторы нередко описывали латышско-германские отношения как сближение, как ведение латышской внешней политики в русле возрождавшегося германского империализма и милитаризма. По данной причине, власти Латвии изображались, чуть ли не как немецкие агенты, предатели национальных интересов, а их политика оценивалась просто как «измена родине». Германские историки, зная о росте антинемецких настроений в латышском обществе, оценивали латышско-германские отношения как дружественные и конструктивные. 1934 – 1939 годы отмечены определенным сближением Великобритании и Латвии. При этом советская латвийская историография, рассматривая данный аспект в истории межвоенной латвийской внешней политики, сводила роль Лондона к стимулированию германо-латвийского сближения, а сама внешняя политика Латвийской Респуб-

¹⁸¹ Странга А. Латвия в XX веке в контексте европейской истории / А. Странга // Вестник Европы. - 2001. - № 2.

ки оценивалась не просто как ошибочная, но и потерпевшая полный крах. Например, А. Путниньш писал, что «правительство Англии было заинтересовано в сближении Третьего рейха с режимами прибалтийских стран». Такая политика Лондона в отношении стран Балтии в советской историографии традиционно объяснялась стремлением Великобритании направить агрессивные устремления Германии на восток, то есть в сторону Советского Союза.¹⁸²

В первой половине 1930-х годов латвийские власти постепенно осознают германскую опасность и попытки использования латвийских немцев в интересах Германии. Латвийская пресса писала о том, что немецкое меньшинство¹⁸³ уже не желает мириться с предоставленными ему политическими правами, а стремится к откровенному захвату власти и превращению Латвии в немецкую колонию.¹⁸⁴ Во второй половине 1930-х годов в латвийской историографии вновь оживились дискуссии германо-латвийских отношениях о роли в Первой Республике немецкого элемента. Это было связано с началом переселения немцев из Латвии на территории оккупированной нацистской Германией Польши. Один из авторов в связи этим на страницах газеты «Rīts» («Утро») восклицал, что немцы покидают Латвию «тем же путем, которым пришли, и слава богу».¹⁸⁵ Та же газета, но несколько позднее, писала, что «богослужений на немецком языке больше не будет, не будет немцем и немецкого духа».¹⁸⁶ После этого Латвию буквально захлестнули публикации с броскими названиями типа: «Требование национальной гордости – стряхнуть все чужое», «Ни один гражданин Латвии не должен больше называться немцем». В. Велдре пи-

¹⁸² Sīpols V. Dzimtenes nodevība. Buržuāziskās Latvijas ārpolitika no 1933. līdz 1940. gadam. / V. Sīpols. - R., 1962; Rauch G. von, The Baltic States. The Years of Independence. Estonia, Latvia, Lithuania 1917 -1940 / G. von Rauch. - NY., 1974. - P. 180; Путниньш А. Банкротство внешнеполитического курса буржуазной Латвии в 1933 – 1940 гг. По материалам отношений Латвии и Англии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. / А. Путниньш. - Рига, 1982; Путниньш А. Влияние Англии на политико-дипломатическое сближение Германии и буржуазной Латвии / А. Путниньш // Германия и Прибалтика. - Вып. 6. - Рига, 1980. - С. 13 – 15.

¹⁸³ См.: Фелдманис И. Апологетизация основных направлений внешнеполитического курса фашистской Германии в немецкой прессе буржуазной Латвии (1933 - 1939) / И. Фелдманис // Германия и Прибалтика. - Вып. 5. - 1978. - С. 15 – 33.

¹⁸⁴ Jaunākās ziņas. - 1933. - 15.aug.

¹⁸⁵ Rīts. - 1939. - 14.dec.

¹⁸⁶ Rīts. - 1939. - 17.dec.

сал, что Латвия «больше никогда не примет немецких колонистов», которые «вновь пожелают господствовать над латышами».¹⁸⁷ Оставление Латвии немцами рассматривалось как окончательный акт в становлении Латвийской Республики: «последние суда с уехавшими уже прибыли в Германию, а мы прочно останемся на этой земле, где крепко связанные с ней своими корнями на протяжении 760 лет не допускали, чтобы рядом пустило корни чужое дерево»,¹⁸⁸ - писала «Rīts». Такая внутренняя политика Латвии привела к определенной реакции со стороны Германии. Правительство Германии на подобные шаги правительства Карлиса Улманиса, направленные против балтийских немцев, могло прореагировать только негативно. По данной причине, начиная с 1936 года, Германия пыталась через прессу и МИД осуществлять дипломатический нажим на Латвию. Однако власти Латвийской Республики заняли принципиальную позицию, чего немецкая сторона, вероятно, не ожидала. Генеральный секретарь МИД Латвии Вилхелмс Мунтерс¹⁸⁹ (который вскоре возглавил латвийское Министерство Иностранных Дел) в беседе с главой германской миссии в Риге Э. фон Шахом завил: «отношения с балтийскими немцами являются нашим внутренним делом и, если это вмешательство будет продолжаться, то придется считаться с тем, что отношения между Латвией и Германией станут прохладными».¹⁹⁰

Таким образом, в 1934 году в истории внешней политики межвоенной Латвии наступил новый этап, отмеченный проанглийской политической ориентацией. Данная особенность латвийской политики проявилась в антинемецких компаниях и попытках насаждения всего английского в политической и общественной жизни Латвии. Проанглийская ориентация Латвии при Карлисе Улманисе проявлялась весьма специфически, нередко она приобретала форму «какой-то слепой веры в мировое могущество Англии». Например, в годы правления Улманиса имел рост переводов и изданий в Латвии английской литературы. В латышских театрах из репертуара стали вытесняться немецкие авторы: на их место приходили английские пьесы. В школах и университетах в качестве иностранного языка начинали изучать английский. Роль немецкого языка искусственно

¹⁸⁷ Brīvā Zeme. - 1939. - 21.dec.

¹⁸⁸ Rīts. - 1939. - 17.dec.

¹⁸⁹ О В. Мунтерсе см.: Экштейн Ю. Чужой среди своих / Ю. Экштейн // Открытое общество. - 2000. - № 2.

¹⁹⁰ Путниньш А. Влияние Англии на политико-дипломатическое сближение Германии и буржуазной Латвии. - С.17.

сокращалась. Генрих Гроссен комментировал эту особенность латышской политики таким образом: «Улманис загнал русский и немецкий языки чуть ли не в подполье, все преподавание шло на латышском языке, в латышских школах преподавание немецкого было уничтожено, а был введен английский, чуждый латышскому населению язык, да и некому ненужный как по географическим, так и по практическим соображениям».¹⁹¹ Примечательно то, что такая политика Латвии проводилась на фоне практически полного молчания Лондона и негласной подготовки Германии к войне. Тем не менее, Латвия стремилась к поддержанию отношений с Великобританией в силу идеализма правящих кругов, практически не получая реальной помощи и не ощущая содействия из Англии. Что касается Германии, то Латвия позволяла себе националистические антинемецкие выпады, опасаясь принимать серьезные внешнеполитические действия, полностью осознавая различие потенциалов.

В середине 1930-х годов латвийская дипломатия, понимая незаинтересованность Великобритании и принимая во внимание излишнюю заинтересованность Германии в Балтийском регионе, попыталась в некоторой степени провести переориентацию всей своей внешней политики, что, однако, не привело к положительным результатам. В качестве нового внешнеполитического ориентира часть латвийских лидеров стала рассматривать Францию, которая при помощи Польши пыталась увеличить свое влияние в регионе.¹⁹² Первые попытки привлечь Францию к проблемам балтийских стран по инициативе Латвии имели место в начале 1930-х годов. Латвия пыталась выйти на контакт с французской дипломатией через Польшу, поддержав польские позиции на конференциях в Варшаве и Бухаресте в 1930 году.¹⁹³

Латвийское Министерство Иностранных Дел стремилось к сближению с Францией, о чем было отмечено в одном из инструктивных писем посланникам за границей, которое датируется 24 апреля 1933 года. В письме сообщалось, что «единственно реальную поддержку и симпатии в военно-политическом плане мы могли бы в первую очередь искать у Франции». Несколько позднее заведующий западным отделом МИД Латвии Л. Экис писал: «в политическом отношении по-прежнему следует

¹⁹¹ Гроссен Г. Жизнь в Риге / Г. Гроссен // Даугава. - 1994. - № 4. - С. 166.

¹⁹² О внешней политике Франции на данном этапе см.: Белоусова З. Франция и европейская безопасность. 1929 – 1939 / З. Белоусова. - М., 1976.

¹⁹³ Pēdējā brīdī. - 1930. - 15. aug.

считать, что Франция все сильнее выдвигается в качестве единственной европейской державы, у которой мы в случае необходимости можем искать поддержку и помощь».¹⁹⁴ Однако политика латвийской переориентации на Францию потерпела крах. Франция не пошла на предоставление каких-либо конкретных гарантий Латвии, уклонившись от подписания с ней межгосударственных договоров. В конце 1930-х годов наступил краткий период очередного немецко-латвийского сближения. Однако сближение 1939 года не отвечало интересам двух государств, а было выгодно почти исключительно Германии. 6 июня 1939 года Латвия и Германия подписали договор о ненападении. В тексте договора отмечалось желание сторон «поддерживать мир при любых обстоятельствах» и не использовать силу друг против друга.¹⁹⁵ Но Германия и Латвия так и не использовали условия этого договора, что стало результатом изменений в Европе, приведшим к смене внешнеполитической ориентации, как Германии, так и Латвии, которая вскоре вообще теряет политическую независимость.

Проблема выбора стратегически важного внешнеполитического партнера для Латвии перестала быть актуальной в конце 1930-х годов в связи с политическими изменениями в Европе.¹⁹⁶ 23 августа 1939 года СССР и Германия подписали договор о ненападении, который известен как пакт Молотова – Риббентропа. Секретный протокол передавал балтийские государства в сферу влияния СССР. В 1940 году Латвия вообще вошла в состав Советского Союза в качестве Латвийской ССР, что привело к началу советизации, как Латвии, так и всего региона в целом.¹⁹⁷ Это означало временный отказ Германии от своих амбиций в отношении Латвии. Что касается Великобритании, то она озабоченная ситуацией в Европе почти никак не прореагировала на изменения в балтийском регионе. Латышский исследователь А. Странга отмечает, что в данной ситуации британские власти старались придерживаться политики *status quo* при от-

¹⁹⁴ Зунда А. Проблема гарантий в Прибалтике: политика Англии и Латвия в 1930 – 1934 гг. / А. Зунда // Западный империализм и Прибалтика. Сборник научных трудов. - Рига, 1986. - С. 78.

¹⁹⁵ *Latvian-Russian Relations: Documents.* - Washington, DC, 1944, - P. 190.

¹⁹⁶ См.: Vigrabs G. Die Stellungnahme der Westmächte und Deutschlands zu den Baltischen Staaten im Frühling und Sommer 1939 / G. Vigrabs // *VfZG.* - 1959. - No 3.

¹⁹⁷ *The Sovietization of the Baltic States, 1940-1956* / ed. Olaf Mertelsmann. - Tartu, 2003; Weiss H. Die baltischen Staaten / H. Weiss // *Die Sowjetisierung Ostmitteleuropas* / hrsg. G. Birke-Neumann. - Frankfurt/M., 1959.

сутствии реальных интересов в Балтийском регионе, в том числе и в Латвии, в то время как Германия занимала ревизионистские внешнеполитические позиции.¹⁹⁸ Таким образом, в период острого международного кризиса Германия и Великобритания отказались от своих партнеров, в том числе и Латвии, в Прибалтике, признав тем самым их переход в сферу советского влияния, что (равно как и другие события 1939 - 1940 годов) нуждается в отдельном изучении.

Таковы были отношения между Латвией и странами Западной Европы, Великобританией и Германией в 1920 – 1930-е годы. Эти отношения имели сложный характер и нередко не соответствовали политическим интересам сторон. Отличительная черта внешней политики Латвии состояла в лавировании между Германией и Великобританией. В этих дипломатических отношениях балтийского государства со странами Запада можно выделять несколько этапов. Что касается латвийско-английских отношений, то возможна следующая их периодизация. Первый этап датируется 1917 – 1920 годами и характеризуется, с одной стороны, установлением контактов между Латвией и Англией, а, с другой, выжидательной позицией Лондона, который еще не питал особой уверенности в отношении независимости Латвии. Второй этап охватывает период 1920-х годов и отмечен ростом экономических и политических связей между Англией и Латвией. Третий этап может быть датирован 1930 – 1934 годами и связан с сокращением контактов по причине латвийско-германского сближения. Четвертый этап (1934 – 1939) начался после переворота 14 – 15 мая 1934 года и привел к переориентации латвийской внешней политики на британскую. Последний, пятый, этап (1939 – 1940) отмечен тем, что Великобритания последовательно сдавала свои позиции в Латвии сначала в пользу Германии, а затем Советского Союза.

Латвийско-германские отношения так же в своем развитии прошли несколько этапов. Первый этап (1917 – 1920) характеризуется сложными отношениями, так как часть территории Латвии была занята немецкими войсками, имели место столкновения, и не было ясно, кто будет контролировать регион: латышские немцы или собственно латыши? Победа латышских националистов привела к началу второго этапа, который может быть датирован 1920-ми годами. Этот период отмечен сложными отношениями между двумя государствами из-за наличия немецкого меньшин-

¹⁹⁸ Странга А. Латвия в XX веке в контексте европейской истории / А. Странга // Вестник Европы.-2001.-№ 2.

ства в Латвии, с которым латышские власти пытались бороться, проведя, в первую очередь, аграрную реформу и лишив немцев политического и экономического влияния. Третий этап пришелся на начало 1930-х годов и был отмечен определенным сближением, которое было прервано, с одной стороны, из-за прихода в 1933 году к власти в Германии НСДАП, а, с другой, переворотом 1934 года в Латвии. Эти события делали нормальные латвийско-германские отношения взаимоисключаемыми. Переворот 1934 года и приход к власти в Латвии Карлиса Улманиса стал началом четвертого этапа, что вылилось в обострение отношений Латвии с Германией и ростом ее контактов с Великобританией. Пятый этап латвийско-германских отношений (1939 – 1940) характеризуется тем, что Германия сдала свои позиции в Латвии сначала в пользу Советского Союза, заключив с ним пакт о ненападении, содержащий секретный протокол, который передавал страны Балтии, в том числе и Латвию, в сферу влияния СССР.

С Германией Латвию объединяло общее прошлое, Англия же была выбрана в качестве ориентира пришедшими к власти латышскими националистами, многие из которых отличались своими англофильскими настроениями. Отношения с Англией и Германией не были равными: периоды сближения и активных контактов сменялись этапами отдаления и выражения взаимных претензий. Отношения Латвии с Германией осложнялись грузом исторических проблем, так как националистически настроенное латышское общество нередко видело опасность в Германии, а немцев рассматривало как врагов и противников. Ухудшению отношений способствовали пангерманистские устремления правящих кругов Германии и рост реваншизма. Следует принимать во внимание и фактор наличия в Латвийской Республике значительного немецкого национального меньшинства, которое вовсе не желало мириться с потерей своих позиций и не признавало Латвию как независимое и суверенное государство. Что касается латвийско-британских отношений, они были более стабильными. Великобритания имела в Прибалтике как экономические, так и политические интересы. Отсутствие общего прошлого и взаимных исторических претензий делало латвийско-английские отношения стабильными и взвешенными. Латвийское общество рассматривало Англию как пример для подражания. Англофильские тенденции в межвоенной Латвии были сильны, и англофилы составляли большинство представителей правящих кругов этой балтийской республики. Однако стремление к поддержанию

выгодных отношений носило нередко односторонний характер. Великобритания не была заинтересована в Латвии, как Латвия в Великобритании. Именно по данной причине, Англия так легко отказалась от своего балтийского партнера, когда возникла угроза ее реальным интересам в Европе в целом.

Таким образом, внешняя политика межвоенной Латвии базировалась на отношениях с Германией и Великобританией, которые были ее основными политическими и экономическими партнерами. Латвия была к ним привязана настолько глубоко, что попытка переориентации на Францию не принесла серьезных результатов. При этом латвийско-германские и латвийско-британские отношения не ограничивались лишь теми аспектами, которые рассмотрены в данной статье, что говорит о наличии ряда сторон и проблем в дипломатической и внешнеполитической истории Латвии (отношения с другими странами Балтии, балтийский кризис конца 1930-х - 1940 годов), которые нуждаются в дальнейшем изучении.

VIII. Политический кризис 1939 – 1940 гг. и проблемы международного статуса стран Балтии

Конец 1930-х годов отмечен значительными изменениями на политической карте Европы. В 1938 году потеряла независимость Австрия, позднее Чехословацкое государство перестало существовать в прежнем виде и вскоре вовсе лишилось независимости. 1 сентября 1939 года, с нападением на Польшу началась вторая мировая война, которая привела к четвертому разделу Польши и ликвидации польского государства. Эти изменения не имели узкого локального характера и влияли на ход политических процессов во всей восточной Европе в целом. Они ставили перед правительствами стран региона проблему выбора внешнеполитических ориентиров и поиска новых партнеров. Такие же проблемы стояли и перед балтийскими государствами. Международные отношения в Балтийском регионе и внешняя политика балтийских стран - темы еще в недостаточной степени изученные в отечественной историографии. Влияние политических изменений конца 1930-х годов на национальную идентичность балтийских народов - проблема принципиально новая для отечественной историографии. Поэтому, данная статья будет одной из первых попыток анализа именно этого аспекта настоящей проблемы.

1939 и 1940 годы были периодом острейшего внутривнутриполитического и внешнеполитического кризиса в Латвии и Литве¹⁹⁹. При этом тенденции к кризису во внутривнутриполитической жизни стали результатом внешнего воздействия, как со стороны СССР, так и Германии. Во внутренней политике кризисные явления так же стали заметны. Процесс строительства национального государства затормозился. Литва без Вильнюса, хотя и была национальным государством, тем не менее в глазах местных националистически мыслящих интеллектуалов она выглядела ущербной и неполноценной. В Латвии тенденции к созданию национального государства были более заметны. Высылка немецкого населения сделала Латвию еще более национальной и латышской. Основные корни кризиса лежали в том, что политические системы в Латвии и Литве были далеки от демократии, а

¹⁹⁹ В историографии существует и другая точка зрения, согласно которой кризис имел место с 1938 по 1941 год. См.: Myllyniemi S. Die baltische Krise, 1938 - 1941 / S. Myllyniemi. - Stuttgart, 1979.

правлящие элиты (в отличие от идеи независимости) не находили широкой поддержки. Именно этим воспользовались Германия и Советский Союз, которые 23 августа 1939 года разделили Прибалтику. Изначально Литва оказалась в сфере германского, а Латвия и Эстония - советского влияния. Позднее в обмен на территории Люблинского и Варшавского воеводств Литва перешла под советское влияние. Воспользовавшись секретным протоколом СССР ввел войска в балтийские страны, потребовав затем увеличения воинского контингента. В августе 1940 года Эстония, Литва и Латвия вообще насильственно были включены в состав СССР на положении союзных республик.

Вхождение балтийских государств в состав СССР отразилось на их статусе. Рассматривая внутренне положение в Прибалтике, западная историография разработала теорию «красного колониализма» или «красного империализма», сторонники и теоретики (Х. Лёвенштайн Л. Ревеш), которой считали, что Советский Союз, оккупировав ряд стран, ведет на их территории колонизаторскую политику, навязывая им свои политические порядки и фальсифицируя политические процессы²⁰⁰. Ряд авторов, (К. фон Бейме и В. Маркерт), отмечал, что «советский федерализм» служит подавлению попыток освобождения народов Советского Союза²⁰¹. Они во многом справедливо считали, что СССР проводит в своих колониях политику русификации, преследуя при этом колонизаторские и денационализаторские цели, навязывая чуждые политические модели образцы. Подобный подход представлен в работах В. Коларза, А. Билински, Л. Снайдера, Р. Конквэста, А. Беннингсена. Такие идеи в своем большинстве опирались на справедливое предположение ряда историков в том, что «по крайней мере четвертая часть населения СССР живет в системе, которая чужда им и находится за пределами их понимания»²⁰².

²⁰⁰ Löwenstein H. Der rote Imperialismus / H Löwenstein. - Köln - Opladen, 1965; Revesz L. Ideologie und Praxis in der sowjetischen Innen- und Außenpolitik / L. Revesz. - Mainz, 1966.

²⁰¹ Markert W. Osteuropa und die abendländischen Welt / W. Markert. - Göttingen - Zürich, 1966; Beyme K. von, Der Föderalismus in der Sowjetunion / K. von Beyme. - Heidelberg, 1964.

²⁰² Leonhard W. Die politischen Lehren / W. Leonhard // Sowietologie heute. - Bd. 2. - 1963. - S. 155 - 156;; Bilinsky A. Die Entwicklung des sowjetischen Föderalismus / A. Bilinsky // Jahrbuch für Ostrecht. - 1962. - Bd. 3. - S. 7 - 72;; Kolarz W. Die Nationalitätenpolitik der Sowjetunion / W. Kolarz. - Frankfurt am Main, 1956. - S. 364; Kolarz W. Communism and Colonialism / W. Kolarz. - NY., 1964; Snyder L. The New Nationalism / L. Snyder. - NY., 1968; Conquest R. Soviet National Policy

Потеря политической независимости привела и к изменениям в идентичности местного населения. Политика советских властей, направленная на разрушение досоветских структур и массовые перемещения населения за счет депортаций и искусственного роста русского и по преимуществу русскоязычного населения, вела к изменениям местных досоветских идентичностей, которые в годы советской оккупации постепенно начали ослабевать и деформироваться. В сознании местных интеллектуалов, которые не успели эмигрировать и не были отправлены в Сибирь или расстреляны новыми советскими властями, сложился своеобразный мировоззренческий разрыв²⁰³, в результате которого их историческая память оказалась разорванной и история начала восприниматься по принципу «до» и «после» 1940 года. Сам 1940 год, в свою очередь, например в латышской памяти, начал восприниматься как *baigais gads* или страшный год²⁰⁴. Нарратив о страшном годе стал одним из самых востребованных в кругах латышских интеллектуалов Запада.

В целом, советская национальная политика в прибалтийских республиках сводилась к ассимиляции местных народов²⁰⁵. Такое положение национальных окраин в СССР следует объяснять теми изменениями, которые имели место в СССР: если в 1920-е годы это было государство равноправных наций и народностей и неравноправный классов, то к моменту присоединения Прибалтики оно стало страной равных классов, но неравноправных наций и национальностей²⁰⁶. Исследователи, работавшие в Западной Германии, в послевоенный период указывали на нередко демагогический характер советской национальной политики и на опасность ассимиляции нерусских народов. В ряде работ во многом совершенно верно отмечалось, что «большевистская Россия продолжает традицион-

in Practice / R. Conquest. - L., 1967; Benningsen A. Colonization and Decolonization in the Soviet Union / A. Benningsen // The Journal of Contemporary History. - 1969. - No 1. - P. 141; Kuhn O., Kuhn F. Russia in our minds. Reflections on Another World / O. Kuhn, F. Kuhn. - NY., 1975.

²⁰³ О данной проблеме см.: Kõresaar E. The Notion of Rupture in Estonian Narrative Memory: On the Construction of Meaning in Autobiographical Texts on the Stalinist Experience / E. Kõresaar // Ab Imperio. - 2004. - No 4. - P. 313 - 339.

²⁰⁴ О страшном годе и его восприятии латышскими интеллектуалами см.: Эглитис А. Пять дней / А. Эглитис // Даугава. 1993. № 4. С. 51 – 55.

²⁰⁵ Lemberg E. Osteuropa und die Sowjetunion / E. Lemberg. - Linz, 1950. S. 287.

²⁰⁶ Екельчик С. Украинская историческая память и советский канон: как определялось национальное наследие Украины в сталинскую эпоху / С. Екельчик // Ab Imperio. - 2004. - No 2.

ную русскую колониальную политику, распространив ее при этом и вглубь Европы». Это распространение большевизма и советского строя в Европу ставило под угрозу существование многих европейских народов, в том числе, и балтийских, например - литовцев. Поэтому, немецкий историк Б. Майсснер комментируя советскую национальную политику, писал, что «цель завершения строительства коммунизма состоит в слиянии всех наций и народов в единой нации советско-русского типа»²⁰⁷.

Оказавшись в СССР прибалтийские республики, в значительной степени потеряли в своем этническом и политическом статусе. Они оказались в нем фактически на положении колоний. Само вхождение в состав Советского Союза стала результатом германо-советского пакта, ставшего, в свою очередь, проявлением агрессивной политики двух стран, направленной на захват новых территорий. Если Германия стремилась к расширению «жизненного пространства», то СССР пытался расширить территорию своего политического влияния. Однако, получив новые территории в Прибалтике, выиграв Вторую мировую войну, СССР отходит от чисто политического колониализма. Проведя ряд крупных депортаций, он планомерно начинает переселять в Прибалтику мигрантов из других республик, что стало формой колонизации. Подобная политика имела и свою специфику. В.Стэнли Вардис в статье «25 лет советского колониализма» описал ее так: «капиталистические колонисты не признают равенства людей захваченных стран, сознательно препятствуют их развитию, сдерживают индустриализацию. Советские колонисты это не только признают, но и поощряют. Более того, они не преследуют родной язык, коммунистическая колонизация требует индустриализации». Развивая эту мысль, в 1968 году В.С. Вардис писал: «коммунистическая партия в СССР смогла мобилизовать нерусские национальности и использовать их энергию для строительства государства, она в состоянии использовать успехи при интеграции этих национальностей в общее государство»²⁰⁸.

В 1960 году В. Дулманис, анализируя ситуацию в Советской Латвии, писал о национальном угнетении, о том, что из атрибутов государства ос-

²⁰⁷ Hayit B. Kolonialismus unter Zaren und ZK / B. Hayit // Der Europäische Osten. - 1958. - Hefte 9. - S. 543; Karvelis P. Litauens Kampf um seine Freiheit / P. Karvelis // Der Europäische Osten. - 1958. - Hefte 8. - S. 482; Meissner B. Das Parteiprogramm der KPdSU 1903 bis 1961 / B. Meissner. - Köln, 1962. - S. 111.

²⁰⁸ Vardys V.S. Sovietino kolonializmo 25 metai / V.S. Vardys // Aidai. - 1965. - No 6. - P. 252; Vardys V.S. Verschelzung ded Nationen / V.S. Vardys // Osteuropa. - 1968. - No 7. - S. 526.

тались только территория и население, а правительство, суверенитет и независимость исчезли. В 1961 году Ю. Гирнюс писал о роли государства в истории скорее политически, нежели научно: «без своего государства нация не может быть свободной, государство является организацией, которая обеспечивает нации возможность свободного развития и создания национальной культуры»²⁰⁹. Подобные пессимистические утверждения литовской и латышской историографии в изгнании при описании особенностей советского колониализма пересекались с аналогичными концепциями западной исторической науки, многие представители которой считали, что со временем в Советском Союзе «система наций будет взорвана и отброшена как устаревшая». Американский исследователь М. Рывкин писал, комментируя национальную политику и национальные отношения в СССР, «отбросьте весь коммунистический идеологический камуфляж, и вы увидите мало разницы между отношениями Советской России и ее владениями на территории Средней Азии с прошлыми отношениями Англии и Франции с их колониями»²¹⁰.

Национальная политика, как составная часть политики советского колониализма, в прибалтийских республиках может быть определена как русификация, протекающая при сохранении национальных противоречий и «неразрешимых национальных проблем»²¹¹. Примечательно то, что подобная русификаторская политика, направленная против местного населения, проводилась в большинстве союзных республик СССР²¹². В 1972 году журнал «Osteuropa» писал, что если в Советском Союзе «выдвигается положение о советском народе как о новом социально-политическом организме и единстве, речь идет об идеологическом основании осторожно задуманной политики ассимиляции, направленной на постепенную ру-

²⁰⁹ Dulmanis V. Starptautiskā politika un Latvijas nākotnes izredzes / V. Dulmanis // Arhīvs. - 1960. - sēj. 1. - lpp. 99; Girnius J. Tauta ir tautinē ištikimybē / J. Girnius. - Chicago, 1961. - P. 58.

²¹⁰ Mayer A. Leninism / A. Mayer. - Cambridge (Mass.), 1957. - P. 145; Rywkin M. Russia in Central Asia / M. Rywkin. - NY., 1963. - P. 7.

²¹¹ Lewitzki B. Analise der 14 Parteitage in der Unionsrepubliken der UdSSR / B. Lewitzki. - Köln, 1971. - S. 16.

²¹² См., напр., в отношении подобной политики на территории оккупированной СССР Молдовы, превращенной в Молдавскую ССР: Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций / И.А. Ожог, И.М. Шаров. - Кишинев, 1997. - С.190 - 195; История румын с древнейших времен до наших дней. - Кишинэу, 2003. С. 292 - 295; Стати В. История Молдовы / В. Стати. - Кишинев, 2002. - С. 381 - 390.

сификацию всех нерусских народов»²¹³. Немецкие авторы отмечали, что понятие «советский народ» по сути было равнозначно понятию «русская нация»²¹⁴. Эти теоретические выводы В.С. Вардис приложил к литовской реальности, описав в одной из своих работ особенности и ход процесса русификации в Литве. «Смысл внутренней советской национальной политики можно понять гораздо лучше, если попытаться представить ее с точки зрения создания особой советской нации, что представляет собой последовательно направленный процесс поэтапной интеграции нерусских национальных групп населения в советском государстве и формирование объединенного общества с русскими чертами»²¹⁵, - писал В.С. Вардис.

Русификация Прибалтики в СССР имела несколько проявлений. Первое состояло в увеличении числа русского и русскоязычного населения. Этот процесс был обеспечен за счет принудительной индустриализации, которая не соответствовала интересам развития прибалтийских республик. Второе проявление русификации - это рост использования русского языка. Будучи не в силах русифицировать литературу и искусство, СССР искусственно увеличил употребление русского языка в производстве, управлении и образовании. При сохранении национальной школы, имела место тенденция роста образования на русском языке. Особенно очевидна русификация высшей школы, что проявилось в вытеснении местных языков из преподавания и научных публикаций. В 1970-е годы советская национальная политика претерпела значительные изменения. Тенденции ограниченной либерализации 1960-х годов были свернуты. С 1972 года началось усиленное внедрение русского языка в прибалтийских республиках. Изменилась демографическая ситуация в Прибалтике. К 1978 году русские в Эстонии составляли 28 %, а в Латвии – 33 % населения²¹⁶. Дальнейшее пребывание балтийских республик в СССР могло сделать местные языки практически ненужными и провести их к полной русификации, а население - к ассимиляции.

В 1990-е годы когда проблема ассимиляции перестала быть реальной, латышские интеллектуалы получили возможность называть вещи своими именами. 22 августа 1996 года латышская сэйма приняла «Дек-

²¹³ Osteuropa. - 1972. - No 12. - S. 906.

²¹⁴ Die Zukunft. - 1972. - No 15 - 16. - S. 26.

²¹⁵ Vardys V.S. Verschmelzung der Nationen / V.S. Vardys // Osteuropa. - 1968. - No 7. - S. 524.

²¹⁶ Каппелер А. Россия - многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / А. Каппелер. - М., 1997. - С. 282.

ларацию об оккупации Латвии», где отмечалось, что Латвийская республика пала жертвой агрессии СССР и нацистской Германии. Декларация особо указывала на то, что в Латвии с 1940 по 1941 и с 1945 по 1990 год существовал политический режим, который не соответствовал интересам и нуждам латышского народа, а на протяжении всего существования ЛССР имел место геноцид латышского народа в форме депортаций и репрессий, что привело к тому, что латыши стали составлять лишь 52 % населения в Латвии вместо 77 % по сравнению с 1940 годом. Параллельно указывается и на то, что партизанское движение после 1945 года преследовало своей целью восстановление независимости Латвии, имея национально-освободительный характер. В заключении декларация указывает на необходимость признания факта оккупации как исторического, проведение политики последовательной деокупации и десоветизации, помощи пострадавшим от политики СССР²¹⁷.

С другой стороны, политика СССР имела и иные результаты. Репрессии и попытки ассимиляции балтийских народов сочетались с попытками использовать местных коммунистически настроенных интеллектуалов в своих интересах. Для этого была разработана целая система поощрений и приближений к власти. Вместе с этим, такая политика преследовала цель еще большего подчинения трех республик Москве, их последовательную экономическую и политическую ассимиляцию. Если Латвийская и Эстонская ССР действительно стали жертвами политики массовой колонизации, то в Литве подобные демографические изменения имели меньшие масштабы. Скорее всего, Литва в некоторой степени выиграла от вхождения в состав СССР. Правда, это был чисто внешний выигрыш. В действительности Литва, как и другие оккупированные Советским Союзом страны, подверглась политическим репрессиям, принудительным депортациям и искусственной навязанной индустриализации. Но, если Латвия и Эстония испытали опасный приток некоренного населения, то Литва его не пережила, а, наоборот, смогла увеличить свои территории. Политика СССР в отношении Литвы - типичный пример попытки использовать местные национальные идеи в своих интересах.

С потерей независимости политический статус Латвии и Литвы коренным образом изменился, но на протяжении второй половины 1940-х и в 1950-е годы они оставались национальными государствами, правда - со значительными особенностями, вызванными существовавшим в СССР

²¹⁷ Deklarācija par Latvijas okupāciju // Rīts. - 1996. - 22. augustā.

политическим режимом. Официальная советская точка зрения гласила, что Латвийская Советская Социалистическая Республика представляет собой, с одной стороны, союзную республику, а, с другой, «социалистическое государство рабочих и крестьян, суверенную союзную советскую социалистическую республику, добровольно объединившуюся с другими союзными республиками в Союз Советских Социалистических Республик». В 1950-е годы советская пропаганда утверждала и то, что Латвийская ССР «осуществляет государственную власть самостоятельно, сохраняя полностью свои суверенные права, в том числе и право свободного выхода из СССР, а так же право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами». В отношении Литвы советскими властями культивировалась аналогичная точка зрения²¹⁸.

На момент начала второй мировой войны Литва была небольшим европейским государством. Как и остальная часть колониальной Европы, она была далека от демократии. Начало мировой войны и ввод советских войск привели к значительным переменам во внутривнутриполитической жизни Литвы. С одной стороны, она продолжила развиваться вне демократического политического поля: национальная диктатура была заменена советской, на смену мягкому литовскому авторитаризму пришел жесткий (точнее - жестокий) сталинский тоталитаризм. С другой, сложились предпосылки для формирования литовского национального государства, пусть и в форме советской автономии, которая предусматривала отсутствие реальной автономии и подавление стремления к подлинной политической независимости. Литва смогла стать более национальной с получением Вильнюса. Проблема была в том, что Вильнюс не был литовским городом - он был скорее польским или даже еврейским.

Потеряв реальную политическую независимость, деградировав до положения советской автономии, Литовская Республика превратилась в Литовскую Советскую Социалистическую Республику, но получила Вильнюс в качестве столицы. Это стало результатом особой политической сделки между Кремлем и литовскими коммунистами. В обмен на то, что литовские коммунисты, по сути, действовали против интересов Литвы и насильственно инкорпорировали ее в состав Союза ССР, они получили власть, Вильнюс и свободу в проведении в принципе националистической политики в отношении нелитовского населения. Таким образом,

²¹⁸ БСЭ. Второе издание. - М., 1953. - Т. 24. - С.318; БСЭ. Второе издание. - М., 1954. - Т. 25. - С. 248.

если в Латвии и Эстонии политика СССР не соответствовала интересам латышей и эстонцев, то в Литве имел место своеобразный компромисс между большевиками и местными коммунистами под руководством Антанаса Снечкуса. Литва стала классическим примером попытки построения национально ориентированного коммунистического режима.

Литовские коммунисты, придя к власти при помощи СССР, стремились увеличить популярность среди литовцев, так как она в межвоенный период была незначительной. Выполняя эту задачу, они сделали все возможное для литуанизации Литовской ССР. На пути к созданию литовской Литвы, пусть и советской, на их пути стояли местные поляки и евреи. С польской и еврейской культурой ассоциировался Вильнюс, который тогда и не был литовским Вильнюсом, а был польской Вильной и еврейским Вильней. Потеря национального суверенитета Литвы стала ценой литуанизации Вильнюса. Этот процесс имел многоуровневый характер и представлял собой сознательное разрушение польской и еврейской местных идентичностей.

Что касается евреев, то им не повезло больше всего: евреев просто физически уничтожили²¹⁹, хотя в более ранний период в местной культурной традиции (например, в польской) сложился особый нарратив согласно которому, Вильнюс был немислим без наличия в нем евреев²²⁰. С оккупацией Вильнюса немцами 24 июня 1941 года они испытали двойной удар. С одной стороны, немецкое окончательное решение еврейского вопроса привело к почти полному уничтожению еврейского населения в Литве. С другой стороны, литовские националисты, видимо, не без оснований, видели именно в евреях наиболее активных сторонников коммунистов, и их решение еврейского вопроса стимулировалось как национальными, так и политическими противоречиями. Так или иначе, Вильнюс утратил статус литовского Иерусалима в силу того, что евреи были физически уничтожены.

Вторым препятствием на пути к построению литовского национального государства в составе СССР были поляки. В среде литовских интеллектуалов еще в досоветский период сложился комплекс антипольских нарративов. Антипольские настроения лишь усилились в межвоенный

²¹⁹ Об этом см.: Arad Y. The "Final Solution" in Lithuania / Y. Arad // Yad Vashem Studies. - Vol. 2. - 1976; Porat D. The Holocaust in Lithuania / D. Porat // The Final Solution. - NY., 1994. - P. 160.

²²⁰ См. подробнее: Snyder T. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569 - 1999 / T. Snyder. - New Haven - L., 2003. - P. 84 - 87.

период. Сам факт того, что Вильнюс оказался в составе Польши в положении польского города Вильно служил источником постоянного раздражения для литовских националистов. В 1939 году, понимая, что германское нападение на Польшу означает начало мировой войны, литовские национально мыслящие интеллектуалы были, скорее всего, рады, что Германия напала именно на Польшу. Когда же СССР предложил передать Вильнюс Литве, ее правительство, разумеется, и не думало отказываться.

В 1944 - 1945 годах на заключительном этапе второй мировой войны проходил процесс воссоздания Литовской ССР со столицей в Вильнюсе. В то же время Польша так же оказалась под советским контролем, и польские, лояльные СССР, власти все еще питали надежду на то, что Вильнюс вновь превратится в Вильно. Советское руководство решило, что ему выгоднее передать Вильнюс Литве и использовать антипольские настроения литовского коммунистического руководства для давления на Польшу. Комментируя сложившуюся на тот момент в этом регионе ситуацию, американский историк Тимоти Снайдер пишет: «Сталин отказался от создания Польской Советской Социалистической Республики или Польской Автономной Республики ... он решил создать Литовскую Советскую Социалистическую республику и сделать Вильнюс ее столицей»²²¹.

Играя на польско-литовских противоречиях, Советский Союз сделал ставку на Литву и позволил литовскому коммунистическому руководству подвергнуть Вильнюс последовательной литуанизации. К 1939 году Вильно был типичным польским городом, где польское население составляло подавляющее большинство, а литовцы были незначительным меньшинством. 80 % поляков, проживавших в городе до войны, были вынуждены эмигрировать в Польшу. Как отмечает Т. Снайдер, Вильнюс был главным «объектом желания»²²² литовских националистов с самого начала литовского национального движения. Но, будучи не в силах получить его в межвоенный период, после 1945 года уже литовские коммунисты приложили немалые усилия, чтобы сделать город именно литовским. Лидер литовских коммунистов Антанас Снечкус понимал ту огромную роль, которую играл в межвоенной Литве коммунизм. С ней, несмотря на декларирование борьбы с «литовским буржуазным национализмом», бы-

²²¹ Snyder T. The Reconstruction of Nations. - P. 89.

²²² Snyder T. Op. cit. - P. 93.

ло вынуждено считаться и коммунистическое руководство. Снечкус осознавал и то, что Вильнюс занимал одно из центральных мест в идеологии литовского национализма. При этом, он лавировал и между Кремлем и собственно литовскими интересами. Приложив немалые усилия на выселение поляков из Литвы, Снечкус приложил не меньшие и для того, чтобы на их место не пришли русские. Литовское руководство лавировало между собственными интересами и Кремлем, с одной стороны, и соседней Польшей, с другой. Несмотря на то, что Польша превратилась в ПНР, литовские интеллектуалы не оставили своего антипольского национализма в прошлом и на страницах исторических исследований всегда находили повод для критики польской антилитовской политики. Таким образом, коммунистический блок не был свободен от внутренних противоречий как между СССР и ПНР, так и ПНР и ЛССР.

Политический кризис 1939 - 1940 годов в Прибалтике стал поворотным моментом в их новейшей истории. Сначала страны региона в разной степени испытывали зависимость от СССР, сохранив значительные элементы политической и экономической независимости. Позднее они вообще превратились в союзные республики. Несмотря на усиление советского влияния, национальная специфика стран региона продолжала сохраняться. Правящие круги руководствовались своими политическими интересами, и, несмотря на декларирование лозунгов о дружбе с Советским Союзом и другими социалистическими странами, языком политического мышления нередко оставался национализм, приспособленный к реалиям и условиям авторитарного социалистического общества.

Очевидно, что вхождение Литвы и Латвии в состав СССР, потеря ими политической независимости коренным образом отразились на их дальнейшей истории. Это привело к росту числа неместного населения и сокращению доли коренного населения. Это вело, в свою очередь, к росту оппозиционности и началу антисоветского освободительного национального движения. Потеря независимости деформировала национальные идентичности, став одной из самых тяжелых травм во всей истории балтийских народов. Вместе с тем, изменились не только идентичности. Включение Латвии и Литвы в состав СССР вырывало их из общего контекста европейской истории, но не означало их исключения из европейской политики.

Одной из самых влиятельных политических идеологий и сил в Прибалтике оказался национализм. Балтийские государства к моменту окон-

чания второй мировой войны хотя и имели политический опыт, но он был направлен, главным образом, на строительство именно национального государства. Несмотря на это, они потеряли свою независимость. От раннего периода социалистические режимы получили национализм в качестве своеобразного политического наследства, и как бы не сглаживались противоречия между странами региона, национализм был политической реальностью, с которой коммунистические власти были вынуждены считаться.

Литовско-польские противоречия - яркое подтверждение того, что Литва, потеряв политическую независимость, по-прежнему оставалась важным политическим игроком в этой части Европы. Потеря независимости привела к концу самостоятельной дипломатической истории в том смысле, что Литва и Латвия были уже не в силах вести собственную внешнюю политику. Но это не исключало Литву из международных противоречий. Только послевоенный раскол мира, создание советского блока подконтрольных государств привели к тому, что польско-литовский конфликт не перетек в другие формы.

Несмотря на стремление Советского Союза строить отношения с сателлитами и союзными республиками на относительно равных и взаимовыгодных условиях, это осталось лишь благим намерением, которое не было реализовано. Советские союзные республики и государства советского блока развивались в условиях наличия большого числа дипломатических и территориальных противоречий и споров, которые были скрыты и сознательно замалчивались. Изучение этих противоречий и их место в истории международных отношений послевоенного периода - проблема, которая нуждается в дальнейшем изучении.

IX. Балтийские диаспоры – фактор международных отношений во второй половине XX века

Период между двумя мировыми войнами был периодом независимого развития трех балтийских государств, в том числе и во внешнеполитической сфере. Балтийские республики, Литва, Латвия и Эстония, стали полноправными акторами международных отношений. Они имели дипломатические отношения с другими странами Европы, вступали в союзы с ними и между собой, участвовали в работе Лиги Наций. В 1940 году балтийские республики вошли в состав Советского Союза, где их пребывание приобрело форму оккупации. Это стало временным концом их независимой не только внутривосточной, но и дипломатической истории. Министерства иностранных дел стали формальными учреждениями, а министры иностранных дел (Юозас Урбшис в Литве, Вилхелмс Мунтерс в Латвии) пали жертвами советских политических репрессий.

Но дипломатическая история балтийских государств приобрела после 1940 года несколько иной характер. В эмиграции оказались работники посольств и консульств. Смогли эмигрировать и некоторые работники министерств иностранных дел. Многие из них продолжили свою деятельность. Уже не являясь официальными представителями своих стран, они были лидерами национальных групп балтийской эмиграции, которая предпринимала попытки освобождения балтийских республик. Для этого они использовали международные организации, возникшие после завершения Второй мировой войны. Балтийские дипломаты-эмигранты пытались принимать участие в работе ООН, европейских структурах (например, в Европейском парламенте). Они контактировали с дипломатическими ведомствами западных стран, их правительствами и парламентами.

Прибалтийская эмиграция стала, таким образом, одним из акторов системы международных отношений в послевоенной Европе. Именно дипломатическая активность балтийской (латышской, литовской и эстонской) эмиграции будет основной проблемой, рассматриваемой в данной статье. Настоящая тема практически не получила изучения как в отечественной так и зарубежной историографии. В советских республиках Прибалтики имели место лишь эпизодические публикации, которые носили скорее политический и идеологический, а не научный характер. Ситуация

изменилась лишь в 1990-е годы, когда в балтийских государствах к данной проблематике возник определенный интерес. Много для изучения этой темы сделала современная литовская историография. Правда, в работах современных литовских авторов рассматривается, как правило, история дипломатического корпуса, оказавшегося в эмиграции; судьбы отдельных, наиболее видных, дипломатов. В ряде статей показана роль конференций имевших место на Западе 1980-е годы и их роль в развитии международных отношений и процессе восстановления литовской независимости. Это во многом характерно для исследований таких современных литовских историков как Юозас Банионис, и Лауринас Йонушаускас²²³.

Дипломатическая активность балтийской эмиграции имела самые разнообразные формы. В ряде стран посольства и консульства Литвы, Латвии и Эстонии продолжали свою деятельность и после начала советской оккупации и включения балтийских республик в состав Советского Союза. Балтийские дипломаты занимались издательской деятельностью, публиковали материалы и документы по дипломатической истории своих стран, их отношениях с СССР и государствами Запада. Важнейшей сферой деятельности эмиграции было поддержание контактов с дипломатическими ведомствами и правительствами ведущих стран Западной Европы и Америки, попытки участия в деятельности ООН и европейских международных организаций. Именно на последнем аспекте мы остановимся подробнее. Источниками для анализа международной активности балтийских (латышских, литовских и эстонских) националистов, оказавшихся в эмиграции, являются относительно многочисленные документы, которые были созданы в рамках балтийских сообществ в Западной Европе и Америке. Эти документы были меморандумами и протестами, составленными эмигрантами для привлечения внимания западной общественности к положению в трех балтийских республиках. Эти документы нередко

²²³ Banionis J. Madrido konferencija: aktyvinamas Lietuvos laisvės bylos kėlimas / J. Banionis // *Genocidas ir rezistencija*. - 2002. - No 1; Banionis J. Helsinkio susitarimų įtaka Lietuvos laisvės bylai / J. Banionis // *Genocidas ir rezistencija*. - 1999. - No 1; Jonušauskas L. Lietuvos diplomatinis atstovavimas Vašingtone XX a. penktajame-šeštajame dešimtmetyje / L. Jonušauskas // *Genocidas ir rezistencija*. - 2002. - No 2; Jonušauskas L. Lietuvos diplomatinis atstovavimas Prancūzijoje septintajame dešimtmetyje. Krizė / L. Jonušauskas // *Genocidas ir rezistencija*. - 2001. - No 2; Jonušauskas L. Lietuvos diplomatinis atstovavimas Prancūzijoje 1940–1960 m. / L. Jonušauskas // *Genocidas ir rezistencija*. - 2000. - No 2.

были адресованы международным организациям, главным образом, ООН и Европарламенту. Кроме этого активность балтийских эмигрантов привела к тому, что к ним часто апеллировали дипломатические ведомства и правительства западных стран, например, США.

В рамках данной статьи мы рассмотрим документы, возникшие в рамках различных структур, как общественных, так и государственных на Западе (Европе и США) в период с 1943 по 1985 год. Эти документы практически не публиковались, многие из них хранились в посольствах балтийских стран на западе. Часть из них увидела свет в сборниках издаваемых эмигрантскими объединениями. Другие были опубликованы в официальных сборниках, выходявших в США, например – в отчетах о заседаниях Конгресса. Один из первых документов подобного плана датируется августом 1943 года и представляет собой отчет о расходах правительства Соединенных Штатов. В нем в качестве получателей фигурируют балтийские дипломаты – Алфредс Балодис, названный «латвийским министром»; П. Жадейкис, обозначенный как «Министр Литвы» (Minister of Lithuania) и А. Кайв – «действующий генеральный консул» (Acting Consul General)²²⁴.

К середине 1940-х годов почувствовав наличие поддержки среди определенных политических кругов Запада, балтийские эмигранты составили в 1944 году «Объединенное обращение национальных советов балтийских государств к Соединенным Штатам и Великобритании», основная идея которого состояла в том, что правительства этих государств должны принять меры для обеспечения политической безопасности балтийских стран после завершения войны, принимая во внимание события, имевшие место в первой половине 1940-х годов. Авторы Обращения отмечали, что советские войска атаковали страны Балтии В 1940 году, где они инициировали проведение выборов, которые шли под давлением властей и привели к вступлению балтийских республик в состав Советского Союза. По мнению авторов документа, население Литвы, Латвии и Эстонии не согласилось с этим актом, но власти подавили их сопротивление, убив «тысячи людей без суда», а остальных выслав в Сибирь и Среднюю Азию. Причем, особое внимание указывалось на то, что ссылка проводилась с разделением семей. Освобождение Прибалтики от немцев авторы доку-

²²⁴ The contributions received from the Baltic States, August 27th, 1943 // The Embassy of Latvia, Washington, D.C., 1943.

мента рассматривали как реокупацию, которая грозила, по их мнению, «полной аннигиляцией» балтийских наций²²⁵.

В 1947 году эмигранты решили обратиться не к правительствам двух западных государств, а к сообществу наций в целом. Для этого они обратились к Организации Объединенных Наций, к председателю Генеральной Ассамблеи, которым тогда был Освальдо Аранхе.

6 ноября 1947 года датируется «Обращение представителей балтийских наций Генеральной Ассамблеи». Общие положения данного Обращения сводились к ряду утверждений, а именно: утверждалось, что СССР нарушил международные обязательства и захватил страны Балтии; отмечалось, что Литва, Латвия и Эстония вошли в состав Советского Союза без согласия на то их народов. Особо подчеркивалось то, что СССР проводит на территории трех республик «систематический и жестокий геноцид». В дальнейшем Обращение строится как перечисление преступлений советской власти на территории Прибалтики в отношении каждой из республик²²⁶. В отношении Литвы утверждалось, что Литва стала первой жертвой советской агрессии – «танки Красной Армии двигались так быстро, что только президент Сметона и небольшая группа людей были в состоянии покинуть Литву». Особое внимание было уделено критике советской политики. Советский лидер Ю. Палецкис рассматривался как «советский агент». Утверждалось, что выборы 1940 года прошли «по плану Москвы». Значительное место в данном документе отводилось подробному перечислению всех репрессий советских властей – арестов интеллигенции, массовых депортаций, расстрелов заключенных в Каунасе, Вильнюсе, Райняе, Правенинские. Подводя итоги, литовские авторы декларировали, что из Литвы было выслано 20 % населения, более 200 тысяч убито. При этом подчеркивалось, что «советские завоеватели продолжают ущемлять литовский народ». Что касается Латвии, в данном документе латышские эмигранты стремились доказать незаконность вхождения Латвии в состав Советского Союза. Вышинский, в связи с этим, назван ими «могильщиком латышской свободы». Как и в отношении Литвы, в данном случае подробно перечислены преступления Советского Союза, которые названы «жестокими массовыми истреблениями». Роль СССР

²²⁵ Joint Appeal of the Baltic States' National Councils to the United States and Great Britain, 1944 // The Embassy of Latvia, Washington, D.C., 1944.

²²⁶ Appeal of the Representatives of the Baltic Nations to the General Assembly of the United Nations, November 6, 1947

сводится к тому, что он принес в Латвию исключительно «голод, насилия, террор и убийства». Подводя итог латышские эмигранты желая привлечь большее внимание ООН утверждали, что «вместо депортированных латышей в Латвии поселяется расово чуждый элемент, главным образом, азиатского происхождения, а каждый день прибывают толпы русских служащих».

Эстонские авторы данного протеста в ООН утверждали, что в Эстонии Советский Союз проводил такую же политику, как и в Литве и Латвии: республику также наводнили «русские агенты», СССР начал «преследования, депортации, убийства и аресты», проводил «преследование культуры, закрытие всего связанного с западной культурой». В отличие от латышской и литовской части, в эстонской указаны и наиболее значимые фигуры, ставшие жертвами репрессий, а именно – К. Пятс (президент Эстонской Республики), А. Ассор (министр юстиции), О. Каск (министр социальной защиты), Н. Реек (министр национальной обороны), А. Ойдемаа (министр образования), А. Пиип (министр иностранных дел), Л. Сепп (министр коммерции), А. Тупитс (министр сельского хозяйства), Н. Виитак (министр путей сообщения). В целом авторы данного документа утверждали, что СССР проводит в трех балтийских республиках политику колонизации и русификации, которую должна пресечь Организация Объединенных Наций. Такой подход эмигранты мотивировали таким образом: так как государства Балтии (Литва, Латвия и Эстония) в межвоенный период были членами Лиги Наций – они автоматически становятся членами ООН, которая должна способствовать защите их суверенитета от советских притязаний.

Не менее интересен и состав подписавших Обращение от 6 ноября 1947 года. При подписании документа использована формулировка не от такой-то национальной (литовской, латышской или эстонской) организации, а формулировка «за Литву», «за Латвию», «за Эстонию». Это говорит о том, что эмигранты рассматривали себя как полноправных представителей своих стран. За Литву подписи поставили Миколас Крупавичюс и Вацловас Сидзикаускас: первый подписался как «член Верховного комитета освобождения, бывший министр», второй – «член Литовского исполнительного комитета, бывший министр». За Эстонию подписи поставили Йохан Холберг («бывший министр национальной обороны, бывший министр сельского хозяйства, бывший член сената»), Юри Пииройа и А. Перанди (профессора Тартуского Университета). Больше всего подпи-

савшихся было за Латвию – первый, Я. Ранцанс, подписался как «епископ, профессор, президент Демократической Республики Латвия, действующий президент латвийского парламента»; второй, Адолфс Блодниекс, который подписался как «бывший премьер-министр, секретарь Латвийского парламента, лидер малой крестьянской партии»; третий, Волдемаре Бастьянис, как «бывший министр финансов, лидер Латвийской социал-демократической партии»; четвертый, Адолфс Кливе, как «бывший президент Банка Латвии, лидер Латвийской крестьянской ассоциации»; пятый, Бернхардс Крука, как «член совета латвийского государственного контроля, лидер Латвийской демократической центристской ассоциации».

24 ноября в ООН появился и второй документ, возникший в рамках балтийской эмиграции. Его составители себе отводили роль экспертов – «высоко компетентных людей, граждан независимых Эстонии, Латвии и Литвы, пострадавших от двух агрессоров - нацистской Германии и Советской России». Данный документ они рассматривали как «протест против порабощения наших стран со стороны СССР и продолжения незаконной советской оккупации». Рассматривая проблему оккупации, авторы прошения утверждали, что СССР использует методы геноцида в своей политике в балтийских республиках. Подводя итог, составители (Повилас Жадейкис, Алфредс Билманис, Йоханнес Кийв) писали, что «миролюбивые и трудолюбивые эстонцы, латыши и литовцы на родине и вне ее пределов не принимают правление Москвы и их сопротивление продолжается».

После 1940-х годов балтийские эмигранты на международной арене изменили тактику, отказавшись от подачи протестов в ООН. Балтийские эмигранты установили тесные контакты с правительствами Запада, особенно – с США. После этого, если мы обратимся к анализу ряда документов 1950 – 1960-х годов, складывается впечатление, что США сами выступали с инициативой поднятия балтийской проблемы на международном уровне. В 1952 году балтийская тематика присутствует в послании президента США Хэрри С. Трумэна. В тексте данного документа говорится, что он возник по случаю «двенадцатой годовщины незаконного завоевания балтийских государств», а президент выражает самые теплые чувства балтийским народам. «правительство и народ Соединенных Штатов выражают свое сочувствие порабощенным народам Эстонии, Латвии и Литвы», - говорилось в послании. Параллельно указывалось и на осо-

бую позицию США: «сопровожаемое революцией и оккупационными действиями, насильственное включение балтийских государств в состав СССР будет тем актом, который мы никогда не признаем. Мы делаем все, чтобы понять устремления дипломатических и других представителей Эстонии, Латвии и Литвы вне их Отечеств. Мы не забудем наших прибалтийских друзей». В заключении президент Х. Трумэн выражал надежду, что страны Балтии вновь «получат независимость, обретут свободу в содружестве свободных наций»²²⁷.

В 1953 году к балтийской проблеме обратился государственный секретарь Джон Фостер Даллес. В одном из своих выступлений он говорил о том, что «балтийские народы при каждой возможности демонстрируют свою волю быть свободными и поддерживать свою оппозицию деспотизму советов». Политику СССР он рассматривал как терроризм, который продолжается на протяжении тринадцати лет. Даллес был явно осведомлен о положении в балтийских республиках от эмигрантов – по данной причине, он говорил, что «многие выдающиеся люди были убиты, выслааны или обречены на изгнание, но их мученичества сохраняют живыми патриотические чувства». Как и президент Х. Трумэн, государственный секретарь Д.Ф. Даллес говорил и об особой позиции США, которые «продолжают дипломатическое признание балтийских наций, установленное в 1922 году». «Мы продолжаем отношения с дипломатическими и консульскими представителями, теми, кто служил независимым правительствам своих государств», - подчеркивал Д.Ф. Даллес.

Конкретизируя позицию США, государственный секретарь говорил, что «некоторые могут сказать, что это нереалистично и непрактично не признавать насильственное включение Эстонии, Латвии и Литвы в Советский Союз. Мы же верим, что деспотизм советского типа не будет увековечен над сотнями миллионов людей, любящих Бога, свою страну и имеющих чувство собственного достоинства». Развивая этот тезис и поощряя надежды эмигрантов на освобождение государств Балтии, Д.Ф. Даллес утверждал, что «советская система должна измениться сама или быть доведена до коллапса». Обращаясь к литовцам, латышам и эстонцам государственный секретарь говорил и о том, что «мы должны быть уве-

²²⁷ Message of President Harry S. Truman on June 14, 1950 // Current News on the Lithuanian Situation. – Washington, 1952.

рены, что поработанные народы знают, что они не забыты, что мы не смирились с их судьбой»²²⁸.

В октябре 1954 года проблемы стран Балтии рассматривались на заседаниях Выборного комитета по коммунистической агрессии в палате представителей Конгресса США. В ходе слушаний было решено, что присоединение трех балтийских республик к СССР было «незаконным включением, ставшим результатом заключения советско-нацистского пакта, поделившего Восточную Европу на сферы влияния». Зная результаты работ балтийских эмигрантов, на слушаниях обсуждался характер выборов 1940 года, результаты которых оценивались как известные заранее. Американские конгрессмены оценили их как «насилие над свободной волей латышей, литовцев и эстонцев, насилие над законными конституциями». Рассматривая современное (на 1954 год) положение в балтийских республиках конгрессмены отметили, что «СССР занят проведением безжалостной программы советизации, действуя с использованием хорошо известной коммунистической тактики: массовых депортаций в рабочко-рабочие лагеря, беспричинных арестов, пыток»²²⁹. В итоге слушаний Конгресс США вынес две рекомендации, которые показывали особую позицию правительства Соединенных Штатов Америки по балтийской проблематике, а именно: государственный секретарь должен был предпринять определенные шаги, чтобы уделить внимание балтийской проблеме на ближайшей сессии Генеральной Ассамблеи ООН; с другой стороны, делегация США при ООН должна была показать миру «угрозу коммунизма» и предложить резолюцию о «полном и быстром выводе военного, политического и административного персонала Союза Советских Социалистических Республик с территории Эстонии, Латвии и Литвы».

Три года спустя Государственный Департамент США вновь был замечен в потворствовании эмигрантов из прибалтийских республик. На этот раз в центре внимания оказалась Латвия. Джон Фостер Даллес с такой же антикоммунистической и пробалтийской интонацией писал о по-

²²⁸ Excerpt from Statement by the Secretary of state, John Foster Dulles before the Senate Committee on Communist Aggression, House of Representatives, November 30, 1953 // Hearings before the Select Committee to Investigation of the Baltic States into the US House of Representatives. Part 1. Washington. P. 2 – 4.

²²⁹ Excerpts from the Third Interim Report of Select Committee on Communist Aggression, House of Representatives, October 1954 // Latvia, Commemoration of the 50th Anniversary of Declaration of Independence of Republic of Latvia. Washington, 1968. - P. 71.

зиции США в балтийском вопросе и об их особой точки зрения. Госсекретарь утверждал, что «подтверждает, что включение Латвии в состав Союза Советских Социалистических Республик не признано правительством Соединенных Штатов Америки»²³⁰. В том же году президент США Дуайт Эйзенхауэр так же высказался по балтийскому вопросу, заявив: «международный коммунизм использует маску, но любая свободная нация видит, что за ней сокрыто: вспомните Эстонию, Латвию и Литву»²³¹.

В 1965 году США рассматривали резолюцию 416, в которой утверждалось, что народы Эстонии, Латвии и Литвы «были насильственно отстранены СССР от свободной реализации их прав». В резолюции утверждалось, что Советский Союз своей внутренней политикой в трех балтийских республиках «продолжает свои усилия по изменению этнического характера балтийских государств». Вместе с тем подчеркивалось, что США поддерживают стремление латышей, литовцев и эстонцев а «самоопределению и национальной независимости». США предлагали рассмотреть балтийскую проблему на заседаниях ООН и «других международных форумах», направлять усилия международного сообщества на восстановление государственных и политических прав народов Прибалтики²³². В том же году к балтийской проблеме обратился и государственный секретарь Джордж В. Болл. В своем послании к одному из лидеров латышской эмиграции в США Арнолдсу Спекке он писал, что в Соединенных Штатах (в отличие от СССР) латыши являются «свободной и независимой нацией». «Дух и уверенность, проявленная латышами за двадцать пять лет является примером для всех нас того, как люди имеют желание получить свободу и независимость. Смелость, проявленная латышами, говорит о том, что их независимость будет восстановлена»²³³, - писал Джордж В. Болл.

²³⁰ The Incorporation of Latvia by the Union of Soviet Socialist Republics is not recognized by the Government of the United States of America, May 29, 1957 // Balodis A. *Latvijas un latviešu tautas vēsture*. – Riga, 1991. - lpp. 430.

²³¹ Excerpt from President Dwight P. Eisenhower's Address to a Joint Session of Congress, January 6, 1957 // The Department of State Bulletin. - 1957.- Vol. XXXVI. - No 917. - January 21.

²³² U.S. House Concurrent resolution 416, As Unanimously Passed on June 21, 1965 // Congressional Record. - 1965. - Vol. 111. - June 21.

²³³ Letter of the Acting Secretary of State, George W. Ball. To the Latvian Charge d'Affairs Arnolds Spekke, dated November 17, 1965 // *Latvia, Commemoration of the 50th Anniversary of Declaration of Independence of Republic of Latvia*. – Washington, 1968.

В 1966 году балтийская проблема рассматривалась Конгрессом США. Сенатор Хверетт М. Дирксен (Hverett M. Dirksen) говорил о «гигантской борьбе за свободу от советского коммунизма, освобождении людей из-за железного занавеса». Он утверждал, что народы Прибалтики должны стать «вновь свободными». «Мир знает о борьбе литовцев, латышей и эстонцев, стремящихся вырваться из советского рабства», - говорил Х.М. Дирксен²³⁴. Другой конгрессмен, Пол Х. Дуглас (Paul H. Douglas), в своей речи по балтийской проблематике отмечал, что «Литва и ее соседи на Балтике в 1940 году были предательски захвачены, многие люди были убиты или высланы в сибирские тюремные лагеря (prison camps), но опыт свободного правления не исчез из памяти людей» несмотря на то, что «коммунисты пытаются подавить традиции, связанные с патриотизмом и гордостью за литовское культурное наследие, но эти усилия не принесут результатов». В заключении П.Х. Дуглас уверял, что «мы никогда не признаем советскую агрессию против балтийских государств и никогда не забудем той истинной Литвы, которая вновь станет свободной»²³⁵. В аналогичном духе были выдержаны выступления и других конгрессменов. Виллиам Дж. Мёрфи (William J. Murphy) говорил, что «США и другие свободные нации всегда отказывались признать советский режим и поддерживали дипломатические отношения с законными представителями балтийских стран: так литовские дипломатические и консульские работники продолжают свою деятельность в странах Европы, Южной и Северной Америке»²³⁶. В выступлении Джона Б. Эндэрсона (John B. Anderson) говорилось о том, что «мы должны взглянуть на балтийские государства, чтобы осознать нелепые реалии русского имперского колониализма, которые лежат за фасадом мирного сосуществования»²³⁷.

В 1966 году балтийская проблематика присутствовала и в выступлениях вице-президента США Хьюберт Х. Хамфри, который отметил, что «принципы свободы и нации признаваемы во всем мире – для народов

²³⁴ Hverett M. Dirksen, February, 16, 1966 // Congressional Record. - 1966.- Vol. 112. - No 26.

²³⁵ Paul H. Douglas, February, 16, 1966 // Congressional Record. - 1966.- Vol. 112. - No 26.

²³⁶ William J. Murphy, February, 16, 1966 // Congressional Record. - 1966. - Vol. 112. - No 26.

²³⁷ John B. Anderson, February, 16, 1966 // Congressional Record. - 1966. - Vol. 112. - No 26.

Эстонии, Латвии и Литвы особенно важны идеалы свободы и независимости». По словам вице-президента, правительство США признавало право народов Балтии на самоопределение и независимость. Рассматривая балтийскую тему, вице-президент подчеркнул и особую позицию народов Прибалтики среди других народов СССР: «балтийские нации продолжают уважать свою национальную культуру и традиции: несмотря на иностранную оккупацию, преследования и масштабные депортации любовь к свободе коренится глубоко в сердцах эстонцев, латышей и литовцев»²³⁸. В 1960-е годы проблема балтийских государств обсуждалась не только в США. Она так же рассматривалась и европейскими структурами, например, Советом Европы. В сентябре 1960 года появилась «Резолюция, признающая балтийские государства и принятая Консультативной Ассамблеей Совета Европы». Она была приурочена к «двадцатой годовщине военной оккупации трех европейских государств Эстонии, Литвы и Латвии и их насильственного включения в состав Советского Союза». Действия СССР рассматривались как «незаконная аннексия, проведенная без выражения свободной воли народов». Члены Совета Европы выражали «сочувствие балтийским народам, забываемым другими европейцами», заявляли, что «коммунистический нажим не подавит их отвагу и веру в свободу и демократию». В заключении отмечалось, что «большинство правительств признает de jure независимость балтийских государств»²³⁹.

Прибалтийские эмигранты приняли участие в конференции по безопасности и сотрудничестве в Европе, которая имела место в Мадриде и длилась 96 недель с 8 ноября 1980 по 9 сентября 1983 года. Литовские эмигранты рассматривали конференцию не только как диалог между Востоком и Западом, но и как шаг Литвы в сторону политической независимости. Литовские эмигранты в США предпринимали в период предшествующий конференции значительные усилия, чтобы донести до правительства США свою точку зрения на литовскую проблему. Особо активно в этом направлении действовала Литовская дипломатическая служба – своего рода Министерство иностранных дел литовской политической эмиграции. Деятельность литовских эмигрантских дипломатов была от-

²³⁸ Statement by Vice-President Hubert H. Humphrey for Baltic Freedom Day, June 12, 1966 // Latvia, Commemoration of the 50th Anniversary of Declaration of Independence of Republic of Latvia. Washington, 1968.

²³⁹ Resolution regarding the Baltic States adopted by the Consultative Assembly of the Council of Europe, September 29, 1960 // International Reaction to the Occupation of the Baltic States by the USSR. [n.l.], [n.d.]

носителем успешной – один из их представителей, Римас Чесонис, смог принять участие в конференции в составе делегации США. Перед участием в конференции литовская община в США издала ряд работ о положении в Советской Прибалтике, в особенности – в Литве. В ходе мадридской конференции представители США (под влиянием литовского лобби) подняли вопрос о положении в Литовской ССР – о положении политических заключенных, об улучшении положения Католической Церкви. Один из американских участников конференции Макс М. Кэмпелмэн охарактеризовал советское правление в Литве как «империалистическую оккупацию»²⁴⁰.

Европарламент вновь обратился к балтийской проблеме в 1980-е годы. В 1983 году Европарламент принял резолюцию, признающую балтийские государства, в которой отмечалось, что «советская аннексия трех балтийских государств формально не признана европейскими государствами и США, Канадой и Великобританией, Австралией и Ватиканом»²⁴¹. Два года спустя балтийская эмиграция добилась более серьезного результата, чем упоминание балтийской темы в работах западных дипломатов. В 1985 году в Копенгагене был создан Балтийский Трибунал, который задумывался как специальный орган для расследования преступлений советских властей в республиках Балтии. «Балтийский трибунал утверждает, что оккупация и аннексия некогда независимых Эстонии, Латвии и Литвы является ярким примером насилия над международным правом и актом непризнания договоров со стороны СССР», - говорилось в документах трибунала. Авторы первого манифеста данного органа критиковали «массовую русскую иммиграцию», которая создавала опасность для «балтийской идентичности и политической структуры». Особое внимание было уделено «милитаризации балтийского региона», которая рассматривалась авторами документа как постоянная угроза миру в районе Балтийского моря. В заключении отмечалось, что «СССР должно постигнуть суровое наказание»²⁴².

²⁴⁰ Banionis J. Madrido konferencija: aktyvinamas Lietuvos laisvės bylos kėlimas / J. Banionis // Genocidas ir rezistencija. - 2002. - No 1.

²⁴¹ On January 13, 1983, the European Parliament adopted the following resolution regarding the Baltic States // 1982 – 1983. European Parliament Documents. No 7. P. 432 – 433.

²⁴² The Copenhagen Manifesto, The Baltic Tribunal in Copenhagen, 25 – 26th of July, 1985

Таким образом, деятельность балтийских эмигрантов на Западе в период после Второй мировой войны была достаточно активной. Нередко они рассматривались как представители своих государств, оккупированных Советским Союзом. Часто они использовались в идеологическом противостоянии, приобретавшим особую важность в условиях холодной войны, при противостоянии двух систем. В связи с этим латышские, литовские и эстонские эмигранты были живыми доказательствами опасности коммунизма. Кроме этого благодаря их деятельности общества западных стран были знакомы с подлинным состоянием и внутривнутриполитическим положением в советских прибалтийских республиках. По данной причине, балтийская проблематика оказалась относительно широко представленной в выступлениях ряда американских президентов, государственных секретарей и конгрессменов.

Особое внимание эмигранты уделяли доказательству своего особого статуса. Они не стремились становиться эмигрантами и отказываться от старого (латышского, литовского или эстонского) гражданства. Подобно старым российским дипломатам они признавались на Западе. Но если российские дипломаты к 1930-м годам стали эмигрантами, а Советский Союз получил признание от большинства европейских стран, то бывшие балтийские дипломаты сохраняли свою активность до 1970-х годов. Этому способствовало и то, что многие западные государства не признали юридическое вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза, хотя фактически с пребыванием их в СССР Запад смирился и его поддержка имела скорее моральный характер.

Балтийские эмигранты сохраняли память о своей исторической Родине. Наиболее последовательными в этом оказались представители латышской эмиграции, среди которых националистическое чувство было особенно сильно. Оно было устойчиво настолько, что они пытались перенести латышские политические и государственные институты на чужую почву. В связи с этим показателен пример Я. Ранцанса, который считал себя президентом Демократической Республики Латвия и действующим президентом Латвийского парламента. Оба эти института были скорее политической фикцией, чем реальными политическими силами. Ни о каком контроле ими Латвии не может идти и речи. Однако они существовали и на определенных этапах выступали в качестве актора международных отношений.

Кроме этого балтийские эмигранты принимали участие в работе международных конференций, где поднимали балтийский вопрос. Они стремились принимать участие в работе Организации Объединенных Наций и Европарламента. Важнейшими достижениями балтийских эмигрантов было то, что на Западе их нередко рассматривали как представителей своих государств, как, своего рода, правительства в изгнании. Вторым достижением эмиграции было создание Трибунала в Копенгагене. Таким образом, деятельность эмиграции была довольно разнообразной, а их дипломатическая активность была составной частью их национализма. Латышские, литовские и эстонские эмигранты, тем самым, способствовали восстановлению политической и государственной независимости балтийских государств.

Х. Европейская идея в политической и истории стран Балтии во второй половине XX века

Советское многонациональное государство никогда не было единым. Оно состояло из ряда национальных регионов, которые обладали значительными особенностями, отделявшими их от преимущественно русскоговорящей РСФСР и славянских Украинской и Белорусской ССР. Особым статусом, который осознавался местными интеллектуалами, обладала Прибалтика. В самом общем плане местные авторы были склонны причислять себя, свои народы и культуры к Западу, Россия же относилась ими к Востоку. Арвидас Валёнис отмечал, что СССР смог «проглотить» республики Балтии, но оказался не в состоянии «переварить» их.²⁴³ В самих республиках такая обособленность рассматривалась как своего рода оппозиционность Москве, как принадлежность в большей степени Европе, осознававшейся как Запад, а не Советскому Союзу, который ассоциировался с Востоком.

Европейская идея в советских республиках Прибалтики не является продуктом исключительно советского периода. Ее развитию способствовало то, что в межвоенный период страны Балтии политически и культурно развивались в рамках Европы. Европейская идея не была полностью искоренена советскими властями, несмотря на то, что те боролись с ней в рамках компаний направленных против «буржуазного национализма», «буржуазных пережитков» и т.п. Другой ее источник состоял в том, что культурные круги Прибалтики не теряли связей с соотечественниками, которые после 1940 года оказались в эмиграции, в том числе и в Европе.

При изучении европейской идеи в Прибалтике важно проследить моменты, связанные с тем, как и почему европеизм становится языком политического общения. До начала советского периода в истории Балтии (1940 год) языком политических элит, руководствовавшихся принципом национального государства, был национализм. Прибалтийские авторы пытались использовать эти национальные доктрины в качестве языка после утверждения советской власти. Но к началу 1950-х годов стало ясно, что этот путь себя не оправдывает по той причине, что перспектива вос-

²⁴³ А. Валёнис. Пока в лабиринте // Вильнюс. 1990. № 5. С. 167.

становления независимости была на данном этапе нереальной. На смену открытому национализму приходит европеизм. Если за принадлежность к националистической идеологии советские власти карали и наказывали, то в случае исповедания «европеизма» были возможности избежать репрессий. Европеизм превратился в едва ли неединственный язык национального самосознания (проявления национальных особенностей и культурно-политических устремлений, направленных в сторону Европы независимо от языка издания), так как все другие его формы (будь то партии, не контролируемые властями общественные объединения или что-то другое) были запрещены.

Рассматривая европеизм в Советской Прибалтике, следует принимать во внимание и то, что в Восточной и Центральной Европе, оказавшейся после 1945 года под контролем СССР, существовали доктрины такого же плана. Европеизм в форме апелляций к Европе был своего рода неким общим антисоветским кодом, воспринимаемым Западом, где после 1945 года начались процессы европейской интеграции. Расшифровав этот, адресованный ему антисоветский код, Запад стал рассматривать и воспринимать Прибалтику не изолированно, а вместе с остальной Восточной Европой, которая мыслилась как часть большого европейского проекта.

Степень проявления европейской идеи в гуманитарных исследованиях прибалтийских республик была различной и зависела от состояния политической жизни как в Латвии, Литве и Эстонии, так и в СССР в целом. Развитие балтийского европеизма имело во многом циклический характер. Первые элементы европеизма и европейской идеи в прибалтийских республиках появляются во второй половине 1950-х годов, что было связано с «оттепелью». Во второй половине 1960-х данные идеи постепенно ослабевают, хотя и не исчезают вовсе. Данная тенденция, связанная с «застоем», сохранялась до второй половины 1980-х годов. Новый цикл начинается с началом «перестройки», которая не только привела к активизации национальных движений, постепенно легализовав их, но и выразилась в создании благоприятного идейного климата, который способствовал росту оппозиционных, в том числе и европеистских, настроений.

Для анализа проявления европейской идеи и ее роли в развитии национализма будут использованы исследования в гуманитарных сферах (истории, литературоведении, языкознании), изданные на русском языке. Из огромного количества изданий мы рассмотрим лишь те, что были из-

даны на русском языке. Именно русские издания были доступны большинству гуманитариев СССР, которые предпочитали писать и читать на русском языке. Параллельно выходили издания и на местных языках, которые находили крайне ограниченное потребление и оказывались востребованными лишь местной интеллигенцией. Публикации на латышском, литовском и эстонском языках, изначально предназначенные для потребителя внутри республик или за их пределами в среде эмигрантов, представляют собой совершенно особый дискурс данной проблемы. Балтийские интеллектуалы на национальных языках в европеистском духе практически не писали – в данном случае принадлежность к Европе рассматривалась как явление сами собой разумеющееся (Европа в таких публикациях предназначалась для русского читателя и, поэтому, подобная литература выходила на русском языке), а на первый план выходил тот или иной (латышский, литовский, эстонский) национализм.

При этом в прибалтийских республиках СССР для публикаций на национальных языках существовали негласные ограничения и реальные административные и бюрократические преграды. Появление публикаций на местных языках развивалось циклически. В 1950-е годы имел место спад изданий на языках народов Прибалтики, что объяснялось консервативными тенденциями партийного руководства в общесоюзном масштабе. В 1960-е годы прошел рост изданий на латышском, литовском и эстонском, что стало результатом некоторой либерализации, вызванной «оттепелью». 1970-е годы, ознаменовавшиеся «застоем» и усилением консервативных тенденций, принесли сокращение подобных изданий. Вторая половина 1980-х годов и «перестройка», приведшая к росту национального самосознания, ознаменовались ростом изданий на местных языках. Эти циклы стали результатом того, что в республиках работало немало функционеров славянского происхождения, вовсе незаинтересованных в публикациях на местных языках. При этом, русскоязычные публикации подвергались меньшему цензурному контролю, в отличие от изданий на латышском, литовском и эстонском, где уже в самом языке партийным цензорам был виден призрак «буржуазного национализма».

Кроме этого публикации балтийских авторов на русском языке должны были представлять балтийские республики в рамках общей советской исторической науки. По данной причине, цензура стремилась сгладить присущие им национальные особенности. Этого, однако, достичь полностью в большинстве изданий не удавалось. Современный эс-

тонский историк Антс Ярв по этому поводу пишет, что балтийские интеллектуалы советского периода в поисках путей из рамок цензуры «меж строк в книгах»²⁴⁴ выражали свои оппозиционные, антисоветские и нередко – проевропейские симпатии.

Интеллектуалы советской Прибалтики, занятые в сфере гуманитарных исследований, понимали, что «будущее уходит корнями в прошлое».²⁴⁵ Иными словами, стремясь сохранить свою национальную идентичность и идентичность своих соотечественников, интеллигенты прибалтийских республик обращались именно к истории, видя в ней источник идей для поддержания и стимулирования национальной неповторимости. Исторические сюжеты широко использовались для предотвращения растворения латышей, литовцев и эстонцев в массе других народов СССР. Таким образом, подобную деятельность интеллигенции можно рассматривать как форму резистенции,²⁴⁶ сопротивления политике проводимой центральными властями. Поэтому, гуманитарные исследования прибалтийских авторов несут в себе немалую специфику, в том числе и национальную, отличительная черта которой – ориентир скорее на Европу, чем на Москву.

Исторические и смежные с ними исследования играли особенно важную роль, так как после включения балтийских государств в состав СССР была нарушена их этническая однородность. Это выразилось в том, что в Латвийской, Литовской и Эстонской ССР появилось много выходцев из других республик СССР. Местные балтийские интеллектуалы, понимая, что они не в состоянии противостоять административно-политическому воздействию центра, направленного на изменение этнической структуры прибалтийских республик не в пользу латышей, литовцев и эстонцев, проявляли оппозиционность на идейном уровне, формой чего стал европеизм.

Обращение к проблемам истории европейской идеи в Прибалтике будет неполным без анализа соответствующих сюжетов, связанных с особенностями советской национальной политике в прибалтийских республиках СССР. Исходным положением должно быть признание факта того,

²⁴⁴ А. Ярв. История Эстонии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / сост. М. Йокиппи. Ювяскюля. 1995. С. 137.

²⁴⁵ Ю.А. Борко. Исторические метаморфозы европеизма // Ю.А. Борко. От европейской идеи – к единой Европе. М. 2003. С. 43.

²⁴⁶ О термине «резистенция» и резистенции в Литве см.: И. Косткявичюте. Феномен резистенции в творчестве Путинаса // Вильнюс. 1990. № 7. С. 23 – 28.

что Прибалтика являлась совершенно особым регионом Советского Союза.

В сознании большинства советских партийных функционеров Прибалтика была едина, и московские партийные чиновники воспринимали три республики как целое. В СССР существовал Балтийский военный округ, экономисты выделяли Прибалтийский экономический регион. При этом прибалтийская монолитность была надуманной, призванной обосновать единство республик на местном уровне, невозможность их отделения от Советского Союза. В действительности, Прибалтика, состоявшая из трех республик в административном плане, состояла из двух культурно-политических регионов. Литва была католической, Латвия и Эстония – протестантскими. Латыши и литовцы говорят на индоевропейских языках, эстонцы – на финно-угорском. Литва на протяжении своей истории испытала влияние Польши, Эстония и Латвия – Германии и Швеции. К тому же в межвоенный период независимого политического существования Латвия политически тяготела к Великобритании, Эстония – к Германии и Скандинавии, Литва – к Польше и Франции. К тому же сам Советский Союз получал Прибалтику по частям: в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа – сначала Эстонию и Латвию, Литва перешла в сферу советского влияния позднее.

Несмотря на политику последовательной советизации, что проявлялось в попытках насаждения «советского менталитета»,²⁴⁷ власти были не в состоянии унифицировать прибалтийские республики не только между собой, но и с остальными республиками Советского Союза. Интеллигенция Латвийской, Литовской и Эстонской ССР по ряду признаков выделялась из общесоюзной интеллигенции. Помня о периоде независимого существования в межвоенной Европе, интеллигенция Прибалтики встретила осуждение культа личности Сталина и «оттепель» со значительным воодушевлением, проявлением которого стал рост национального самосознания, которое иногда приводило к восстановлению национализма. Кремль пытался изменить свою национальную политику. Советские лидеры начали сотрудничать с местными элитами, представленными нерусскими коммунистами союзных республик. После 1953 года имело место

²⁴⁷ Г.А. Станчинский. Русские и балты: этносоциологический очерк. СПб., 1994. С. 133.

частичная децентрализация, началась толерантная культурная и языковая политика.²⁴⁸

Ограниченные реформы в СССР в период правления Н. Хрущева привели к росту энтузиазма в среде балтийских интеллектуалов. По словам Ванды Заборскайте, период хрущевской оттепели в Литве привел к активизации национальной культуры и традиций.²⁴⁹ Прибалтийские интеллигенты положительно отнеслись к тому, что после 1953 года имело место сокращение числа русских и рост литовских коммунистов. В 1953 году из Литовской ССР было отозвано три тысячи русских партийных работников. Это вело к ослаблению в Литве тоталитарного режима, что вылилось в появлении, по словам В. Кашаускене, тенденций «антисоветской активности». Национальная активизация литовских интеллектуалов натолкнулась на сопротивление наиболее ортодоксальных коммунистов: в 1958 году был уволен с работы и исключен из партии ректор Вильнюсского Университета Юозас Булавос, в 1959 году такая же участь постигла проректора Вильнюсского педагогического института Йонаса Лаужикаса. Несмотря на это литовская интеллигенция смогла «получать образование в более литовской и либеральной атмосфере».²⁵⁰

Это привело к увеличению роли литовского языка в общественной жизни. Местная интеллигенция стремилась использовать возможности, предоставленные десталинизацией. Общее состояние представителей национальных культурных элит в СССР на данном этапе достаточно четко описал украинский историк Орест Субтельный, который отмечал, что «настоящие историки выступали против жесткого идеологического контроля, который вел к "обнищанию" истории». Субтельный считал, что со второй половины 1960-х годов советские историки стремились преодолеть провинциализм, тенденции к преувеличению роли связей с Россией и т.п.²⁵¹

Проявление нового в политической жизни республик стало возможно в силу проводимой Москвой национальной политики, которая, по признанию ряда деятелей балтийской эмиграции, не преследовала целью ассимиляцию и уничтожение балтских наций, а лишь стремилась к полити-

²⁴⁸ А. Каппелер. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 281.

²⁴⁹ В. Заборскайте. Поиск смысла // Вильнюс. 1990. № 3. С. 19.

²⁵⁰ V. Kašauskienė. Student Unrest in Lithuania after Stalin's Death. 1953 – 1960 // Lithuanian Historical Studies. Vol. 5. 2000. P. 181 – 182, 191.

²⁵¹ О. Субтельный. Украина: история. Киев, 1994. С. 626

ческому и экономическому контролю над ними. В.С. Вардис в 1965 году писал: «капиталистические колонисты не признают равенства людей захваченных стран, сознательно препятствуют их развитию, сдерживают индустриализацию. Советские колонисты это не только признают, но и поощряют. Более того, они не преследуют родной язык, коммунистическая колонизация требует индустриализации».²⁵²

Своеобразной формой оппозиционности официальной коммунистически-ортодоксальной историографии в такой ситуации инокультурного господства без видимых и открытых тенденций к ассимиляции стал европеизм. Примечательно то, что историки советской Прибалтики в своем европеизме обращались к Европе в целом, а не к отдельным странам, история которых в СССР признавалась как европейская. Прямое признание роли Польши для исторических процессов в Литве, или Германии и Швеции для аналогичных событий в Эстонии и Латвии было невозможно по политическим причинам. Советская цензура еще могла пропустить европейские идеи в общем плане, но симпатии к отдельным стран капиталистического мира (пусть и в прошлом, например, Польше) были невозможны.

Европейская идея в Прибалтике в значительной степени активизировалась после событий в Чехословакии в 1968 году. В июне 1968 года Латвийскую ССР посетил председатель Национального Собрания Чехословакии Йозеф Сморковски, где констатировал необходимость создать «социализм с человеческим лицом».²⁵³ Несмотря на то, что попытки реформ в Чехословакии были подавлены советскими войсками, оппозиционность прибалтийской интеллигенции и разделяемая ей европейская идея не исчезли, а их развитие продолжилось в 1970-е годы.

В 1970-е годы советская национальная политика претерпела значительные изменения. Тенденции ограниченной либерализации 1960-х годов были свернуты. С 1972 года началось усиленное внедрение русского языка в прибалтийских республиках. Изменилась демографическая ситуация в Прибалтике. К 1978 году русские в Эстонии составляли 28 %, а в Латвии – 33 % населения. Ассимиляция балтских народов и эстонцев не принесла успеха советским властям. Жители советской Прибалтики стремились поддерживать связи с Западом: например, только в 1970 году 1700

²⁵² V.S. Vardys. Sovietino kolonializmo 25 metai // Aidai. 1965. No 6. P. 252.

²⁵³ R. Misiunas, R. Taagepera. The Baltic States. The Years of Dependence. 1940 – 1980. Berkley – LA., 1983. P. 235.

эстонцев посетила Финляндию. В том же году группа ученых из балтийских республик посетила Швецию, где они приняли участие в конференции балтийских исследований. Кроме этого Прибалтика посещалась выходцами из стран Балтии и иностранцами: например, в 1972 году Латвийскую ССР посетили 900 латышей, проживавших за рубежом.²⁵⁴

Отличительная черта внутривнутриполитической ситуации балтийских республик состоит в том, что имел место приток русскоязычного населения, который нередко в эстонской историографии рассматривается как «проезд тысяч бескультурных ловцов счастья»,²⁵⁵ в прибалтийские республики не прекращался. Негативные стороны «избыточной русскоязычной миграции» в 1990-е годы были признаны и отечественной историографией: например, Г.А. Станчинский в 1994 году констатировал то, что приезжие не отличались высоким уровнем культуры межнационального общения, что вело к разочарованию среди местного населения советским образом жизни.²⁵⁶ По данным К. Арьякаса, ежегодно в Эстонию в 1970-е годы прибывало свыше 25 тысяч новых жителей из других республик СССР, большинство из которых были русскими.²⁵⁷ Этому в частности способствовало назначение в 1978 году вместо Кэбина первым секретарем ЦК КП Эстонии Карла Вайно, который даже не владел эстонским языком в необходимой для управления республикой степени.²⁵⁸

Негативные тенденции на данном этапе проявились и в Литовской ССР. Ухудшения в культурной сфере, сокращение роли литовского языка и искусственное увеличение значения русского А. Валёнис интерпретирует как часть политики геноцида.²⁵⁹ В такой обстановке имело место усиление недовольства интеллигенции, что выразилось в активизации национального движения. Усилению национальных идей в советской Прибалтике способствовало поддержание связей с европейской культурой: в Латвии и Эстонии принимались польские и финские телепрограммы, театры ставили пьесы западных авторов, раньше чем в остальных респуб-

²⁵⁴ Ibid. P. 230, 231.

²⁵⁵ А. Ярв. История Эстонии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / сост. М. Йокиппи. Ювяскюля. 1995. С. 138.

²⁵⁶ Г.А. Станчинский. Русские и балты: этносоциологический очерк. СПб., 1994. С. 136.

²⁵⁷ К. Арьякас. Основные черты развития не-самостоятельной Эстонии (1944 - 1990) // Радуга. 1990. № 11. С. 29.

²⁵⁸ Там же. С. 31.

²⁵⁹ А. Валёнис. Пока в лабиринте // Вильнюс. 1990. № 5. С. 169.

ликах Советского Союза в балтийских республиках появились западные фильмы.²⁶⁰

Рост национализма литовцев, латышей и эстонцев был составной частью роста национального самосознания народов Восточной Европы, хронологически совпадая с ростом оппозиционного движения в Польше, Венгрии, Чехословакии и других странах социализма. В такой ситуации начавшегося кризиса социализма в целом идеи общественной, интеллигентской, оппозиционности официальной советской политике в прибалтийских республиках СССР начали возрастать.²⁶¹ При этом в отличие от украинцев и белорусов, среди которых, по словам А. Каппелера, были выражены тенденции к русификации, эстонцы, латыши и литовцы демонстрировали высокую степень этнической стабильности. Эта стабильность в советской Прибалтике выразилась в высокой активности национальной интеллигенции и оживлении гуманитарных исследований.²⁶²

В 1970-е годы в прибалтийских советских республиках, в период «застоя», как ответ на изменения в советской национальной политике, наметилась тенденция к усилению национализма. Не имея возможности открытого политического протеста, прибалтийские советские интеллектуалы стали выражать свое недовольство своими исследованиями. Несмотря на советские попытки унификации, балтийские интеллектуалы стремились интерпретировать истории своих народов как национальные, отделенные от истории России, которая ассоциировалась с СССР. Прибалтийские авторы стремились снизить русское влияние, мнимое и реальное. Эстонский историк С. Аннист доказывал, что в XV – XVII веках русское влияние на эстонских землях не ощущалось.²⁶³

К началу 1980-х годов Прибалтика находилась в составе СССР уже сорок лет. Несмотря на политику советизации, проводимую в 1940 –

²⁶⁰ R. Misiunas, R. Taagepera. *The Baltic States. The Years of Dependence. 1940 – 1980.* Berkley – LA., 1983. P. 234.

²⁶¹ Indulis Zalīte. *Pagrindinēs neprievartinio pasipriešinimo formas ir slaptasis nacionalizmas vidinis nepaklusimas sovietiniam režimui Latvijoje (aštuntasis–devintasis dešimtmečiai)* // *Genocidas ir rezistencija.* 1997. No 2; Viktor Niitsoo. *Pasipriešinimo sąjūdis Estijoje (1955–1985)* // *Genocidas ir rezistencija.* 1997. No 2; Živilė Račkauskaitė. *Pasipriešinimas sovietiniam režimui Lietuvoje septintajame – aštuntajame dešimtmetyje* // *Genocidas ir rezistencija.* 1998. No 2.

²⁶² А. Каппелер. *Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад.* М., 1997. С. 282 – 283.

²⁶³ С. Аннист. *О заселении прихода Ряпина в XVI – XVII вв. // Сельские поселения Прибалтики (XIII – XX вв.)* М. 1971. С. 26 – 27.

1950-е, и индустриализации, имевшей место в 1960 – 1970-е, балтийские республики сохранили присущие им особенности. Прибалты ощущали себя как своего рода сообщества среди этнически чуждых переселенцев. Этническая идентичность местного населения была двигателем в сохранении не только их особенностей, но и границ,²⁶⁴ отделяющих от русских. Крах советской ассимиляции привел к тому, что на протяжении всех лет советского господства шло развитие национальных культур прибалтийских народов. Как и во всем Советском Союзе, этот процесс был отмечен формированием этно-национальных мифов. Если в республиках Закавказья важным компонентом этого мифа была идея древней и славной истории,²⁶⁵ то в Прибалтике (как и в Словении в СФРЮ), которая не могла позиционировать чужим свою «славную и древнюю историю», ее роль играл европеизм.

Европейская идея в Латвийской ССР оказывается востребованной относительно рано, уже в 1950-е годы. Идеологический контроль Москвы над Ригой был не таким строгим как над Таллинном и Вильнюсом. Кремль, видимо, помнил о былых революционных заслугах латышского пролетариата, о роли латышских красных стрелков, о латышах в коммунистическом движении. В целом, Латвия имела образ самой революционной из всех прибалтийских республик. Поэтому, идеологический контроль над Латвийской ССР по своей интенсивности и глубине не шел ни в какое сравнение с политикой в отношении Литвы и Эстонии.

Такой ситуацией воспользовались латвийские интеллектуалы, недовольные советской политикой. Будучи не в состоянии проявлять свое недовольство на организационном уровне, латышские интеллигенты заявили о себе через создание оппозиционных концепций, к которым относился европеизм. Наиболее активными носителями европейской идеи в Латвийской ССР оказались историки.

Латвийский историк В.В. Дорошенко при описании истории Латвии анализирует домены, сеньориальные администрации, ленные держания, ленный вассалитет, домениальные земельные фонды. Экономически история Ливонии, по В.В. Дорошенко, это история европейская. «В Ливо-

²⁶⁴ Jacob Levy. *The Multiculturalism of Fear*. Oxford – New York, 2000. P. 40.

²⁶⁵ Stuart Kaufman. *Modern Hatreds: the Symbolic Politics of Ethnic Wars*. Ithaca, 2001. P. 4, 53, 91, 176.

нии ощущались последствия произошедшей на западе революции цен»,²⁶⁶ - писал он. Дорошенко считал, что Ливония откликнулась на перемены в хозяйстве «передовых стран Запада».²⁶⁷

В конце 1960-х годов к историкам в выражении своих европейских симпатий присоединились и этнографы. В. Гребле, например, была принята попытка показать европейский характер латышской народной культуры через анализ переводов памятников латышского фольклора на европейские языки и наоборот. Данные, приведенные латышской исследовательницей, говорят о том, что латыши востребовали европейскую культуру, обратившись и к фольклору европейских народов. В. Гребле показала, что в период между серединой XIX века и 1945 годом на латышский язык памятники европейского фольклора переводились чаще, чем русского, что свидетельствует о включенности латышей в культурную европейскую сферу.²⁶⁸

При этом латышский европеизм оставался преимущественно уделом историков. Они уделяли внимание месту Латвии в Европе. Латвия рассматривалась ими как «отдаленная окраина европейского мира».²⁶⁹ Отличительная черта советской латвийской историографии состоит в том, что Латвия «помещалась» латышскими историками в Европу уже на самых ранних этапах ее истории. Рассматривая проблемы формирования государственности, латышские историки особое внимание уделяли тому, что древние курши посещали регионы Западной Европы.

На территорию Латвии латышские историки распространяли и обще-европейские периоды в истории, например, феодализм. Они считали, что после немецкого завоевания история Латвии стала почти совершенно европейской. В связи с этим подчеркивалось, что на территории Латвии укоренился феодализм европейского (немецкого) типа, появилось гамбургское городское право. Латышские историки доказывали, что именно немецкое завоевание привело к росту городов, которые развивались ана-

²⁶⁶ В.В. Дорошенко. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига, 1960. С. 15, 28 – 29, 315.

²⁶⁷ В.В. Дорошенко. Мыза и рынок. Хозяйство Рижской иезуитской коллегии на рубеже XVI и XVII вв. Рига, 1971.

²⁶⁸ В. Гребле. Переводы повествовательного фольклора народов мира на латышский язык и латышского повествовательного фольклора на языки других народов мира // Фольклор балтских народов. Рига. 1968. С. 323 – 395.

²⁶⁹ Е.Л. Назарова. История лейманов в Ливонии. Местное землевладение в Латвии и Эстонии XIII – XVIII веков. М., 1990. С. 6.

логично европейским. Как и в Европе, города, согласно теориям историков Советской Латвии, стали очагами развития культуры и реформационного движения.²⁷⁰

При изучении истории культуры историки Латвийской ССР подчеркивали ее европейский характер. С. Циелава, рассматривая особенности латышской культуры, указывала на то, что ее европейский характер стал результатом возникновения в Латвии городов западноевропейского типа. Это, согласно С. Циелаве, вело к тому, что строительство на территории Латвии развивалось в русле европейской архитектуры, пережив такие стили как романский, готический, барочный и другие. Латышские авторы отмечали, что многие явления культуры проникали в Латвию из Европы: Видземе и Курземе испытывали влияние Германии и Скандинавии, а Латгале – Польши и Италии. Согласно концепциям советских латвийских историков, поворотным моментом в развитии культуры на территории Латвии стало Возрождение и деятельность гуманистов. Историки Латвийской ССР отмечали общеевропейский характер латышского гуманизма. Проникновение в Латвию научных достижений связывалось исключительно с Европой, в особенности – с Германией.²⁷¹

Советские исследователи экономически «включали» Латвию в Европу. Рига рассматривалась как один из центров европейской торговли. Историки Латвийской ССР распространяли на Латвию особенности политического развития Европы. Каугурское восстание объяснялось влиянием Просвещения и Великой французской буржуазной революции.²⁷² Латвийский историк М. Степерманис написал даже по этому поводу целую монографию, где показывал роль, которую сыграла в истории Латвии французская резолюция.²⁷³ В отличие от русских публикаций это латышское издание было более последовательно: если публикации на русском показывали в большей степени европеизм, то эта была призвана активизировать латышское национальное самосознание, национализм.

Наряду с историками европейская идея представлена в работах латышских языковедов. В начале 1970-х годов Э. Кагайне и С. Раге отмечали сходство в языковых явлениях характерных как для латышского языка,

²⁷⁰ История Латвийской ССР. Сокращенный курс / ред. А.А. Дризул. Рига, 1971. С. 25 – 26, 46, 52, 56.

²⁷¹ С. Циелава. Искусство Латвии. Л., 1979. С. 14 – 15, 22, 29 – 30, 38, 57.

²⁷² История Латвийской ССР. Сокращенный курс / ред. А.А. Дризул. Рига, 1971. С. 60, 128, 164, 172.

²⁷³ М. Stepermanis. Lielās liesmas atblāzme. R., 1971.

так и для языков Европы. Они совершенно открыто писали о положительной роли двуязычия, чем признавали позитивное влияние немцев.²⁷⁴ В свою очередь Э.Я. Кокаре признавала факт наличия значительных контактов между латышами и европейцами на протяжении истории латышского народа. Она отмечала, что роль посредника в контактах принадлежала соприкосновению с культурой Германии. Стремясь показать европейский характер латышской культуры, Э. Кокаре отмечала, что латышская культура и латышский язык унаследовали очень много от индоевропейского прошлого, что в культурном плане автоматически сближает их с народами Европы.²⁷⁵

В 1980-е годы интеллектуалы Латвийской ССР при построении европейских концепций особое внимание уделяли культурным аспектам проблемы. Они открыто начали писать о европейском характере латышской культуры. Факты этнических и культурных связей латышей с европейскими соседями, параллели с культурами к западу от Латвии, связи с Германией, Данией и Скандинавией в 1980-е годы анализируются в латышской историографии в 1980-е годы более активно.²⁷⁶ Если в ранней историографии влияние викингов занижалось и отрицалось, то в 1980-е годы историки Латвии более широко анализируют скандинавские источники, признают, что в Земгале существовали шведские поселения.²⁷⁷

В историографии Латвии в 1980-е годы усилились представления о взаимовыгодном сотрудничестве, культурных заимствованиях, мультикультурном обществе и международной торговле как объединяющем факторе повлияли и на исторические интерпретации. В связи с этим латышские историки в 1980-е годы развивали концепцию Балтийской цивилизации, имеющей черты типологического сходства со Средиземноморской цивилизацией античности. Стремясь сблизить историю балтийского региона с общеевропейской в данном контексте, латышские историки

²⁷⁴ Э. Кагайне, С. Раге. Некоторые параллели соматических фразеологизмов в языке латышей и их соседей // Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига. 1970. С. 176 – 177, 179.

²⁷⁵ Э.Я. Кокаре. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. Рига, 1978. С. 7 – 9, 17, 51, 55, 59.

²⁷⁶ Л.А. Думпе. Этнокультурные связи латышей и соседних народов по данным молочного животноводства // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Тезисы докладов. Вильнюс. 1981. С. 132, 134.

²⁷⁷ М.К. Атгазис. Вопросы этнической истории земгалов // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига. 1980. С. 89.

особое внимание уделяли таким факторам как расцвет торговли, возникновение городов как её центров, культурный обмен.²⁷⁸

Если раннее о немецком влиянии писали, как правило, негативно, то в 1980-е годы появляются более взвешенные оценки. Немцы почти открыто признаются носителями европейского влияния в Латвии. В отличие от более ранней историографии сюжеты о жестокости немцев, их отрицательном влиянии приобретают второстепенное значение. Рассматривая, проблему немцев в балтийском регионе, А. Алсупе писала, что, например, территория Латвии представляла собой «зону активных культурных связей с германскими народами».²⁷⁹ В конце 1980-х годов П. Крупников отмечал, что следует пересмотреть ряд проблем истории латышско-немецких взаимоотношений, так как выводы более ранних исследований о крайней жестокости немцев к латышам находят подтверждение далеко не во всех источниках.²⁸⁰

В первой половине 1980-х годов латышские авторы наряду с признанием роли немцев как нации, способствовавшей европейской ориентации Латвии, значительное внимание уделяли проблеме роли славян. Их влияние начинает оцениваться как не столь важное и значительное. Латышские интеллектуалы особо подчеркивали выделенность латышского языка из языков соседних народов, его непринадлежность к славянской или угро-финской языковой семье. Латышские языковеды особое внимание уделяли месту балтийской группы среди других европейских языков. В латышском языкознании 1980-х годов как форма европейской идеи существовала тенденция к занижению славянского влияния. Немецкое влияние, в свою очередь, не отрицалось. Р. Балоде особо указывала на крайне незначительный процент заимствований из славянских языков среди названий латышских озер. Особое внимание она уделяла тому, что подав-

²⁷⁸ И. Буша. Представления о балто-скандинавских контактах в археологии советской Латвии (по результатам исследований археологического комплекса в Гробине) // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture. VI sējums. I daļa. Daugavpils. 2003. lpp. 37.

²⁷⁹ А.П. Алсупе. Отражение культурных связей латышского и соседних с ним народов в лексике ткачества // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига. 1980. С. 73.

²⁸⁰ П.Я. Крупников. Полвека истории Латвии глазами немцев. Рига, 1989. С. 7.

ляющее большинство заимствований было изменено в соответствии с нормами латышского языка.²⁸¹

Латышская исследовательница В. Сталтмане в начале 1980-х годов констатировала близость между латышами и европейскими нациями в культурно-языковом отношении. Она отмечала, что в латышском, как и в большинстве европейских языков, отсутствуют отчества. Она сближала латышей с Европой в религиозном отношении, указывая, что они принадлежат к двум христианским Церквям – католической и лютеранской. Протестантизм рассматривался как прогрессивное, в общеевропейском масштабе, учение. Рассматривая проблему личных имен латышей, она стремилась доказать западный характер латышской нации, показывая, что в латышский язык вошло гораздо больше европейских чем славянских имен.²⁸² Эти утверждения следует рассматривать, как попытку противостоять политике русификации.

В начале 1980-х годов одним из наиболее активных сторонников европеизма в Латвийской ССР был Петерис Зейле, который исходил из идеи, что развитие латышской, даже народной культуры, шло в рамках общеевропейской культуры вообще: «было бы неверно целиком отделять народное искусство от искусства исторических стилей». П. Зейле считал, что латышская культура на протяжении своей истории испытала влияние европейских культур. Он вписывал латышскую культуру в европейские культурные традиции вообще, находил между ними «общие черты, обобщающие моменты и коллективные идеи».²⁸³

Отличительная черта концепции П. Зейле – признание роли немцев в приобщении латышей к европейской культуре. При описании данного сюжета основные выводы историка таковы. Немцы принесли латышам латинскую письменность, латынь и латинский алфавит стал основой современной латышской графики. Культура Латвии испытала влияние стилей, характерных для европейской культуры в целом, готики, барокко, ампира. Возникновение этих стилей на латышской почве Зейле связывает с деятельностью германских, польских, голландских, итальянских мастеров. Более того, он признавал, постоянное европейское влияние в книжной области: книги доставлялись из Германии, Голландии, Франции,

²⁸¹ Р. Балоде. Лимнонимы славянского происхождения на территории Латвийской ССР // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом ареальном плане. М. 1983. С. 5.

²⁸² В. Сталтмане. Латышская антропонимия. Фамилии. М., 1981. С. 3 – 16.

²⁸³ П. Зейле. Очерк развития эстетической мысли в Латвии. М., 1980. С. 27.

Италии и Англии; некоторые латыши получали образование не только в соседней Германии, но и во Франции; многие религиозные учения проникали из немецких земель; первые театры, возникшие в XVIII веке, ставили именно европейских авторов.²⁸⁴

В 1980-е годы латышские интеллектуалы уже открыто писали о бытовой близости Латвии с Европой, что проявлялось при описании сюжетов истории строительства в регионе. В 1984 году вышла книга историка и археолога А. Цауне «Жилища Риги XII – XIV веков», где он отмечал, что в городах Латвии, как и в других городах Европы, существовали одни и те же закономерности в развитии строительства, например, из камня строились лишь оборонные сооружения, замки феодалов, церкви и общественные здания. Цауне считал, что изменения в латвийской архитектуре проходили одновременно с переменами в архитектуре европейских городов.²⁸⁵

В 1980-е годы латышские интеллектуалы несколько активнее стали использовать историю литературы для подтверждения европейской природы Латвии и латышской культуры. При этом, открыто выражать европейские симпатии было невозможно. Поэтому, латышская исследовательница В.А. Вавере отвлеченно писала о «литературных связях, восприятия опыта других народов». Истоки последующей европейской ориентации Латвии Вавере видела уже в книге Ю. Аллунанса «Песенки», которая содержала переводы европейских поэтов, начиная с античных. Такой подход она обозначила как «ориентацию на самые вершинные достижения европейской литературы». В связи с этим Вавере много цитирует Упитса о том, что латышская культура тесно соприкасалась с культурами соседних народов, близких и дальних.²⁸⁶

Истоки подобной ориентации Упитса Вавере склонна видеть в том, что еще в юности он достаточно хорошо изучил западную литературу, выучив немецкий, французский и английский языки. Поэтому, Вавере признает роль Упитса в приобщении латышей к европейской культуре посредством переводов выполненных Упитсом. «Иностранная литература давала возможность высказаться по вопросам, волновавшим народы Европы и находившим живой отклик в Латвии», - писала В.А. Вавере.

²⁸⁴ П. Зейле. Очерк развития эстетической мысли в Латвии. С. 50, 63 – 64, 67, 70 – 71, 76, 78.

²⁸⁵ А.В. Цауне. Жилища Риги XII – XIV вв. По данным археологических раскопок. Рига, 1984. С. 115 – 116.

²⁸⁶ В.А. Вавере. Андрей Упит и мировая литература. Рига, 1986. С. 3-4, 13-14.

Упитс характеризуется ей как человек европейской культуры - «о европейских литературах - русской, норвежской, французской, английской, немецкой, итальянской, польской - он писал часто и свободно, как только может писать человек, великолепно знающий материал».²⁸⁷

Развивая эту мысль, она отмечает, что именно Упитс познакомил латышского читателя с интересными произведениями европейских писателей: Ф. Франса, Г. Флобера, Ж. Верна, Г. Гейне, Г. Манна, Р. Джованьоли. Несмотря на то, что этот своеобразный «европейский призыв» следовал за русским, он оказал особое влияние на развитие латышской литературы. Как отмечает Вавере, из европейских литератур особое влияние оказала французская. Вавере писала, что Андрейс Упитс был одним из первых, кто «почувствовал притягательную силу французского искусства и понял его значение для судеб европейских литератур». При этом, Вавере отмечает то, что Упитс в значительной степени способствовал культурному и литературному сближению Латвии и Франции, несмотря на то, что во Франции он ни разу не был. Все знания о Франции, ее истории, культуре и языке - плод долгой исследовательской работы, проведенной А. Упитсом.²⁸⁸

Вавере признает и то, что ориентир Упитса на Францию - часть общей культурно-политической ориентации межвоенной независимой Латвии. Вавере анализировала и то, как Упитс относился к творчеству французских писателей (Э. Золя, Г. Флобера, О. Бальзака). Вавере считала, что наследие Упитса - часть общеевропейского литературного процесса: «творчество Упитса неразрывно связано с основными литературными процессами XX века». Более того, эта связь - связь с Европой: «будучи представителем одного из самых малых народов Европы, он сумел стать вровень с ведущими мастерами культуры крупных европейских стран».²⁸⁹

Во второй половине 1980-х годов в латышской историографии европейская идея с особенной силой проявилась в археологии. Т. Берга в монографии 1988 года отмечала то, что латышские земли с самого раннего момента их истории развивались в рамках европейского пространства. Ей было показано, что с IX века на латышских территориях имели хождение западноевропейские монеты – денарии из Германии, Англии, Дании, Венгрии. Основываясь на археологических источниках, она показывает

²⁸⁷ В.А. Вавере. Андрей Упит и мировая литература. С. 16 - 17, 19, 21, 43.

²⁸⁸ Там же. С. 172 - 173, 176.

²⁸⁹ Там же. С. 262.

значительное число западных денариев в Латвии. Она признавала, что вовлечение Латвии в сферу общеевропейских экономических отношений началось позднее на 30 – 40 лет, чем на соседних (например, польских) территориях. Подчеркивая особые связи именно с Европой, Т. Берга отмечала, что на территории Латвии были найдены монеты, представлявшие собой подражания европейским, что не было характерно, по ее словам, для соседнего Древнерусского государства.²⁹⁰

На конец 1980-х годов пришелся очередной рост европейских идей в Латвии, связанный с перестройкой и активизацией национального движения. Усиление европеизма было характерно не только для исторической науки, но и для литературоведения. В сборнике очерков Гарри Гайлита «Полет пчелы, сон и пробуждение» показана близость латышской прозы европейским литературам. Проявлением такой близости Гайлит считает во многом сходную презентацию героев автором читателю - многие герои, как латышской, так и европейской прозы живут посредственно, без серьезных поражений и побед. Сближает латышскую литературу с европейской отчуждение героя от мира, их замыкание в скорлупе частной жизни. Гайлит констатировал и постепенный отход писателей от методов социалистического реализма в сторону норм, характерных для европейской литературной традиции так, герои прозы начали просто плыть по течению жизни, а не активно преобразовывать ее, что было характерно для прозы в духе соцреализма в 1940 - 1960-е годы.²⁹¹

Рассматривая литературу Латвии как литературу европейского типа, Гайлит отмечает важность романа А. Бэлса «Бессонница», который, несмотря на то, что цензура не допускала его публикации на протяжении двадцати лет, остался, тем не менее, романом, написанном «на хорошем европейском уровне». По словам Гайлита, с европейской прозой «Бессонницу» сближает то, что она не содержит ярко выраженных перекосов в сторону «деревенской» или производственной литературы. Подобно героям Бэлса, Гайлит повторяет: «Кто я такой? Чем мы связаны?».²⁹² Открыто он не отвечает - тем не менее, ответ очевиден. В конце 1980-х годов латыши смогли осознать себя вновь европейцами, с Европой.

²⁹⁰ Т.М. Берга. Монеты в археологических памятниках Латвии IX – XII вв. Рига, 1988. С. 9, 19, 39, 51.

²⁹¹ Г. Гайлит. Полет пчелы, сон и пробуждение. Критические статьи. Рига, 1988. С. 32, 59, 61.

²⁹² Г. Гайлит. Полет пчелы, сон и пробуждение. С. 70, 79.

Европейские построения интеллектуалов в советской Латвии были исторически важны. Они прививали обществу мысль о том, что Латвия чужда для России, пребывание в составе СССР носит временный и вынужденный характер. Более того, европейская идея широко использовалась для противопоставления латышей русским. В целом, европеизм в латышском варианте был призван способствовать сначала культурному, а затем и политическому сепаратизму. Европеизм был призван привить латышскому обществу идею, что в случае изменения политической ситуации Латвия не останется с Россией, а будет двигаться в сторону Европы.

Европейская идея оказалась востребованной литовскими интеллектуалами к 1960-м годам. Обращение к европейской проблематике ранее было невозможно, так как Литва была той республикой, где советские власти стремились провести советизацию в наибольшей степени, что было связано с вооруженной резистенцией, которая в ряде литовских регионов, например в Дзукии, продолжалась не только во второй половине 1940-х, но и на протяжении 1950-х годов.

Подобно латышским авторам литовские, воспользовавшись условиями смягчения идеологического контроля в первой половине 1960-х годов, предпочитали строить большинство своих европейских концепций в исторической области. Литовские историки распространяли на историю Литвы общеевропейские культурные явления. Исследования истории культуры создают впечатления, что территория Литвы была в равной степени охвачена готикой, ренессансом, барокко, не уступая Италии, Франции, Германии и другим западноевропейским государствам.²⁹³ Литовские авторы 1960-х годов стремились доказать, что не только архитектура,²⁹⁴ но и общественная мысль и философия на территории Литвы развивались во многом аналогично западным школам и направлениям.²⁹⁵

Литовские интеллектуалы описывали Литву как Европу, пусть и ее захолустье, но эта окраинность в культурном плане оценивалась ими как европейская. Литовский писатель Антанас Венцлова в 1965 году писал о Кристионасе Донелайтисе как о поэте европейского масштаба, пусть и «европейского захолустья». Стремясь подчеркнуть европейский характер

²⁹³ А. Спелькисис. Жемчужина Вильнюсского барокко. Вильнюс, 1964.

²⁹⁴ А. Гринявичюте-Янкявичне. Архитектура и общественные сооружения в средневековой Литве. Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. Каунас, 1963.

²⁹⁵ А. Шидлаускас. Просвещение в Литве в последней четверти XVIII века. Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. Вильнюс, 1962.

литовской культуры в лице такого ее раннего представителя как К. Донелайтис, А. Венцлова отмечал, что он востребовал идеи французской буржуазной революции, так как не был обособленным, не жил в идейной изоляции, а следил за творчеством своих европейских, французских и немецких современников.²⁹⁶

Литовская исследовательница Б. Кербелите стремилась показать, что не только «высокая», но и народная культура является частью европейской культуры. Принадлежность литовских традиций к Европе она стремилась показать на примере сказок. Анализируя их сюжеты, она приходит к выводу, что многие сюжеты характерны для традиций других европейских народов. Она шла на противопоставление Запада и Востока. Первый в этой дихотомии выигрывал: «малочисленные балтийские народы, литовцы и латыши, в географическом отношении находится на перепутье между восточнославянским, более "восточным" по своему характеру и "западным" германским». В отличие от многих прорусски настроенных авторов Б. Кербелите писала о принадлежности русских к восточному миру, а немцев – к западному. Литовцы, в ее понимании, близки были более к немцам. Стремясь показать литовцев как европейскую нацию, она отмечала, что большинство сюжетов литовских волшебных сказок известно, например, в немецком репертуаре.²⁹⁷

Литовские авторы в 1970-е годы стремились показать европейский характер истории Литвы и литовской культуры, объясняя это географическим положением литовского государства: «Великое Княжество Литовское лежало на большом тракте культурных связей между странами Европы». Именно такое положение, по мысли литовских историков, вело к тому, что одни стили европейской культуры на территории Литвы последовательно сменялись другими, что вписывает историю литовской культуры в историю культуры европейской вообще. Как подтверждение подобных идей литовские историки широко приводили факты того, что большинство деятелей культуры Литвы ориентировалось именно на Италию или Францию. В качестве наиболее ориентированного на Запад в советской литовской историографии приводился Лауринас Стуока-

²⁹⁶ А. Венцлова. Гордость литовского народа // А. Венцлова. Размышления о литературе. Критические статьи. Вильнюс. 1980. С. 141, 143.

²⁹⁷ Б. Кербелите. К вопросу о репертуаре литовских волшебных сказок // Фольклор балтских народов. Рига. 1968. С. 177 – 178, 184.

Гуцявичюс, который получив образование в Риме и Париже, перенес на Литву нормы итальянского и французского классицизма.²⁹⁸

Литовские историки стремились подчеркнуть близость исторических процессов, имевшим место в Литве тем, что проткали в остальной Европе. Особое внимание уделялось роли латыни в развитии культуры, роли католической церкви. Литовские историки нередко подчеркивали связи средневековой Литвы с другими европейскими государствами, например – с Италией, которые влияли на развитие литовской культуры.²⁹⁹ Нередко историки Литвы просто распространяли на территорию Литвы общеевропейские культурные явления.³⁰⁰ В литовской историографии признавалось влияние западной католической культуры, принесенного ею готического стиля – «к концу XV века архитектура Литвы стала исключительно готической, даже православные храмы строили в этом стиле». Подчеркивая европейский характер литовской культуры, историки Литовской ССР писали о влиянии Ренессанса, реформационного движения, гуманизма. В связи с этим, литовец Миколаус Даукша оценивался как «прекрасный пример публицистики Ренессанса».³⁰¹

В первой половине 1980-х годов, несмотря на общий рост оппозиционности в Литве и некоторую активизация национального движения, европейские устремления местной культурной элиты были не так заметны, хотя были и очевидны. О Европе, о Литве в составе Европы в политическом, культурном и этническом плане литовские авторы писали, но были вынуждены делать это скрытно, порой весьма изощренно. При этом общий негативный тон в отношении Запада и Европы сохранялся, но рассматривался как идеологическая необходимость, отказ от которой делал бы невозможной, даже тайное, изъявление своих проевропейских устремлений.

Эта тенденция характерна для сборника статей известного литовского критика и литературоведа Казиса Амбрасаса. Несмотря на то, что многие критические работы и заметки этого сборника были написаны еще в 1960-е годы, его публикация на русском языке стала возможна лишь в

²⁹⁸ История Литовской ССР / ред. Б. Вайткявичюс. Вильнюс, 1978. С. 114, 147, 173.

²⁹⁹ С. Самалавичюс. Жемчужина барокко (костел Петра и Павла в Вильнюсе). Вильнюс, 1977. С. 4.

³⁰⁰ С. Червонная, К. Богданас. Искусство Литвы. Л., 1972. С. 18, 28, 45.

³⁰¹ История Литовской ССР / ред. Б. Вайткявичюс. Вильнюс, 1978. С. 43, 103, 105, 109.

1982 году. Содержа немало заказных работ о проблемах социалистического реализма и советской литературы, сборник, по мнению цензуры, не должен был выделяться на общем фоне советской литературы. Однако, некоторые мысли автора можно интерпретировать как проявление европейской идеи. Это характерно, в частности, для прусской темы.³⁰² Амбрасас пруссам и проблемам их истории не посвятил специальной работы. Но, имеющиеся в его статьях экскурсы в историю пруссов, весьма показательны. Он в некоторой степени идеализирует прусскую историю, их роль в истории Европы. Пруссы и древняя свободная балтийская Пруссия были на том этапе идейным мостом советской не-свободной Литвы в свободную Европу.

От пруссов и Пруссии Амбрасас перебрасывал второй идейный мосток к литовской, современной для него, прозе. Интерпретируя ее как «конкретно национальную», яркую и самобытную, «со всеми народными дзукийскими аксессуарами», он признает ее другое качество - «общечеловеческое и интернациональное содержание».³⁰³ Какое время - такие формулировки и определения. Интернациональное для него - явно не советское, оно, скорее, именно общечеловеческое. Человеческое, в данном случае, значит - европейское.

В том же 1982 году выходит книга Альгимантаса Бучиса «Литературные судьбы. Из истории литовской прозы». Стремясь доказать европейский характер литовской культуры, в особенности - литературы, Бучис показывает тесные связи литовской литературы с европейскими культурами, пусть и народов социалистических стран. Эти связи он мотивировал «всеобщностью» художественной прозы. Под всеобщностью, он видимо, понимал тесную связь с Европой. Рассматривая особенности литовской прозы, Бучис отмечает, что она имела определенное сходство с литературами Западной Европы, в частности, в качестве такого общего признака он называет присущую многим прозаическим произведениям «своеобразную "бессюжетность"».³⁰⁴

Подтверждения европейского характера литовской культуры Бучис нередко искал в истории литовской литературы - действительно, многие писатели Литвы были связаны с Европой, жили там, создавая свои произ-

³⁰² К. Амбрасас. Донелайтис - история и современность // К. Амбрасас. Литература и время. Вильнюс. 1982. С. 18 - 19.

³⁰³ К. Амбрасас. Апофеоз жизни // К. Амбрасас. Литература и время. С. 26.

³⁰⁴ А. Бучис. Литературные судьбы. Из истории литовской прозы. Очерки и портреты. М., 1982. С. 6-8, 11, 17.

ведения. В качестве характерного примера он приводит Винцаса Миколайтиса-Путинаса. К тому же, Бучис в качестве одного из центров литовской культуры в прошлом обозначает немецкий Кенигсберг, который он называл Караляучюсом. параллельно Бучис проводил и параллели между творчеством литовских и европейских писателей - Юозоса Грушиса он сравнивал, например, с Роменом Ролланом, К. Марукаса с Э.М. Ремарком. Более того, Альгирдас Поцюс сравнивается с основоположником европейской литературной традиции - Гомером. Рассматривая историю литовской культуры, Бучис отмечает, что она пережила влияния общеевропейских культурных направлений - неоромантизма, импрессионизма, экспрессионизма.³⁰⁵

Европейские идеи присутствуют и в книге К. Амбрасаса «Судьба романа, или друзья и враги Людаса Васариса», посвященной В. Миколайтису-Путинасу. Амбрасас подробно описывал пребывание Путинаса в Европе, показывает, какое влияние оказало на него обучение в университете в Германии. Более того, роман «В тени алтарей», как показывает Амбрасас, Путинас начал писать в Ницце, а закончил уже в Литве - в Каунасе. Таким образом, «В тени алтарей» стал литовским романом, произрастающим прямо из Европы. Пытаясь доказать европейский характер литовской литературы на примере «В тени алтарей», Амбрасас показывает то, как роман оказался востребован читателями в других европейских странах - в Польше, Чехословакии, Венгрии, Германии. Помимо этого Амбрасас показал, что роман оказался востребованным и в Латвии и Эстонии. Таким образом, Казис Амбрасас показывал включенность литовской культуры в общеевропейский процесс в нескольких перспективах - западноевропейской (германский перевод), восточноевропейской (чешский, венгерский и польский перевод), балтийской (издания на латышском и эстонском языках). Кроме этого, он писал и о перспективах перевода романа на другие европейские языки, например, на итальянский.³⁰⁶

К европейской проблематике прибалтийские интеллектуалы более часто стали обращаться во второй половине 1980-х годов, с началом «перестройки», которая привела к активизации национальных движений в общеевропейском масштабе. Свидетельством оживления европейской идеи, например в Литовской ССР, стал выход в 1987 году сборника бело-

³⁰⁵ А. Бучис. Литературные судьбы. С. 30, 38, 74, 86, 174, 219.

³⁰⁶ К. Амбрасас. Судьба романа, или друзья и враги Людаса Васариса. Вильнюс, 1987. С. 28, 184 - 195.

русских и литовских историков и философов «Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы», в рамках которого авторы пытались показать развитие культуры Литвы в рамках общеевропейского культурного процесса.

Литовский историк Р. Плечкайтис исходил из того, что Литва не была изолирована от остальной Европы, а ее «философская мысль имела замкнутого провинциального характера». Он показывал, что реформационное движение в Литве началось под явным европейским влиянием: деятели реформации были образованными людьми, которые окончили университеты в Европе. Им было отмечено, что большинство литовских деятелей реформационного движения заимствовали свои социальные идеи у теоретиков европейского протестантизма. Плечкайтис показывает, что вся философская мысль в средневековой Литве развивалась под влиянием мыслителей Западной Европы.³⁰⁷

Литовская исследовательница И. Василевскене в 1987 году отмечала, что по своим правовым установкам политическая и юридическая мысль в ВКЛ была близка западноевропейской мысли. Источником этой близости, согласно ее точки зрения, было приобщение к опыту античного права, характерное одинаково для Литвы, так и для Западной Европы. Активное проникновение европейской политической традиции в Литву в ее античной форме она связывала с возрождением в Италии. И. Василевскене считала, что влияние итальянской ренессансной культуры было характерно для большинства европейских стран, в том числе – и для Литвы.³⁰⁸

Для европеизма 1980-х годов было примечательно то, что европейским стал признаваться не только средневековый, но и советский период. Литовский литературовед Пятрас Браженас в 1988 году, рассматривая особенности советской литовской литературы, стремился показать ее эволюцию в рамках общеевропейского культурного процесса. В книге «Будни и праздники романа» П. Браженас отмечал, что развитие литовского романа является частью общеевропейских литературных традиций. Литовский роман являлся, согласно его концепции, «репрезентантом национальной культуры» в рамках Европы как таковой. П. Браженас считал,

³⁰⁷ Р.М. Плечкайтис. Опыт исследования истории философии в Литве // Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы. Мн. 1987. С. 44 – 47.

³⁰⁸ И.С. Василевскене. Традиция и ее наследование. Принципы античной философии в литовских статутах // Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы. Мн. 1987. С. 194 – 196.

что проза Литвы была прозой европейского типа, а литовская литература была литературой европейского уровня, так как имела контакты с литературами западных стран – ФРГ и Франции, хотя «доморощенные Прусты и Джойсы» от западных явно отставали.³⁰⁹

В конце 1980-х годов интеллектуалы Литвы на волне роста национального движения своей европейской ориентации уже не скрывали. Усилия для поддержания европейской идеи в советской период стали получать положительную оценку, рассматриваясь как вариант сохранения литовской национальной идентичности. В 1990 году Роландас Павилёнис отмечал, что поддержание литовской интеллигенцией европейскости будет способствовать возвращению воссозданного Литовского государства в Европу. Им констатировалось то, что благодаря интеллигенции была сохранена уникальность Литвы в «разнообразном укладе европейских культур».³¹⁰

Важнейшим историческим итогом развития литовского европеизма в советский период можно считать реальные успехи европейской интеграции Литвы в 1990-е годы. Об этом в 1990 году писали позднесоветские литовские интеллектуалы Андрюс Бучис и Миколас Карчяускас, отмечавшие, что Литва намерена вернуться в Европу,³¹¹ в которой она развивалась до 1940 года,³¹² уже не на страницах исследований, а в политическом и экономическом плане.

Европейская идея в Советской Эстонии впервые серьезно себя могла проявить в 1960-е годы, когда имели место элементы национального возрождения. В самом общем плане автоматическому выделению эстонцев из всех жителей СССР способствовало то, что их язык принадлежал к редкой финно-угорской группе, в то время как родственные им общности в РСФСР в значительной степени были русифицированы. Национальной активности эстонцев способствовало то, что из ссылки смогли вернуться представители эстонской интеллигенции. Кроме этого определенное смягчение внутренней политики вылилось в рост влияния эстонского языка. Советские эстонские интеллектуалы установили связи с представителями эстонской эмиграции на Западе. Особенно важны для эстонских

³⁰⁹ П. Браженас. Будни и праздники романа. М., 1988. С. 7 – 8, 30, 37.

³¹⁰ Вильнюс. 1990. № 3. С. 126 – 127.

³¹¹ А. Бучис. Свободное, открытое слово // Вильнюс. 1990. № 5. С. 173.

³¹² Вильнюс. 1990. № 7. С. 9.

интеллектуалов были контакты с этнически и культурно близкой Финляндией.³¹³

В Эстонской ССР в 1960-е годы активизировалась молодая интеллигенция, эстонские ученые стали обращаться к новым исследовательским направлениям (психологии, социологии, культурологии), которые не получали развития в общесоюзной перспективе. Кюлло Арьякас отмечал, что именно на данном этапе усилилась приобщение эстонских интеллектуалов к мировой культуре.³¹⁴ Все это способствовало тому, что в эстонской советской историографии произошли изменения, и историки Эстонской ССР активно стали обращаться к европейской проблематике.

Одно из первых описаний эстонской истории в европейских рамках может быть найдено в работах Энна Тарвела, который считал, что на территории средневековой Эстонии существовало аллодиальное право европейского типа. Экономический рост в Эстонии конца XV века он вписывал в общий ход развития Европы, в разложение феодализма и начало развития капитализма. Подъем хозяйства XVI века Э. Тарвел считал общеевропейским явлением. Внутренние процессы в Эстонии, по Э. Тарвелу, часть исторических процессов, протекавших по всей Европе.

При этом Энн Тарвел шел дальше других историков советской Прибалтики. Если историки Латвии и Литвы видели в попытках стран Европы вмешиваться во внутренние дела балтийских народов лишь негативные последствия, то Э. Тарвел отмечал, что вмешательство, например, Польши принесло облегчение эстонским крестьянам.³¹⁵ Этот подход выделяет Э. Тарвела из ряда коллег, свидетельствуя о его идеологической дерзости, так как русские историки в РСФСР при анализе данного сюжета могли писать лишь о засильи польских панов, эксплуатации и угнетении ими крестьянства, о проводимой политике колонизации.

Определенный рост европейской идеи имел место в Эстонской ССР в 1970-е годы. Этот факт признается современными эстонскими авторами, хотя они не утруждают себя поиском истоков и особенностей этого европейского сюжета, который воспринимается ими как некая изначальная данность. Н. Бассель, например, считает, что принадлежность Эстонии к Европе в 1970-е годы обеспечивалась опытом межвоенного независимого

³¹³ А. Ярв. История Эстонии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / сост. М. Йокиппи. Ювяскюля. 1995. С. 137.

³¹⁴ К. Арьякас. Основные черты развития не-самостоятельной Эстонии (1944 - 1990) // Радуга. 1990. № 10. С. 41.

³¹⁵ Э. Тарвел. Фольварк, пан и подданный. Таллин, 1964. С. 29, 69, 258, 262.

существования. Эстонских интеллектуалов можно рассматривать как западных интеллектуалов, которые в период межвоенной независимости получили возможность ознакомиться на родном языке с произведениями западной классики, что лишь способствовало их европейской ориентации в советский период. В целом Н. Бассель констатирует европейский характер и сопричастность Эстонии с культурными процессами Западной Европы того времени.³¹⁶

В начале 1980-х европейские сюжеты вновь оказались широко востребованными. Активизация эстонской интеллигенции стала реакцией на изменения в Эстонской ССР, которые выражались в усилении русификаторской политики и попытках нивелирования республики по союзным стандартам.³¹⁷ В 1980 году министром образования Эстонской ССР была назначена Э. Гречкина, что привело к стихийным демонстрациям школьников и студентов.³¹⁸ В такой обстановке эстонские исследователи в 1980-е годы все более открыто пишут о контактах между эстонской и европейской культурой, особенно – в сфере культуры, архитектуры, традиций.³¹⁹

Если другие советские историки писали о национальных культурах как о почти самодостаточных заинтересованных в контактах исключительно с русской культурой, эстонские авторы стояли на совершенно иных позициях. В 1980 году сорок деятелей эстонской культуры, науки и искусства направили письмо в газеты, где писали об опасной ситуации с эстонским языком и культурой, угрозе русификации.³²⁰ В такой ситуации один из наиболее известных советских эстонских историков культуры и литературы Н. Бассель писал, что эстонская культура на протяжении всей своей истории испытывала воздействие со стороны «развитых литератур» европейских народов. Он склонен был видеть общие закономерности в развитии эстонской и европейской культур, доказывая, что разви-

³¹⁶ Н. Бассель. История культуры Эстонии. Таллинн, 2000. С. 139.

³¹⁷ К. Арьякас. Основные черты развития не-самостоятельной Эстонии (1944 - 1990) // Радуга. 1990. № 10. С. 30.

³¹⁸ К. Арьякас. Основные черты развития не-самостоятельной Эстонии (1944 - 1990). С. 32.

³¹⁹ М. Лумисте. Церковь Нигулисте. Историко-архитектурный очерк. Таллин, 1985.

³²⁰ А. Ярв. История Эстонии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / сост. М. Йокипии. Ювяскюля. 1995. С. 141.

тие эстонской культуры вписывается в «общеевропейские литературные направления».³²¹

В 1980-е годы европейская идея в Эстонии вышла на качественно новый этап развития. Если в предыдущие десятилетия советского господства эстонские интеллектуалы вписывали процессы в республике в европейские рамки, то в 1980-е годы они начали интерпретировать эстонскую науку как европейскую не только в отношении конкретных исследований, но и в методологическом плане. С особой силой этот подход проявился в исторических исследованиях. Если русские авторы предпочитали еще писать об историческом материализме, законах общественного развития, то эстонские историки и философы А. Уйбо,³²² А. Порк,³²³ Э. Лооне³²⁴ создают в своих работах свою философию историю скорее западную по складу и внутреннему содержанию, чем советскую. Обилие ссылок и цитат из работ западных авторов, незначительное обращение к классикам марксизма-ленинизма позволяет интерпретировать их работы как минимально советские, но в наибольшей степени европейские. Это стало залогом успешной и быстрой европеизации Эстонии в политической сфере после восстановления независимости.

Европейская идея в балтийском варианте представляет собой идею принадлежности балтийских наций и государств к особому типу цивилизации основанной на христианской этике, гуманистических традициях эпох Ренессанса, Реформации, Просвещения, объединяющей народы Европы. Параллельно подобные идеи развивались и в других советских республиках. Сходным образом демонстрировали свою обособленность и политическую оппозиционность интеллектуалы Украины, Беларуси и Молдовы, которые так же в своих произведениях нередко смотрели в стороны Европы, а не Москвы. Наличие европейской идеи в советских историографиях республик Прибалтики отражало искреннюю веру местной национальной интеллигенции в возможность поддержания и стимулирования с ее помощью национальной идентичности и национального самосознания латышей, литовцев и эстонцев. Параллельно европейская идея использовалась для противостояния тенденциям русификации и советизации прибалтийских республик.

³²¹ Н. Бассель. Типологические связи эстонской советской литературы с литературами других народов. Художественная проза. Таллин, 1980. С. 47, 49.

³²² А. Уйбо. Теория и историческое познание. Таллин, 1988.

³²³ А. Порк. Историческое объяснение. Таллин, 1981.

³²⁴ Э. Лооне. Современная философия истории. Таллин, 1980.

Идея принадлежности балтийских государств Европе родилась за-долго до включения прибалтийских республик в состав Советского Сою-за. Ее истоки следует искать не только в межвоенном периоде, но и на более ранних этапах, когда Прибалтика развивалась в рамках Европы, не-смотря на свой периферийный статус. При этом в балтийских республи-ках СССР европейская идея находилась в полном контрасте с реальной действительностью советского общества, которое противопоставляло се-бя западному миру, проводя на территории Латвии, Литвы и Эстонии по-литику последовательной советизации. Находясь в составе Советского Союза против своей воли, прибалтийские республики были лишены воз-можности создания политических партий и движений, которые служили бы выразителями их интересов. По данной причине, интеллектуалы Лат-вии, Литвы и Эстонии искали другие пути для выражения своей оппози-ционности советскому правлению. Именно проявлением такой оппози-ционности стало появление европейской идеи в гуманитарных исследовани-ях балтийских советских республик.

Степень проявления европейской идеи в гуманитарных исследовани-ях прибалтийских республик была различной и зависела от состояния по-литической жизни как в Латвии, Литве и Эстонии, так и в СССР в целом. Интенсивность открытого проявления европейской идеи зависела от осо-бенностей внутренней политики советского руководства в отношении на-циональных окраин. В периоды правления Л. Брежнева и Ю. Андропова внутренняя политика ужесточалась. Это вело к снижению оппозиционной активности прибалтийских интеллектуалов. Либерализация, проводимая Н. Хрущевым и М. Горбачевым, наоборот, вела к активизации нацио-нального самосознания и движений, к росту оппозиционности, в том чис-ле и европейского плана.

Европейская идея была оппозицией двойственного плана. С одной стороны, она оппозиционировала Прибалтику России, с другой – капи-талистической свободной Европе, вовсе не собиравшейся помочь своим прибалтийским собратьям в освобождении от коммунизма. Подобная оп-позиция влекла за собой и особое позиционирование прибалтийских ав-торов перед соседями с Востока и Запада. Для Запада они показывали се-бя как «своих» - как христиан, католиков или протестантов, как индиви-дуалистов, как антикоммунистов. Этот закодированный призыв был по-нят и расшифрован. Признаком этого – балтийские исследования, которые активно развивались на Западе после 1945 года. Другой смысл предлагал-

ся Востоку. Русским интеллигентам балтийские интеллектуалы хотели сказать, что они другие, не такие, непохожие и более того – чуждые. Российская интеллигенция этот сигнал раскодировала верно и воспринимала Прибалтику как нечто чуждое. Однако власти не поняли и продолжали удерживать ее в составе СССР.

Европеизм историков, литературоведов и языковедов советских балтийских республик можно рассматривать как результат искусственной интеллектуальной трансплантации европейской культуры и европейской ментальности на балтийскую почву. Поэтому, европеизм, несмотря на то, что он смог проявиться в максимальной степени в гуманитарных исследованиях, имел национальные особенности. Европеизм в среде латышских интеллектуалов был реакцией на попытки русификации. Он был создан, скорее всего, не для Запада, а для русской интеллигенции, чтобы показать ей, что Латвия – это нечто особенное, но не Россия. Что касается литовских интеллектуалов, то те писали в большей степени для Европы, в которой видели возможную помощь при восстановлении независимости. Именно этим следует объяснять то, что именно в Европе дольше всего после создания Литовской ССР существовали дипломатические учреждения межвоенной Литвы. Эстонские же авторы создавали свои концепции для себя. Запад и Россия были им одинаково чужды в культурном и языковом отношении. Европеизм в Эстонии был, в отличие от Латвии и Литвы, политическим учением в наименьшей степени. Европейская идея в устах эстонских советских интеллектуалов звучала как философская идея, методологическая основа научных исследований.

Восстановление политической независимости балтийскими республиками и переориентация их внешней политики привели к востребованию европейской идеи прибалтийских государств межвоенного периода и переосмыслению европейских концепций, возникших во время советской оккупации. В 1990-е годы особенно важны были издания по данной проблематике вышедшие на русском языке. Эти издания были призваны продемонстрировать русскому меньшинству то, что страны Балтии намерены последовательно двигаться на Запад. Европу, а их переориентация в сторону бывшей метрополии, России, невозможна.

После восстановления независимости в балтийских республиках, по признанию большинства авторов, имело место возрождение националистических традиций. Европейская доктрина широко использовалась для реанимации ослабленного в советский период национального самосозна-

ния. Отличительная черта национализмов народов современной Прибалтики – ориентир на Европу, европейские модели политической жизни.

Эстонские национально мыслящие интеллектуалы используют европейскую идею для подчеркивания особенностей эстонской национальной идентичности. В 1997 году, например, Э. Тыниссон писал: «в культурном отношении мы принадлежим к ареалу Балтийского моря, в языковом – к числу угро-финнов, по генам – мы обыкновенные европейцы. Не вижу, чтобы в этом было какое-то противоречие».³²⁵ Современные латышские авторы так же не чужды европейской идее: например, А. Странга утверждает, что Латвия всегда была в контексте европейской истории, отмечая, что развитие латвийского государства и народа в XX веке соотносится с общими европейскими тенденциями, как в культурной, так и в политической жизни.³²⁶

Известный эстонский исследователь культуры Н. Бассель констатировал особую роль европейской составляющей в эстонской национальной идентичности. «Интегрированность Эстонии в сферу общеевропейской культуры» не вызывает у него сомнений. Н. Бассель, подобно В.И. Пичете, особое внимание уделял европейскому характеру эстонской культуры. Н. Бассель считал, что эстонская городская культура формировалась под влиянием западной и североевропейской цивилизации. Вхождение Эстонии в Европу эстонский автор связывает с немецким завоеванием, которое принесло в регион европейскую культуру: «реформация, лютеранство ”шведское время” в значительной степени способствовали вхождению Эстонии и ее народа в орбиту западноевропейской культуры». Само завоевание, в отличие от советской историографии, интерпретировалось как «вхождение в немецко-язычную языковую общность». Завоевание, по Басселю, способствовало тому, что «эстонская культура проходила ”немецкую” школу». Бассель распространял на Эстонию общеевропейские культурные процессы, например, Реформацию. «Подлинное зарождение культуры и образования на европейском уровне применимо в Эстонии лишь с началом Реформации, интеграция Эстонии с европейской культурой началась лишь после Реформации», - пишет Н. Бассель.³²⁷

³²⁵ E. Tõnisson. Kes me siis ikka oleme? // Sõnumileht. 15. 05. 1997.

³²⁶ А. Странга. Латвия в XX веке в контексте европейской истории // Вестник Европы. 2001. № 2.

³²⁷ Н. Бассель. История культуры Эстонии. Таллинн, 2000. С. 14 – 16, 19 – 20, 27.

Бассель склонен считать, что эстонская европейская идентичность в значительной степени была усилена в период существования независимой межвоенной Эстонской Республики. После обретения национальной независимости, в соответствии с Басселем, привело к переориентации эстонской модели культурного развития именно на Запад, что выразилось в «развитии Эстонии как европейского государства». Европейская ориентация межвоенного периода привела к активизации эстонских контактов с Финляндией и государствами Скандинавии. Бассель считает, что эстонские интеллигенты – западные интеллектуалы, которые в период межвоенной независимости получили возможность ознакомиться на родном языке с произведениями западной классики, что лишь способствовало их европейской ориентации. Рассматривая развитие культуры в Эстонской ССР, Бассель констатирует ее европейский характер и сопричастность с культурными процессами Запада. В отношении современной Эстонии ее европейский характер у эстонского историка сомнений, разумеется, не вызывает.³²⁸

Европейская идея стала одним из компонентов национальной идентичности Литвы. Г. Кобецкайте в 1993 году, отмечая «мультикультурность европейских стран», писала, что «Европа объединяется, соединяется, стремится к единообразию, вскоре исчезнут границы, будет введена единая денежная система, даже гражданство будет европейским, Европа не только идет к единообразию, она раздвигает свои границы».³²⁹

Отличительная черта европейского компонента современной литовской национальной идентичности – это обращение к прошлому. Понимая, что в периоде советской истории европейского немного, литовское общество 1990-х востребовало европейские идеи авторов довоенной Литвы и Литовского Зарубежья. Например, в 1993 году была переиздана работа зарубежного литовского историка Миколаюса Воробьеваса «Искусство Вильнюса». Оставив искусствоведческие особенности книги, отметим, что культура Вильнюса показана автором как европейская. Вильнюс, согласно М. Воробьевасу, город, который отражает развитие большинства стилей европейской архитектуры. Вильнюс демонстрирует, как шло общеевропейское развитие барокко, готики, ренессанса. Параллели искусства Литвы Воробьевас проводит с Италией и искусством европейского

³²⁸ Н. Бассель. История культуры Эстонии. Таллинн, 2000. С. 95, 99, 139, 185.

³²⁹ Г. Кобецкайте. Родной язык – по воскресеньям? // Вильнюс. 1993. № 1. С. 133.

юга: «свободно стоящие колокольни встречаются лишь в Италии и то до XV века, в древнейшем архитектурном стиле Вильнюса встречаются черты южного искусства».³³⁰

Для популяризации европейской идеи в Литве 1990-х годов был переиздан ряд работ Винцаса Миколайтиса-Путинаса. В переизданной статье «"Славная старина" в литературе и реальные обиды прошлого», написанной еще в 1930-е годы, современному литовскому обществу были представлены идеи об общем характере во всевропейской перспективе христианской культуры, которая быстро стала общей для территории всей Европы. Идеи Путинаса были востребованы, так как он считал, что европейская культура развивалась по единым образцам, например, в литературе. Доказывая это, Путинас писал, что на территории всей христианской Европы на раннем этапе развивались народные эпосы, а позднее «в европейских странах расцветает столь значительная эпоха как Ренессанс, который дал толчок для развития европейских культур».³³¹

Литовские авторы включали Литву в общеевропейский контекст. Как правило, этот контекст был не просто общеевропейским, а западноевропейским. Литовская история, в соответствии с концепцией Л. Донскиса, развивалась в рамках Европы. Даже Пруссия и Кенигсберг – это признаки литовской европейскости. Протестантская, то есть европейская ориентация, литовской культуры в ее клайпедском варианте – это признак принадлежности Литвы Европе.³³² Литовские историки 1990-х годов включали историю Литвы в общеевропейский исторический процесс. Период расцвета европейской Литвы – это межвоенный период. Литовский историк А. Эйдintas считает, что межвоенный период в европейской истории характеризуется тем, что государства Европы провели ряд важных внутренних, в первую очередь – аграрных, реформ. Реформы, имевшие место в Литве, вписываются им в общеевропейскую модель.³³³

Важнейшая черта европейской идентичности Литвы – это признание наличия общей культуры между Литвой и Европой. Одно из проявлений

³³⁰ М. Воробьевас. Искусство Вильнюса // Вильнюс. 1993. № 4. С. 87 – 90; 1993. № 5. С. 75, 84; 1993. № 6. С. 76.

³³¹ В. Миколайтис-Путинас. "Славная старина" в литературе и реальные обиды прошлого // Вильнюс. 1993. № 1. С. 17, 18, 22.

³³² Л. Донскис. Клайпеда как форма духовной жизни // Вильнюс. 1993. № 6. С. 5 – 8.

³³³ А. Эйдintas. Что значит президент для Литвы? // Вильнюс. 1993. № 5. С. 118.

этой общности – это наличие общих особенностей общественно-политической и философской мысли. Согласно Т. Корнеевой-Мацейнене профессиональная философия, возникшая в Литве, в конце XVIII века была принесена с Запада – из Рима, Вены, Польши и Чехии. Подобно другим сторонникам европеизма, она распространяла на Литву общеевропейские культурные явления. Корнеева-Мацейнене считает, что философские идеи Ренессанса и Нового Времени западного мира имели настолько широкий резонанс, что проникли в Литву. Она считает, что философия Литвы является типично европейской философией: например, литовская схоластика в незначительной степени отличалась от западной.³³⁴

Европейская интерпретация Литвы характерна и для В. Кукуласа. Литва, в его интерпретации, «трагическая грань, именуемая Восточной Европой». Кукулас рассматривает культуру Литвы, в особенности поэзию, как типично европейские явления. Согласно Кукуласу, даже советская литовская лирика ориентировалась в своих творческих исканиях на Запад. В. Кукулас широко цитировал своих предшественников. Он ссылался на Й. Айстиса и Р. Гавялиса. Первый утверждал, что «литовская дохристианская культура была западной, если и не кельтской, то очень близкой к ней, и в наших песнях нет ничего восточного, славянского»; второй отмечал, что литовцы являются европейцами, и им следует быть ими.³³⁵

О культурной принадлежности Балтии к Европе писали так же Л. Яцинкявичюс и А. Шлөггерис. Первый считал, что «литературная традиция Западной Европы осенила своим крылом и литовскую прозу».³³⁶ Второй указывал на то, что Литва развивается в рамках такого культурного пространства, которое объединяет весь Запад. Литва, по его словам испытала влияние общеевропейских культурных процессов, например, Просвещения и модернизма. Шлөггерис оценивает европейских интеллектуалов как европейцев: «литовские интеллигенты всегда читали Бодлера, Ницше, Шпенглера, Хайдеггера». При этом он указывал на то, что Литва «всегда находится на пути в Европу» и лишь в 1990-е годы она начинала «синхронизироваться с Западной Европой». Стремясь доказать пользу

³³⁴ Т. Корнеева-Мацейнене. Путем философии // А. Мацейна. Великий инквизитор. СПб. 1999. С. 5 – 8.

³³⁵ В. Кукулас. Взгляд обращен к Западу, ноги несут на Восток // Вильнюс. 1993. № 2. С. 123, 125.

³³⁶ Л. Яцинкявичюс. Мировой контекст и мы // Вильнюс. 1993. № 4. С. 8.

вхождения балтийских стран в Европу, Шлёгерис отмечает, что именно Западная Европа диктовала и продолжает диктовать Балтии и балтийским народам идеалы экономической, политической и интеллектуальной жизни.

События последних лет, интеграция стран Балтии в ЕС подчеркивают историческую предрасположенность Латвии, Литвы и Эстонии к тому, чтобы быть частью европейского политического, культурного и экономического пространства. Местные политические элиты сделали выбор в пользу Европы, еще раньше на подобный шаг пошли латышские, литовские и эстонские интеллектуалы. На протяжении XX столетия Балтия пребывала в зоне бесспорного европейского влияния и культурного доминирования. Современная внешняя политика России всвидетельствует о том, что российские элиты смирились с потерей этого региона. Потеря Балтии не означает того, что на этом регионе следует поставить крест и отдать его на откуп журналистам и националистам, которые имеют весьма отдаленные представления о Прибалтике.

Изучение Балтийского региона в исторической и культурной перспективе будет способствовать как развитию гуманитарных исследований в России, так и взаимопониманию между интеллектуальными сообществами и политическими элитами России и трех балтийских государств.

Максим Валерьевич Кирчанов

ЛАТВИЯ И СТРАНЫ БАЛТИИ
проблемы дипломатической и политической истории

Воронеж
2007

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений
Воронеж, Московский пр-т, 88

Тираж: 100